Annotation

Книга-памятник персидской орнаментальной прозы XIII в. Автор в распространенной в то время манере развивает тему о вреде поспешных решений, щедро украшая повествование примерами, цитатами, риторическими фигурами.

- Дакаики
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Словарь непереведенных слов и терминов [30]
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15

- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30

Дакаики

Услада душ, или Бахтиар-наме

Глава первая

О рождении Бахтияра, о его воспитании айярами в горах. О беде, которая случилась из-за вина и опьянения, о превратностях, ниспосланных ему коловращением времен

Рассказывают, что в давние времена, в прошедшие века жил в стране Аджам некий царь, обладатель венца и трона, по имени Азадбахт, победоносный падишах в краю Нимруз. Он расстилал ковер справедливости и правосудия и завоевал земли от границ Систана До берегов Бахрейна и Оммана. У царя было десять везиров, весьма мудрых и справедливых. Каждый из них был светочем знания и знатоком высоких помыслов, изучил науки древних и поздних народов и овладел тайнами явного и сокровенного. Основы смуты в стране были разрушены, а враги царя уничтожены.

Там царят красота и блаженство,
Будто в славной державе весны.
Справедливость печатью скрепила
Список добрых деяний царя.

У падишаха был военачальник, муж войны и воитель выдающийся, несравненный по храбрости, незаменимый по доблести, яростный лев на поле брани, могучий поток на ристалище Щедрости. Пред молнией его меча луна укрывалась за тучами, искры из-под подков его коня озаряли землю пламенем; его копье достигало созвездия Копьеносца, а аркан давил шею созвездию Льва. На поле сражения он вызывал слезы врагов на пиру – улыбку на устах царя. Его приказания и запрету исполнялись беспрекословно, к его советам и наставлениям прислушивались все.

Итак, этот военачальник был прозорливым мужем и опасным воином, он познал все тонкости управления страной, непрестанно трудясь над упорядочением дел государства. Однако был и у него

порок, свойственный многим храбрым мужам: если зародится в его груди ненависть к кому-то, если западет в душу злоба, то пламя ярости уж не погасить. Он не ведал, что пыль гнева застилает око доброты, что злоба омрачает чистоту нрава. Сказал пророк – да будет мир ему! – «Гнев – огонь, а шайтан происходит от огня. Блажен тот, кто погасил пламя гнева, убегая от огня шайтана».

Не поддавайся злобе, ибо пламя гнева
Спалит и честь, и имя доброе твое.
Рассудку руку протяни, поможет
Он справедливости свечу зажечь.

У военачальника была дочь, такая красивая, что лицу ее могло позавидовать солнце, а ее черные локоны могли соперничать с мускусом. Зохра проиграла бы ей партию в нарды любви, и само небо не могло бы одолеть ее на поле любовных сражений.

Творец ее лица не видел недостатков,
В румянце нежных щек явил он мастерство.
Все семь красот се достигли совершенства –
Знать, бог ее во славу божью сотворил.

Отец восхищался красотой дочери, его приводили в восторг ее прелести, не ведал он только об известном изречении: «Дочь схоронить – хорошо поступить» [1].

Если ты проницательный муж, если разумом ты обладаешь,
Не вверяй свое сердце шайтану, покоряясь любви к дочерям.
Погребальным носилкам подобны Небесные Девы [2], –
Так и девам земным на носилках достойнее быть.

И вот однажды, когда военачальник отправился по делам на дальние границы государства, чтобы там разобраться в жалобах подданных и пресечь злоупотребления (ведь сказал же Посланник, да будет мир ему: «Вы все пастыри, и все вы ответственны за паству») и

чтобы воочию увидеть, какова жизнь обиженных и угнетенных бедняков, каково положение тех, кого притесняют и кто подвергается насилию, он непрестанно повторял про себя:

Подумай ты, тиран и узурпатор,
О стрелах утренней молитвы бедняков.

Ведь говорят же: «Насилие – это мрак в Судный день».

Пребывание военачальника в тех краях затянулось, и он отправил доверенного человека с наказом привезти к нему из столицы дочь, чтобы она утешила отца своим обществом.

И случилось так, что в тот день, когда паланкин с дочерью военачальника вывозили из государевой столицы, в окрестностях города охотился сам падишах. Он выпустил ловчих птиц, и вот соколы и кречеты вились над лесом, охотничьи псы рыскали вокруг, а обученные гепарды гнали дичь.

Тут падишах бросил взгляд на дорогу и узрел паланкин, украшенный разноцветными занавесями и богатыми инкрустациями. Его бунчук достигал небесного свода, а шелковые покрывала касались трав на лугу. Слуги-эфиопы гарцевали вокруг паланкина и пели стихи перед розой, перед тюльпаном:

Светочем горит твоя краса,
Загасить ее боятся небеса!

Падишах, увидев паланкин, отправил своих гулямов, повелев разузнать, кто его хозяин: ведь в паланкине разъезжают только царские особы, а бунчук с полумесяцем – знак обитателей шахского дворца.

Есть у царей свои приметы, знаки,
По тем приметам узнают царей.

Чернокожие слуги, завидев гулямов падишаха, поскакали навстречу и сказали:

– Это дочь военачальника, мы везем ее к отцу по его приказу: он соскучился по ней.

Гулямы доложили падишаху, и тот поскакал к паланкину, намереваясь просить девушку передать отцу привет и добрые пожелания, чтобы проявить тем самым свою царскую благосклонность и добрыми словами снискать расположение сердец. Когда падишах подъехал ближе, слуги спешились, облобызали прах у ног его и почтительно замерли. Падишах в самых изысканных и приятных словах попросил передать привет своему полководцу. Но тут по воле случая подул ветерок, откинул уголок занавеса паланкина, и падишах узрел лик девушки. Ему открылась совершенная красота, словно платан породнился со слоновой костью, словно розы и тюльпаны смешались на серебряном подносе.

Прекрасная луна, в тебе краса и свет.
Без света нет красы и совершенства нет.

Когда падишах увидел красоту девушки, его сердце стало добычей ее взгляда. Охотник сам превратился в дичь, свободный, царь свободных, оказался в оковах рабства. Ведь любовь – это птица, которая родится от страстного взгляда и свивает гнездо в сердце, а поселившись в этом гнезде, выкидывает прочь терпение, как говорится в пословице: «Часто любовь загорается с первого взгляда, на горе рождается от одного слова».

Сердце падишаха попало в капкан любви. Совесть запрещала и подсказывала: «Пройди мимо и не смотри, ибо Посланник божий сказал: «Не бросай взгляды один за другим, ибо первый взгляд за тебя, а второй – против тебя». Но жадная любовь нашептывала ему пословицу: «Иссякло терпение и стеснилась грудь». Ведь терпеть можно сердцем, а сердце на этот раз было ограблено толпой красоты, душа же была пленена ватагой горестей.

Случилась со мною беда от любви. И какая беда!
Вонзила судьба прямо в сердце мне шип. Что за шип!

Говорят же: «Для сердца хуже нет, чем влюбиться с первого взгляда и познать мольбу и нужду».

Как ни старался падишах исторгнуть из сердца любовь, отказаться от игры страстей, всепобеждающее чувство и любопытная тоска вырвали у него из рук поводья твердости духа и самообладания.

Если разум – учитель везиров,
То любовь – это бедствие царств.
Если в сердце любовь поселилась,
Значит, рухнет терпения дом.

Одним словом, когда падишах стал пленником собственного сердца, он взял у слуги повод верблюда паланкина и сказал ему, стремясь к свиданию с возлюбленной:

Как свидеться? Ведь не осталось сердца в груди моей!
Как быть? Гордыни царской не осталось в груди моей.

Любовь – это птица, которая посещает просторы сердец благородных мужей; это хозяин, который радушен только с благородными. Небесный судия, сообщающий потусторонние тайны, сквозь занавес совершенства пророка, разъясняя свойства благородства, возвестил: «Тот, кто влюбился, проявил добродетель, скрыл любовь и умер – умер шахидом». Жизнь влюбленного – основа счастья, а смерть его – венец мученической смерти за веру [3].

Любовь – это хмель, а похмелие – гибель,
Прекрасен в нем тот, кто унижен и бедствует.

Одному древнегреческому философу сказали: «Твой сын влюбился». – «Теперь он достиг совершенства в человеческом достоинстве», – ответил философ.

Покуда натура не станет здравой, а душа – добродетельной, любовь недопустима и влюбленность невообразима. Доказательством человеческого совершенства и духовной силы служит любовь, которая

нисходит на сердца мужей, а не детей, которая сочетается с духом возвышенным, а не с душами подлецов, ибо ищущий любви должен обладать гармоничной душой и совершенной личностью. Воистину, покуда дух человека не станет совершенным, он не вкусит радостей любви, ибо: «Тот, кто не вкусил, не ведает».

Любовь прекрасна и нуждается в прекрасном,
В прелестном, несравненном и изящном.

Спросили мудреца: «Откуда люди взяли любовь?» – «Слово «ишк» [4], то есть «любовь», – ответил он, – происходит от слова «ашака», а оно означает «плющ», который вьется вокруг дерева и не отстает от него, пока тот не высохнет».

Спросили другого: «Что такое любовь?» – «Начинается она, – ответил тот, – с сомнения, а кончается нищетой».

Много людей на свете говорили о любви и звенели колокольцами страсти, но подлинную цену ей знают только люди, свободные от всего иного, а право на любовь дано лишь зрелым мужам. Беспечной пташке, которая парит высоко в небе на крыльях наслаждения, вдыхая аромат базилика и напевая сладостные мелодии, неведомы сердечные муки соловья, что жалобным голосом стенает на заре, чья истерзанная душа навеки заточена в клетку.

Не знаешь ты, кого любовь сожгла,
Не ведаешь, кого еще сожжет
Ты беззащитным встретишь сей пожар,
Когда гореть настанет твой черед.

Повести о достославных сражениях бедуинов следует рассказывать арабским мужам, а не малым детям из школы. И раз дело зашло так далеко, то друзья-советчики не спешили со своими наставлениями. А обитатели гнезд птицы Анка, то есть счастливцы в любви, возглашали с вершины искреннего расположения, что любви надо домогаться на пути великодушия, а не на страницах, исписанных пером. Чтобы выиграть в этом игорном доме бедствий, нужно быть

Маджнуном из племени Бану Амир, чтобы пить вино в этом погребке, надо быть Кусаййиром бедуином.

Лишь редкая душа познать любовь сумеет
Из книги, источающей мед слов.

Итак, падишах от сильной любви и сердечного волнения схватил рукою страсти верблюда паланкина. Когда взор его проник внутрь разукрашенных носилок, сердце его возжаждало свидания, душа возжелала красоты, и он сорвал прочь покрывало. Он увидел перед собой красавицу, неприступную в своей гордыне, возлюбленную, какую желало его сердце. Он увидел нарумяненное лицо и завитой локон, увидел ланиты, подобные небесным светилам, яркие, как тюльпаны, и гладкие, как щелк.

Почувствовав, что сердце его опьянено любовью, а душа вовсе лишилась благоразумия, падишах сказал слуге:

– О сострадательный слуга и опытный друг! По отношению к влюбленным следует проявлять великодушие, ведь они – самые тонкие из людей. Красота этой девушки поразила мое сердце и опутала душу. Я вижу лишь один выход: тебе следует отправиться к военачальнику и посватать для меня его дочь. Скажи ему от моего имени: «Это сватовство принесет тебе честь и хвалу, а результатом этого союза будет упорядочение дел державы и торжество веры. Ты знаешь, что я достоин быть твоим зятем и заслуживаю этой радости, ибо, как говорит пословица, «каждый человек знает цену своей земли».

Слуга выслушал эти речи, поцеловал землю и сказал:

– Любое намерение падишаха разумно и приносит счастье. Отец этой девушки запрыгает от радости, даже если увидит подобное во сне. Однако к любому делу должен быть свой подход, и домогаясь чего-либо, надо найти верное средство. И у радости есть свои сезоны, а у пиршества – свои правила. Если падишах передаст эту девушку евнухам гарема, то люди подумают, что он взял ее силой. Тогда друзья падишаха будут пожинать лишь укоры и сплетни, зато враги обретут крылья для взлета. Самое разумное – это приказать мне сопроводить девушку к отцу и рассказать ему обо всем. Военачальник сочтет предложение падишаха великим благом для себя, заглавным листом

своего счастья, даже подумает: «Счастье – это благоприятные случайности». Он даст дочери приданое, какое сможет, а потом уж отошлет ее служить шаху.

Влюбленному мужу не надо спешить,
Терпенье – влюбленных удел.

Ведь говорят: «Поспешность – от шайтана».

Но падишаху эти слова слуги не понравились, ибо «Терпение – горше сабура», и он закричал на него в гневе:

– Как ты смеешь давать мне советы и наставления?!

Он хотел было наказать слугу, но раздумал, ибо боялся огорчить этим нежное сердце возлюбленной и причинить неприятность тонкой натуре красавицы. Говорят ведь: «В прощении проступков слуг – совершенство великодушия». И всевышний сказал о «сдерживающих гнев». Вспомнив об этом, падишах отстранил слугу, взял сам повод верблюда, несшего паланкин, и направился в город.

В тот час, когда последние солнечные лучи скрылись за горизонтом, когда и запад и восток покрылись черными чепраками, когда неподвижные звезды засверкали на небосводе и по ступенькам небес взошли планеты, они въехали в город. К шаху вызвали приближенных, сановников и судей. Падишах велел им получить у девушки согласие на брак, дабы устранить всякие кривотолки о прелюбодеянии, заключить брачный союз на основе шариата и написать на прекрасном листе договор, ибо: «Воистину лучший союз – на основе веры».

Заключили брачный договор, собрали все необходимое и сообщили сановникам и вельможам державы, чтобы они составили поздравления, а потом начали приготовления к свадьбе и пиршеству.

Прекрасная супруга несет с собой счастье,
И с нею обретают заветные надежды.
Ее красой прельстившись, спешит луна за нею,
И солнце с неба сходит, чтоб на нее взглянуть.

Итак, падишах исполнил все правила и установления шариата, а слуга, о котором говорилось выше, отправился к военачальнику и рассказал ему подробно о случившемся. И тогда сердце отца от чрезмерной любви к дочери облилось кровью. Он читал поздравительные письма, но из глаз его текли слезы, и он произносил про себя бейт древнего арабского поэта:

Мечом разящим смою с себя позор,
Так предписал Аллах, в том нет моей вины.

Он прочитал письма. Как говорится: «В сердце селится вражда, а в пепле таятся угольки». Благоразумие подсказало ему отправить шаху благодарственное письмо с выражением радости и изъявлением почтительных чувств. Он писал: «Что за счастье выпало мне! Что за милость мне досталась? На каком языке можно возблагодарить за такую честь? Чья рука может написать повесть об этом? Теперь, когда на голову слуге возложили венец, когда нижайшему рабу открыли врата счастья, я препоясался на служение шаху, готов выполнять его приказания, горю желанием как можно скорее прибыть для службы и поцеловать почтительно землю.

Благодеяниями ты меня осыпал,
И стала утром ночь, и осветился мрак.
Теперь друзья завидовать мне стали,
Тогда как прежде насмехался враг».

Рука его писала такие слова, а в душе он месил тесто вражды; внешне казался он целительным бальзамом, а втайне был губительнее яда.

Уста произносили клятвы верности друзьям, Но были клятвы ложью и притворством.

Втайне военачальник глотал тоску, а внешне высказывал покорность и почтительность, он вил гнездо коварства, скрывая свои страдания.

Из-за тебя меня постигло то,
Что отвергать ни сил нет, ни терпенья.
Я будто бы простил – ведь полагают,
Что благородным надлежит прощать!
Но знай: когда добро не исправляет,
Дела, его исправит зло.
Во зле спасение отыщешь, если
Великодушье не спасет тебя.

Падишах проводил время с новобрачной, их взаимные наслаждения все увеличивались, а лучи счастья озаряли их жизнь. Шах дарил возлюбленной сокровища и клады, приносил ей всякие драгоценные диковинки.

Расцвел от радости свидания дворец,
Запели птицы счастья в облаках.

Пока падишах наслаждался любовью, военачальник дни и ночи измышлял коварные планы. Прошло несколько месяцев, и он без ведома падишаха созвал других полководцев и повел такие речи:

– Знайте, что мне надобно поведать вам одну тайну, вам же следует ее сохранить. Тайна – это залог, который можно вручить только благородным мужам. Хранителем откровений может быть только тот ларец, печать которого можно сломать только перед сборищем великодушных людей.

Тайна пребудет лишь у благородного мужа.

– Вы ни за что не должны разглашать эту тайну, – продолжал верховный военачальник. – Поклянитесь в этом моей жизнью и вашими жизнями! Не искушайте мою добрую волю, сей результат чистоты моих помыслов, не мешайте моей предусмотрительности, ибо она плод искренности моих намерений. «Воистину назидание – во имя веры».

Пренебреженья и презренья достоин тот,
Кто, обладая знаньями в избытке, другим их не дает.

Все воинские начальники поклонились верховному полководцу и заявили:

– Ты всегда был нашим предводителем, мы гордились твоим руководством и стремились быть под твоим началом. Из твоего цветника веет ветерок нашего счастья, твоему мудрому разуму обязаны мы благоденствием. Мы всегда слушались твоих советов, почитали тебя и покорялись тебе.

– Да будет вам известно, – сказал верховный военачальник, – что страна существует благодаря вам, однако плоды процветания ее пожинает шах. Вам достаются одни тяготы, а ему – царские сокровища. Вы скачете на конях доблести, а он исполняет свои желания. Вы играете в нарды сражений, а кости наслаждения бросает он. Вам известно, как я усердствовал в укреплении основ государства и предотвращении его гибели. Благодаря мне жемчужина державы вплетена в прочную нить, а смуты искоренены благоразумием. Но вопреки всем моим похвальным деяниям шах пренебрег моими заслугами – и вашими будет пренебрегать! А ведь уважительное отношение к слугам диктуется благородством и необходимо для укрепления собственного положения. Тот, кто унижает мужей державы и бесчестит военачальников, платит за оказанные услуги неблагодарностью, а за верность – насилием. Вы сами видели, что он увез мою дочь прямо с дороги, запятнав полу мужества грязью низости.

Много знаков величья отличает царей –
Лишь короной отличен от смердов наш царь.
Предназначен царь богом для исправленья людей.
Но как выправишь тень, если ствол сам прямой?

Пока военачальник говорил эти слова, от волнения из глаз его лились слезы. Нет! Не слезы, а кровь сердца через глазницы бежала по

лицу… Когда он кончил речь, все полководцы и вельможи заявили в один голос:

– Уже давно мы страдаем, но не решались вымолвить слова. Настала пора раскрыть наши тайны, свергнуть тирана.

Доколе сетовать нам на свою судьбу?
Уж лучше жизнь сравнять ценой с зерном ячменным.

Тут военачальник стал раздавать сокровища, рассыпать подарки. К нему собралась большая рать, так что замысел его получил прочную основу. Они внезапно напали на шаха, окружили его со всех сторон. Как говорит пословица: «Часто минутная страсть влечет за собой долгую скорбь».

Падишах, не видя выхода из затруднительного положения, не зная, как выпутаться из беды, сказал дочери верховного военачальника:

– Все это из-за моей любви к тебе. Как нам спастись? Судьба не благоволит к нам, ее посулы – коварство и обман. Теперь, когда войско изменило мне, ночь не получит вести о приходе утра, а в этой войне нет надежды на мир.

Жена ответила:

– Единственный выход – покинуть страну и бежать в дальние края под покровительство какого-либо властелина.

– Это разумно, ибо: «Бегство от того, с чем не можешь справиться, – это путь посланников божьих», – сказал падишах. – Ведь пророк сообщает о Мусе, который сказал Фараону: «Я убежал от вас, ибо боялся».

Во дворце у падишаха была потайная дверь в подземный ход, выводивший в степь. Он велел оседлать коней и открыть ту потайную дверь. На одного коня шах посадил жену, на другого сел сам, взял оружие и поскакал прямо по пустыне без тропы и дороги. Кругом вздымались песчаные дюны, словно вершины гор, а овраги были глубоки, как полноводные реки.

Надо сказать, что жена падишаха была в тягости и уже приближалось время ей разрешиться от тяжести, время свивальников и

пеленок. Истек срок, назначенный чреву, и девятый месяц уже начертал гороскоп.

Так несчастьями мы богаты.
Что не надо просить у других.

Они скакали три дня и наконец прибыли к какому-то колодцу. Вода, в нем была солонее злой судьбины, а окрестные места отвратительны, как горький ад. И вот у того колодца у жены падишаха начались родовые схватки.

Гляди-ка что измыслила судьба,
Чтоб погубить влюбленных счастье!

Падишах и шахиня потеряли всякую надежду на спасение, ибо позади них были мечи врагов, впереди же простиралась безжизненная песчаная пустыня. Тогда шахиня сказала мужу:

– Мне придется остаться здесь, но ты волен ехать дальше. Гибель ста тысяч подобных мне не стоит одного волоска с твоей головы.

Жизнь моя! Не старайся продлить мгновений в обители горя.
Коль не можешь несчастных спасти – оставь их, беги поскорей.

– Ты для меня дороже жизни! – ответил падишах. – Я пожертвовал царством ради тебя, как же мне тебя бросить? От царства и богатства можно отказаться, но невозможно покинуть прекрасную возлюбленную.

Как ни бедствуем мы, с нами помощь Аллаха:
Жизнь отдам за любовь я, но честь сохраню.

Недаром говорит пословица: «Судьбы не миновать, а печаль – удел благородных», – продолжил падишах. – Я примирился со своей

судьбой и сложил свою голову у порога великого творца в ожидании его воли.

И в тот же миг родился на свет мальчик совершенной красоты, крепкий и здоровый. Казалось, что Юсуф вернулся в этот мир, что луна взошла на небо.

Мать завернула мальчика в свою рубашку, и тут шах сказал:

– О любимая! Нельзя привязываться сердцем к дитяти. Давай оставим его у колодца на попечение творца, а сами двинемся в путь через пустыню. Бесконечная милость создателя не даст этому младенцу погибнуть, ибо для каждой мошки есть доля со стола его благодеяний, для каждого муравья на скатерти его милости есть свой удел. «И нет ни одного животного на свете, пропитание которого не было бы от Аллаха».

Мать, услышав такие речи, вздохнула со скорбным сердцем, накормила сына и положила его на краю колодца. Шах же привязал к ручке ребенка драгоценный камень и сел на коня, с сердцем, обугливщимся от горя, со слезами на глазах.

Как от своих любимых я далек.
Как стал в разлуке с ними одинок!

Бедная мать горевала, проливала слезы и скорбно вздыхала. Стоило прозвучать крику, как она думала, что это ее ребенок; откуда бы ни слышался стон, она думала, что это ее дитя.

Итак, падишах и его жена были опрокинуты навзничь десницей судьбы, вместо радости у них был лишь мираж, вместо воды им достались в удел кровавые слезы.

Военачальник меж тем овладел царством, стал раздаривать царскую казну, расточать государственные сокровища.

Наконец после долгих скитаний и страданий падишах и его жена прибыли в Кирман. А государь этой страны был одним из самых великодушных мужей на свете. Когда он прослышал о прибытии нашего падишаха, то велел челяди как следует встретить гостя, разрешил своим вельможам оказать ему должный прием и приказал приготовить для него подобающие царскому сану покои.

Встречать надо гостя радушным приветом.
Почтение вслед уходящему гостю – позор.

Когда шах Систана отдохнул после скитаний по дорогам пустыни, когда в покоях радости, в жилище счастья прошла его усталость, он велел созвать сладкоголосых певцов, радующих сердца, приготовить все, что нужно для веселия и наслаждения. А правитель Кирмана прислал к нему с наказом сына, велев передать:

«Мир существует для наслаждения и радости, наши дни – это перечень веселий и удовольствий. Дорога под твоими ногами благоуханна, ибо ты шагаешь по ней; наши края и страна наша озарены лучами властителя всего мира. Если ты соблаговолишь оказать нам честь своим посещением, если ты час-другой проведешь с нами за чашей вина, то горести дней будут преданы забвению в обществе великодушных мужей. Это будет для нас великим счастьем и большим почетом.

Собрались мы для веселья,
Твоего прихода ждем.
Пир устроили на славу,
Будешь ты звезда на нем.

Шах Систана немедля прибыл на пир правителя Кирмана и в саду, равном райским садам, узрел райское пиршество. Раздавались звуки органона, лилось вино цвета аргавана, там парил хумай счастья, чаши наслаждения ходили по кругу. Когда чаша дошла до шаха Систана, его глаза заволоклись слезами, и он сказал:

– Да будет вечность уделом падишаха! Вино может пить тот, кто не тоскует в разлуке с родиной и не скорбит из-за покинутой родной страны. Но как может вино радовать того, чье царство и владения захвачены врагами и чернью, чьи сокровища и казна преданы разграблению и похищены?

Я вспомнил родимые степи, газелей,
И сердце мне сжала тоска.

Падишах Кирмана, видя гостя в таком состоянии, попросил:

– Расскажи, какая беда постигла тебя, поведай, чем судьба тебя наказала. Хотя у почетного гостя и не спрашивают о причине прибытия, хотя «не спрашивают царей о том, что с ними произошло, и не проникают в их тайны», но тем не менее невзгоды, случившиеся с царями, – дело иное, и, если события относятся к властелинам, они приобретают особый оттенок.

Шах Систана рассказал обо всем подробно, и падишах Кирмана стал утешать его:

– Не горюй, ибо падишахи обязаны помогать друг другу! Мы благодарны тебе за то, что ты обратился к нам за помощью, ведь, помогая тебе, мы обретаем вечное счастье. Сказано в Писании: «И помогайте одни другим в благочестии и боязненности».

Прошло несколько месяцев, и падишах Кирмана как бы по наитию приказал огромной рати двинуться под водительством шаха Систана через пустыню и окружить неожиданно столицу и рубежи Систана, уничтожая беспощадным мечом врага.

Когда враги падишаха были посрамлены и знамена мятежников смяты, когда тела недругов были повержены, а их души отправлены в ад, шах Систана послал правителю Кирмана дары. Расцвели розовые кусты счастья, соловьи благоденствия пришли в восторг, полился дождь из туч благодеяний, засверкало солнце благоденствии.

Радость пришла! Счастье исполнило то, что обещано.
Вновь в небесах засверкала звезда благородства.

Падишах воссел на царский трон, а плоды справедливости стали его урожаем. Он вновь дал взлететь своему благородству и стал благоустраивать царство, ибо: «Правление – это благоустройство». Подданные радовались ему, жители страны благодаря его правосудию становились все более свободными. «Чем больше потеря, тем больше радость находки».

У падишаха была только одна забота: он говорил о сыне, которого оставил на краю колодца, с которым расстался волею судьбы:

Коль разлука с любимым была суждена,
Положиться пришлось на судьбу.

А случилось так. Когда падишах и его жена оставили мальчика на краю колодца, туда вскоре нагрянула шайка айяров, промышлявших разбоем в пустыне. Они увидели у колодца мальчика, в сто тысяч раз прекраснее любой картины; свет его чела озарял пустыню, а она, отражая его краску, становилась цветником.

Газеленок, подобный луне серебристой,
Он прекрасней луны, серебра он светлей.

Главарь айяров, узрев совершенство и красоту мальчика, заключил:

– Это, наверное, шахский сын. На челе дитяти блистают признаки царственности и приметы падишаха. Такой ребенок не родится от смерда, такая жемчужина не отделится от безродного, говорят же: «Черный порождает только черное». Этот мальчик станет львом на лужайке и воинственным мужем.

Он поднял мальчика и тут увидел на руке у него драгоценный камень – и его догадка подтвердилась. Главарь тут лее понес его к себе домой, вручил кормилице.

– Этот мальчик дан нам богом, – сказал он и потому нарек его Хододад [5].

А падишах меж тем думал, что сына задрали дикие звери, и не ведал, что божественная милость спасла дитя.

Прошло какое-то время, шах-заде вырос, стал мужественным воином и храбрым мудрецом. Главарь айяров выучил его всем правилам и наукам. В красноречии, адабе и арабском языке он достиг совершенства. Шах-заде проводил время с айярами в пустыне или же охотился на диких зверей. Когда в храбрости он поднялся до наибольших высот, когда он научился всему, что нужно, главарь айяров стал посылать его на разбойные дела. При этом он говорил:

– Сын мой! Наше занятие – грабить на дорогах, наше ремесло – быть айяром.

Нападая на караван, шах-заде проявлял врожденное великодушие и внутреннее благородство и прощал слабых. Если, например, он находил у купца огромное состояние и несметные сокровища, то отбирал лишь меньшую часть, а большую оставлял. Как говорят: «Тебе следует быть справедливым, а не то погибнешь». Воистину всегда благородство украшает человека.

И вот однажды айяры напали на караван. Караванщики были мужественные и храбрые мужи, испытавшие удары сражений, жар и холод битв. Как только показались разбойники, они схватились за оружие, бросились на них, и закипел жестокий бой. Ярость караванщиков сокрушила сердца разбойников, и их разгромили. Ходадад получил много ран и попал в плен к охране каравана. Начальник каравана велел привязать его к мулу, а потом сказал своим:

– Взгляните, этот юноша похож на лесного льва, на прославленного храбреца.

– Конечно, я лесной лев, – отвечал Ходадад, – да попал в стаю лисиц. Храбрость льва для меня обернулась трусостью лисицы, я променял пищу сокола на крохи паука… Того, кто пренебрегает верой и заповедями религии, постигает такая участь.

Коль обратился за помощью к предателю благородный,
Он с благородством расстанется, честь запятнает свою.

Начальник каравана, выслушав его речи, сказал:

– О мудрый юноша! Ну и скверное же ты выбрал ремесло! «Тот, кто не проявляет милосердия, не заслуживает милосердия». Разве достойно мужа грабить нА большой дороге? Разве благородные люди станут грабить и разбойничать?

– Если бы я следовал обретенным мною знаниям и своему разуму, – отвечал Ходадад, – то не оказался бы в унижении и не попал бы в беду. «Когда настигает судьба, то глаз слеп». Небесный рок невозможно отвратить, божественным мудростям нет предела.

Предначертал калам небесный, что быть должно,
И уравнялись в то мгновенье движенье и покой.

Тот, кто ведает сокровенное, знает, что я не по своей воле ступил на этот путь, что вкусил это ремесло не без отвращения.

Наше время – не час ли единый? И он истекает
Вместе с тем, что в нем было из бед и стыда.

Начальник каравана выслушал достойные речи и красноречивые слова Хододада, и в его сердце пробудились сострадание и сочувствие.

– О любезный юноша! – сказал он. – У тебя благородный характер, и ты говоришь прекрасные слова. Слова твои – от бога, а деяния – от шайтана. Если ты раскаешься, то достигнешь предела совершенства и достоинства мужей. Клянусь твоей душой, я готов подать тебе руку и усыновить тебя.

– Если ты искренне протягиваешь мне руку, – отвечал Хододад, – то я твой верный раб и преданный слуга.

Обращайся со мной хорошо, и мою ты исправишь натуру.
Я у бога прошу, чтоб мои он исполнил мольбы.

Как говорят: «Когда овладеешь, можно быть мягким». И еще добавляют: «Надлежит быть выдержанным, когда ты в трудном положении, и прощать, когда ты в силе».

Одним словом, купец велел снять с его ног оковы. Они двинулись в путь и прибыли в Систан. Там купец сказал о Хододаде шаху Систана, и тот приказал разбойников повесить, а Хододада освободить.

Купец относился к Хододаду, как к сыну, и юноша проводил время безмятежно, следуя заповедям добродетели.

И вот однажды купец решил послать в дар падишаху тюк парчи. Хододад взял тюк и отправился во дворец. Падишах взглянул на Хододада, увидел высокий рост и совершенные формы, стан, словно сосна, и щеки, словно красные розы. Свет благородства исходил от лица юноши. Падишах вздохнул и подумал: «Горе мне! Если бы мой сын был жив, то был бы похож на него станом и лицом».

Ну и чудеса! Отец смотрел на сына, не ведая, что эта роза выросла на лужайке его рода, что этот тюльпан – со склона его происхождения, что это птенец из его гнездышка, путник из собственного дома.

Падишах смотрел на Ходададада, вручив поводья размышления во власть удивления. Но сколько бы он ни смотрел, следовало бы еще больше!

Блеск молнии отринул от меня дремоту,
Зарницею сверкнул мне светлый лик ее.
Душа моя – приют, где поселилась Сальма.
И нет обители надежней и верней.

Падишах спросил купца:

– Это твой сын?

– Нет, – отвечал купец, – он из тех разбойников. Но он раскаялся в своих поступках, и в нем возобладали благоразумие и благочестие. Как говорят: «Раскаявшийся в грехе подобен тому, кто не грешил».

– Не можешь ли ты подарить мне его? – спросил падишах. – Хотя он тебе вроде сына, не уступишь ли ты мне его?

Купец поцеловал прах перед падишахом и отвечал:

– Если бы даже у меня было сто родных сыновей, то они только гордились бы честью быть твоими слугами и рабами.

Купец подарил Ходададада и вышел от падишаха. Ведь сказано: «Воистину у Аллаха есть рассказы слаще пирожного». И говорят еще: «Проживи раджаб и увидишь диво».

Падишах одарил Ходададада почетным платьем, возложил, на его голову кулах, а затем спросил:

– Как звать тебя?

– Отец нарек меня Ходадададом, – отвечал тот. – Теперь не я раб твой. И какое имя ты ни дашь мне – твоя воля.

– Я называю тебя Бахтияром [6], – сказал шах, – чтобы счастье и благоденствие сопутствовали тебе. Ты прибыл в дом счастья, воздай же хвалу! И дни и ночи Бахтияр служил падишаху, и тот по своему внутреннему разумению и природному доброжелательству одаривал Бахтияра дарами и возвышал его положение. Как говорят: «Это старая песенка».

Падишах вздумал испытать честность Бахтияра в делах в вопросах доходов и расходов и назначил его старшим конюшенным. Бахтияр проявил на этой должности осведомленность и

добросовестность, так что не пропал ни единый ман ячменя. Он непрестанно держал под своим наблюдением конюшни и вникал в дела, так что лошади шаха и придворных каждым днем становились все краше и упитаннее.

И вот как-то падишах навестил конюшни и убедился в хорошем состоянии животных: тощие стали упитанными, худосочные – крепкими. Он понял, что это благодаря умению Бахтияра, тут же возложил на него халат со своих плеч и назначил начальником над всеми шахскими конюшнями.

Дождь начинается с капли, но потом превращается в ливень.

Счастье все больше сопутствовало Бахтияру, дела его шли в гору. Падишах убедился в добросовестности, удостоверился в его верности. Как говорится: «Аромат благовония не скроешь». И вот однажды падишах рассудил:

– Тот, в ком сочетаются в такой мере твердость характера, умеренность и добронравие, заслуживает быть казначеем, а не старшим конюшенным, дабы благодаря его стараниям процветала казна, столь необходимая государству, дабы сокровища преумножались благодаря совершенству его деяний.

И падишах сказал, чтобы перед Бахтияром склонили головы сановники и великие мужи державы. Ему вручили ключи от казны и печать от шахской сокровищницы.

Бахтияр исправно вел доходы и расходы государства, производил строгий учет всех трат и поступлений. Без шахского соизволения он не выдавал никому ни единого дирхема. Пока не принесут ему шахского перстня с печатью, он не снимет ни одной печати! И в скором времени казна пришла в порядок, а сокровища умножились.

Рук чистота и верность души
Лучше ста тысяч ценных каменьев.

Эимра падишаха и приближенные двора, видя расположение шаха к Бахтияру, стали завидовать ему. А у Бахтияра с каждым днем дел

становилось все больше, а счастье все светлее. Он начал покупать себе рабов, стал заботиться о своем оружии и сбруе своего коня.

Однажды Бахтияр в уединении пил вино и дарил своим слугам золото и одеяния. Стояла весенняя пора, время, когда расцветают деревья. Тучи рассыпали жемчуг, а утренний ветерок мешал амбру и мускус. В саду стройный кипарис начал свои пляски, а утки стали нырять на дно водоемов. Земля облачилась в зеленое одеяние, погода избрала умеренность. Из каждой щелочки в земле пробивались чудесные и удивительные творения.

Бахтияру вздумалось отправиться погулять, чтобы насладиться улыбками роз и песнопениями соловья. Из царского казнахранилища одна дверь вела в покои шаха, а другая – в дворцовый сад. Бахтияр в пылу опьянения перепутал двери и увидел комнату, нарядно убранную и украшенную изображениями небесных светил. В том покое стояло ложе, на котором по ночам возлежал падишах. Бахтияр, сильно опьяненный, упал на это ложе и заснул. А служанка приняла его за шаха и поставила перед ним, как было принято, кувшин с водой.

Когда войско Рима удалилось на запад [7] и на небо вторгся первый полк занзибарцев тьмы [8], слуги закрыли двери шахских покоев, а шахские стражники выстроились в проходе между рядами дверей. Падишах вошел в свою комнату и увидел на ложе Бахтияра, который спал, возложив голову на царские подушки. Падишах закричал на Бахтияра:

– Эй, проклятый! Эй, дерзкий! Как ты смел оказаться здесь? Зачем ты сюда явился?

Сгубила тебя твоя злая судьба,
Окончилось счастье по воле небес!

Падишах велел заковать Бахтияра и отправить в темницу. Как говорится: «Легче сесть верхом на горячие уголья, чем совладать с опьянением». Или: «Начало опьянения – зло, а исход – гибель». Сколь много мужей пали из-за опьянения, которое не приводит к успеху; лучше не пить вина, из-за которого можно лишиться чести.

Когда Бахтияра отвели в темницу, падишах с гневом в сердце и смятением в душе вошел в гарем и закричал на старшую жену:

– Говори правду! Что за этим кроется? Кто в этом виноват? Бахтияр не мог прийти сюда просто так! Он не вошел бы сюда, если бы не бывал здесь раньше!

Шахиня поцеловала прах перед падишахом и сказала:

– О падишах! Кто может выслушать такие упреки и дать на них ответ?… Потерпи, пусть прояснится причина этого дерзкого поступка, пусть обнажится основа этой беды. А потом уж наказывай, как тебе вздумается, соскобли ржавчину позора с зеркала чести. И если падишах строго накажет этого беднягу, на то шахская воля!

Падишах велел надеть цепи на всех обитательниц гарема, а старшую жену собственноручно заковал в кандалы, потом же со скорбным сердцем, горюя о бесчестии, возложил голову на подушку.

На другой день, когда эмиры и везиры пришли на прием и выстроились в отведенном для них месте, они узрели на челе падишаха приметы гнева, но никто не дерзнул спросить его о причине сего. Наконец падишах позвал главного везира, мудрейшего из мудрецов, и поведал ему о том, что произошло ночью.

Везир ненавидел доброго Бахтияра и завидовал ему вместе с придворными и приближенными. И он подумал: «Настал час! Я погублю его и вылью на него дождь мучений». Как говорят: «Судьба – удобные случаи, в остальном же – сплошное горе».

– О падишах! – воскликнул везир. – Разве достоин быть приближенным к шаху и служить твоему трону отпрыск разбойников, выросший в пустыне? Если побег милостей посадить на скудной почве, то, вне сомнения, вырастут лишь заботы для сердца.

Величье духа твоего внушает.
Меч наказанья милостью сменить.
Поступок сей не менее опасен,
Чем если милость заменить мечом.

Падишах велел везиру:

– Ступай, расследуй и разузнай все об этом, установи, кто прав, кто виноват, чтобы меч наш, наказывая, стал бы еще более могущественным.

Везир пришел к шахине и сказал:

– Что за скверная история приключилась с тобой при твоем высоком положении? Сердце и печень мои разрываются, а разум мутится. Расскажи мне правду, быть может, мы сумеем исправить положение, и за мраком ночи настанет свет утра.

– Да будет тебе известно, – отвечала шахиня, – я не знаю ни начала, ни конца этой истории. Моя душа непричастна к этому бесчестию, мое тело безгрешно перед этим срамом.

– Тебе лучше говорить так, как я научу тебя, – стал внушать везир, – солгать во имя собственного спасения, чтобы смыть с себя скверну, чтобы вырвать с лужайки твоей беспорочности сей терновник.

– Ты – словно отец, а я словно дочь, – отвечала шахиня. – Как прикажешь, так я и сделаю. Ведь ты желаешь только очистить мой двор и исцелить мои раны. Каждая капля, которая падает из тучи, твоего разума, – это драгоценная жемчужина; каждая мысль, выраженная в твоих достойных речах, – это крепкая вервь.

– Наилучший выход, – стал уверять везир, – это чтобы я сказал от твоего имени падишаху, что этот низкородный малец неоднократно покушался на твою честь, не уважал тебя, бросал камешки с крыши и угрожал: «Если ты не уступишь мне, то однажды ночью я ворвусь в покои и отрублю головы тебе и падишаху».

– Как бы нас не постигло возмездие на этом свете и наказание на том, – отвечала шахиня, – за напраслину на невинного человека, за то, что мы отдадим его мечу гнева.

Везир разгневался и закричал не нее:

– По шариату дозволено пролить кровь, и закон разрешает убиение разбойника, который в течение многих лет грабил караваны и отбирал насильно имущество мусульман! И преславный Коран по этому случаю предписал: «Воистину наказание Для тех, кто сражается против Аллаха и его Посланника». Следовательно, убить вора – праведное дело и венец добрых Деяний.

– Повинуюсь, – сказала шахиня, – ибо люди видят в тебе муфтия и считают Мессией всего мира.

Тогда везир пришел к падишаху, стал поносить Бахтияра клеветническими речами, наговорил всяких слов, насочинил разных небылиц. Гнев падишаха разгорелся, и он велел воздвигнуть виселицу в назидание другим.

И вот Бахтияра вызвали для дознания. Шах взглянул на него во гневе и закричал:

– О ничтожный неудачник! Я доверил тебе все царские сокровища, вручил государственную казну, включил тебя в число приближенных сановников. Не стыдно тебе платить коварством за доверие? Ты обрек себя на виселицу, сделал себя дурным примером для всех людей мира.

Бахтияр поднял голову и сказал:

– Да будет вечен падишах всего мира и счастливый государь! И хотя в том положении, в котором очутился я, впору прощаться с жизнью и расставаться с миром, но мужи шариата сказали, имея в виду такие случаи: «Воистину у правой стороны есть рука и язык». Я невиновен в этой возводимой на меня напраслине и безгрешен в приписываемых преступлениях. Значит, если я не докажу свою правоту, то буду виноват в том, что сам сгубил свою жизнь. Ведь сказал всевышний: «Не встречайте гибель собственноручно». Слава всевышнему Аллаху, что наш падишах – пастырь своих подданных и покровитель чужестранцев; его разум украшает сады государства, его вера и счастье наряжают лужайки царства и религиозной общины. При поддержке его десницы можно подниматься на небо, а мирские желания благоволят к нему. Он расположил в строгом порядке слуг и вельмож, озарил все трудности светом твердого ума. Как сказал всевышний, да будет славен и всемогущ он: «По милосердию от Аллаха ты смягчился к ним».

Твоими милостями так упрочен мой удел,
Я от щедрот твоих настолько преуспел,
Что, если вдруг теперь меня ты милостей лишишь,
Мой дух от алчности мирской ты тем освободишь.
Но я не стану умалять, что даровал ты мне,
И с благодарностью тебя я восхвалю вдвойне.

– О падишах, – продолжал Бахтияр, – вели заточить меня в темницу, не торопись казнить меня. Быть может, твои высокие помыслы убедятся в моей невиновности и безгрешности, ибо положение мое такое же, как у купца, от которого отвернулось счастье,

дела которого пришли в расстройство, дни благоденствия стали пасмурными, а небо удачи затянулось дымом.

– Что это за история? – спросил падишах.

Тут Бахтияр раскрыл уста красноречия и дал возлететь Анке ясного изложения и приступил к рассказу о купце.

Глава вторая

Рассказ о купце, от которого отвернулось счастье. В этом рассказе заключены назидания для мудрецов и мудрые изречения для разумных мужей

– Да будет падишах вечен, – начал Бахтияр. – Рассказывают, что в древние времена жил в городе Басре некий купец. У него были несметные сокровища и огромное состояние. Он часто разъезжал по делам торговли и не мог нарадоваться судьбе и удаче. Поскольку путешествие по морю приносит большой успех и терпение в опасностях моря – большую прибыль, он непрестанно цитировал стих: «Тот, кто домогается моря, пренебрегает ручейками» – и повторял пословицу: «Соседствуй с царем или морем». Он проводил время в плаще юности и в прохладе вина. Весна его желаний была свежа, деревья его наслаждений были зелены, на лужайке его жизни распустились розы, на ветвях его удовольствий приходили в восторг соловьи радости.

Кликнул я виночерпия и подозвал желанья,
Когда же явились они, кубок велел я позвать,
Если достигнет муж свершенья своих желаний,
Нет уже больше тревог, более нету забот.

Но случилось так, что по воле небес, по желанию своенравного небосвода его дела опрокинулись, верные решения стали превращаться в заблуждения, добрые побуждения стали оборачиваться противоположностью. Осень невзгод изменила свежий цвет его радостей и желаний, а ветры горестей остудили Дыхание его жизни.

Чтут благородного мужа по воле небес,
Воля же неба то так обернется, то этак.

Купец дивился и говорил себе: «Надо мне что-то придумать, найти какой-нибудь выход из этих трудностей. Сказано же: «Не сотворил господь болезни, чтобы не сотворить одновременно и зелья от него. Для каждого недуга есть лекарство, и каждая беда приходит и к концу». И еще он подумал: «Я многие годы странствовал по закоулкам мира, много раз я обменивал монеты истин и аллегорий, а жизнь в конечном итоге подарила мне одну лишь скорбь да страх вместо уважения.

Молвил я сердцу: «Где те богатства и нега?»

И поскольку великие опасности не обернулись выгодой поскольку путешествия в Ирак не принесли мне снисхождения судьбы, поскольку лучшие друзья оказались плутами, поскольку мои кости не принесли выигрыша, уж лучше мне удалиться от мира и жить в уединении, не ведая тягот».

Друзья мои! Воистину весь мир таков.
Терпенье! Вот единственный исход.
Быть может, выпадет мне радостный удел,
Покуда я сношу смиренно груз невзгод.

Мудрецы знают, что за радостями вина следует губительное похмелье. Ни один влюбленный не видел еще ночи свидания и наслаждения без того, чтобы не последовало за нею сто дней разлуки, разлуки, приносящей сотню бед. Тот, кто не ведает тонкостей коварства судьбы, кто не поднимается от низин животной тупости до вершин обладателей высоких помыслов, каждый миг лицезреет и весну и ноуруз, каждое мгновение он видит и дей и таммуз. Как говорят: «Мир – обитель тлена, ни для кого он не пребудет в одном состоянии: или благоденствие исчезает, или приходит беда».

Сколь великие надежды мы лелеем,
Только жизни наши слишком коротки…
Уж настало время покидать стоянку,

Торопись, нас кони ждут, спеши!…

«Уж лучше мне, – продолжал он размышлять, – поселиться в окрестностях Басры, не зная ни забот, ни тягот, и стойко отражать удары судьбы. С тем, что у меня осталось я стану дожидаться лучших времен, буду жить так, чтобы в эти оставшиеся годы с меня не упал покров доброго имени, чтобы на закате жизни не обрушилась основа моего достатка.

Того, кто обеспечен, встречает всяк охотно,
Но тот, кто впал в нужду, внушает подозренья.

Ибо смотреть на карман и в миску посторонних людей – все равно что сеять семена несчастий, горестей и унижения. Нельзя, как муха, садиться к первой же миске; нельзя, словно сор, падать в каждую лохань. Надо быть и розой, и соловьем: украшать каждое общество, словно роза, своим цветом и ароматом и услаждать слух каждого, словно соловей, своими песнопениями.

В цветнике влюбленных розой будь
Или соловьем будь над кустом поющим».

На оставшиеся деньги купец приобрел разной пищи и подумал: «Люди нуждаются в провизии и пище более, чем в любом другом товаре. Весной я продам эту провизию с большой выгодой. Сдается мне, что таким путем я изрядно заработаю и получу хорошую прибыль.

Мало осталось надежды, но я не тужу:
Долго никто не скорбит в этом мире».

И он проводил все время, и утро и вечер, в надеждах и упованиях. Но по юле небес и божественного рока случилось так, что весной провизия подешевела, ее стали отдавать за гроши, а на базаре

продуктов было полным-полно. Посмотрел и купец видит, что товар его обесценился, что сам он стал мишенью для стрел судьбы.

Тело наше – вместилище притеснений судьбы,
Где бы ни было горе, гнездо его – в сердце.

Купец был поражен, но он не решился продать накопленную провизию в убыток и подумал: «Подожду-ка, может быть, в следующем году цены повысятся»

Но на следующий год по воле божественного рока и бесконечной божьей милости произросло из лона земли столько растений, выпало с небес столько дождя, что каждая колючка превратилась в базилик, каждый бурьян стал ромашкой. Солнце стояло в погребке созвездия Рыбы [9], а небо все еще было облачено в зеленую накидку, дарованную десницей умеренности судьбы. И всюду, где росли травы, они пили животворный щербет.

Купец тяжело переживал такой оборот событий, однако решил: «Продавать в убыток нет смысла. Лучше пока воздержусь от продажи и сохраню зерно».

Но нежданно-негаданно в его амбары просочилась вода, и все зерно сопрело. Люди стали поносить и бранить его, а ему пришлось заплатить изрядные деньги, чтобы выбросить сгнившее зерно в степь. Как говорят арабы: «Домогавшийся рогов лишился ушей».

Это была для него беда за бедой, лишняя гиря на весах его скорби. Люди, видя, как выкидывают сгнившее зерно, проклинали его и поносили. Одни говорили:

– Зловеще лицо владельца зерна! Другие говорили:

– Позорно дожидаться голода и дороговизны! Пророк сказал: «Да будет проклят перекупщик!»

Купец был поражен, ведь он опозорился перед людьми, верующие люди записали его в число неверных.

Зачем мне тратить жизнь на ухищренья,
Когда не в силах я преодолеть судьбу?

Купец убедился, что поступал неправильно. Он вновь собрал немного денег на товар и направился в Бахрейн. В ушах у него раздавалось карканье ворона разлуки, а он говорил себе: «Попытаю судьбу еще разок. Или я выиграю, или проиграю все. Как говорят: «Или царство – или гибель».

Не боится за жизнь тот, кто славы взыскует,
Кто красавицы жаждет, не считает калыма.

Итак, он вошел в компанию с приятелями и сговорился с купцами, сел на корабль, вручил поводья удачи утреннему ветерку и стал днем и ночью прислушиваться к голосу моряков.

Путники мы в этом мире,
По морям и по волнам.
Горожанам предоставим
Запираться по домам.

Они плыли три дня и три ночи, как вдруг подул бортовой ветер из отдушин рока и разбил доски корабля, словно скрижали Мусы, а души находившихся на корабле разбились, словно души детей Израиля. У корабля не осталось ни палубы, ни обшивки, паруса больше не держали ни мачты, ни канаты. Корабельщики все погибли, купец же уцепился за обломок скалы. Он то трепетал от страха перед акулами, то молил бога спасти его от морских чудищ и непрестанно повторял слова: «И когда они сели на корабль…» Ветер, будто топором, тесал обломок доски на поверхности волн морских, играл им и каждый миг словно переносил из одного мира в другой. А купец, который, казалось, висел между небом и землей, говорил про себя: «Если я спасусь из этой пучины, если суждено прожить мне еще хотя бы один день, то я вернусь к жене и детям и буду доволен одной лепешкой на два дня».

И наконец после долгих часов страданий подул попутный ветер и выбросил купца на берег. Купец, с голодным нутром, голым телом и скорбным сердцем, худой и бледный, двинулся по безлюдной пустыне, надеясь найти или спутника, или приют.

Он шел весь день и всю ночь и вдруг увидел гору, зелень которой была столь прекрасна, что даже отражалась в небе.

«Идти в этом направлении, – сказал он себе, – самый верный путь!» – и погнал коня намерения прямо к горе. Дорога привела его к селению. Это была обильная и приятная земля прохладных ветерков и прелестных видов: лужайки там смеялись, тучи плакали, небо было подобно эфиру, а земля – амбре. Посередине селения он увидел красивый дом с высоким балконом, широкими воротами, высоким порогом и приемным залом. Хозяин дома, богатый дихкан и состоятельный хадже, сидел на балконе, а перед ним стояли слуги и рабы. Дихкан увидел с балкона купца, горестного и лишенного радости, увидел на его лице пыль странствия по чужим странам и следы печали. Он подозвал странника и стал расспрашивать о его злоключениях. Купец рассказывал ему свою горестную историю л сверлил слезы остриями ресниц. Дихкан дивился чудесам и изменчивости судьбы, в нем росло изумление удивительными приключениями и неслыханными превратностями жизни пришельца, и ему стало жалко скорбного чужестранца. В общем, он велел тотчас предоставить купцу жилище, обеспечить довольствием, дать одежду. Это был конец горестным скитаниям несчастного.

Купец пришел в себя под сенью великодушия благородного мужа и после долгого ночного бдения уснул в тени благ, непрестанно повторяя стихи:

В семье Мохаллаба нашел я кров,
Вдали от родины, в тяжелую годину.
Гостеприимство встретил и добро.
Как будто мне они роднёю были.

Слава благородному мужу, который способен встретить чужестранца и отереть пыль с бледного лика рукавом великодушия! Да сгинет добро, которое не станет бальзамом для скорбящего; греховно богатство, которое не станет лекарством для раненого.

Никто не уклонится от твоих щедрот!
Из рук твоих судьба щербет великодушья пьет!

Как говорят: «Предупреди богатство скупца о превратностях судьбы и о наследнике». Богатство скупца становится или мишенью для стрелы напастей, или же лакомым куском для наследника. А богатство мудрых мужей, как уверяют миряне, есть необходимо сущее. Ведь говорится: «Кто щедр, тот и властвует».

Тот, кто богатство хранит, а не тратит,
Разве он пользу его извлечет?
Если судьба не отнимет богатства,
К наследникам в руки оно попадет.

Сказано же: «Щедрость – это слова человечности в лучах духовности».

Одним словом, дихкан вручил купцу власть над имением и сказал:

– Будь управляющим в доходах от посевов и скота, судьей в спорах и примирениях.

А случилось так, что в этом году собрали хороший урожай, зерна было настолько много, что купец вернул понесенные убытки благодаря божественному промыслу и божьей милости. Когда солнце из созвездия Рака перешло в созвездие Льва [10], зерна в колосьях стали твердыми. Купец подсчитал вознаграждение за свои труды и увидел, что плата будет высока и что вознаграждение влечет радость. Он подумал: «Надо позаботиться, чтобы дихкан уплатил мне полностью. Самое верное – это утаить без его ведома то, что мне полагается, дабы не оказаться обделенным. Если он отдаст Мне всю причитающуюся сумму, то я верну ему припрятанное зерно. Если же он не заплатит, то я избавлю себя от переживаний из-за утраты своей доли».

И вот, когда зерно было обмолочено, а тока выметены, купец взял свою долю урожая и спрятал в пещере. Но по воле случая пронюхали об этом воры и украли ночью зерно.

Коли судьба человека темнеет,
Он совершает пустые дела.

Урожай привезли в закрома дихкана, и он, убедившись что сбор велик, велел уплатить купцу вознаграждение за труды. Тому отправили долю фруктов и плодов. Купец, увидев выделенную ему часть урожая, поцеловал прах перед дихканом и сказал:

– Да пребудешь ты вечно! Я не думал, что в сем просторном мире живет человек с сердцем как море. Твое благородство – священная щедрость, твое ремесло – дарить и усердствовать в дарах. Я сомневался в том, что ты уплатишь мою долю, подозревая, что ты обойдешь меня, и уже взял то, что мне причиталось, и спрятал в пещере на горе. А ты по великодушию своему не сократил моего вознаграждения, поэтому я пойду к пещере, возьму спрятанное зерно и вручу хранителю.

Он и не ведал, что кто-то уже побывал там и забрал все зерно!

Хулил я племя Бану Амр, я поносил их долго –
Быть может, от невежества опомнятся они.
Увы, не излечить убогого рассудком:
Здоров, как бык, лишь разума лишен.

Купец взобрался на гору, но не нашел ни зернышка. А дихкан, прослышав об этом, разгневался на купца за нечестность и за обман, велел отобрать у него выданное вознаграждение и прогнать из округа с позором.

И вот купец, без хлеба и воды, без еды и покоя, побрел по пустыне, где нет помощи, повторяя пословицу: «Твои руки полны, уста твои дуют».

Наконец он вышел на берег моря и повстречал там ныряльщиков. Увидев купца, они сразу догадались о его состоянии. Чело бедняги покрывала пыль скитаний по чужим странам, а сам он был потрясен горестями судьбы.

– Что с тобой? – спросили они. – Почему ты странствуешь по свету без коня и припасов?

– История моя длинная, – отвечал купец, – пути мой лежали и по низинам, и по высям.

Когда бы продавалась смерть, купил бы я ее!
От этой жизни нет давно мне пользы никакой.
Пускай помилует Аллах смиренного раба,
В могиле даст ему приют и благо, и покой.

Купец стал рассказывать о том, какие тяготы он перенес; он сверлил кончиками ресниц жемчужины слез и горевал.

Дни целовали руки моей воли,
Но те же дни меня подвергли боли.

Сказал пророк: «Воистину я жалуюсь Аллаху на свою скорбь и горе».

Ловцы жемчуга сжалились над ним и сказали:

– Надо почитать этого мужа и воздать ему должное за его прошлое.

И они решили нырнуть в море и отдать ему то, что найдут там: тощее или жирное, дорогое или дешевое.

И вот ныряльщики извлекли из морских глубин шесть драгоценных жемчужин, каждая из которых стоила царской казнь и была достойна украсить шаханшахский венец. Купец взял те жемчужины, и сердце его преисполнилось силой, в теле же разлилась радость. Он вновь обрел то, что порождает уверенность, к нему вернулось то, что облегчает жизнь.

– Весна моей жизни, – сказал он, – вновь обрела свежесть, а горечь моих дней обернулась сладостью!

Хвала всевышнему за милости его!
Вернулась истина опять на место.

И вот с радостным сердцем купец направился в Бахрейн. Но случилось так, что по воле судьбы его спутниками оказались воры. Купец опасался ехать вместе с ними и потерял голову, страшась общения с ними. Он подумал: «После долгих бед я нуждаюсь в исцелении, моей злосчастной судьбе нужна искренняя дружба. Если

эти злокозненные приятели и проклятые спутники проведают о моих жемчужинах, то они без промедления прольют мою кровь!»

И купец спрятал жемчужины во рту. А две жемчужины он вытащил изо рта и положил в карман в ожидании, чем разрешится тягость этой ночи, что покажет изменчивое время.

Судьба не балует меня, насильница она,
Взираю я без сил на ход светил.

Они проехали немного, но вдруг купец раскашлялся и жемчужины выпали у него изо рта. Воры, увидев такое, стали истязать купца, приговаривая:

– То, что было во рту, выпало. А теперь живо отдавай то, что ты спрятал в рубище!

Но как они ни искали, не смогли найти две спрятанные жемчужины. Тогда они связали его и бросили в степи.

До чего удивителен мир:
Будто все его розы – шипы.

Купец лишился чувств от истязаний, лежал без сознания, Утратив то, чего так жаждал. Мимо него ехал в город крестьянин. Он увидел, что на земле лежит человек, проливая слезы скорби, тяжко вздыхает и жарится на огне страха. Крестьянин слез с осла, окропил его водой. Купец пришел в себя и рассказал крестьянину о своих злоключениях, а потом попросил:

– Отвези меня в город, воры ограбили меня, похитили все мое состояние и предали во власть горестей и скорбей.

Крестьянин усадил его на осла, и они поспешно двинулись в город. Увидев город, купец возликовал, и мирские горести покинули его.

Дела и цвета, и оттенки – все вдруг изменилось,
И мир весь вдруг неузнаваемым стал.
Случилось же так потому, что к решению Сальма склонилась, –

И тяготы легче намного, и дух мой возликовал.

«Слава Аллаху, – подумал он, – что у меня остались две жемчужины. Я продам их и буду жить безбедно на вырученные деньги и понемногу накоплю достаток».

Он немедля отправился в ювелирный ряд, вытащил обе жемчужины и показал старому ювелиру. Старик увидел две жемчужины чистейшей воды, которые излучали блеск самоцвета и пламя чистоты, свет и сияние. Ювелир тотчас схватил купца за ворот и закричал:

– Эй, дерзкий убийца! У меня похитили много сокровищ и эти жемчужины в придачу! А ну, сознавайся, куда ты девал мои драгоценности? Где ты их спрятал?

Тут сбежались люди и стали говорить купцу:

– Верни добром сокровища этого мужа, а не то отберут силой и тебе придется худо.

Купец стал было рассказывать историю своей жизни, говорить о потере имущества, о странствиях и Путешествиях, но никто не хотел ему верить, и беднягу в горестном состоянии отправили в темницу, заковав в кандалы. Купец склонил голову на колени и предался горестным размышлениям в узах печали, лишенный радостей жизни.

Мне сказали: «Ты заточен». Я ответил: «Препятствия нет
Моему заточенью. Предназначены ножны любому мечу».

Но вот по воле случая один из тех ловцов жемчуга пришел в темницу навестить друга, желая вызволить его из заключения. Он увидел купца, который лежал на боку, опечаленный. Стоило ему увидеть ныряльщика, как он тут же закричал:

– О любезный брат и друг в беде и удаче! Помоги мне!

От беды меня избавь, если можешь!
Руку дружбы протяни, если можешь!

– За что тебя заточили сюда? – спросил ловец жемчуга. – Что за беда с тобой приключилась?

Купец рассказал ему о своих злоключениях, а ныряльщик тут же пошел к друзьям и сказал им:

– Поднимайтесь, давайте вызволим того благородного мужа из темницы. Ведь говорят: «Помогай своему брату независимо от того, насилуют ли его или сам он насильничает».

Воистину тот юноша пленен –
Бегут ручьями слезы по щекам.
Томится он в плену, а между тем
В плену сирийском сердце у него…

Ныряльщики отправились к правителю города и заявил:

– Такой-то купец обижен, он лишился счастья и благоденствия. Прежде он был богатым и великодушным мужем, но в шахматах надежд получил мат, его состояние проглотили превратности мира. Те две жемчужины принадлежат ему, это – го законное имущество. А ювелир – обманщик и насильник, бессовестный и коварный человек.

Эмир тут же отправил ювелира в темницу, а купца выпустил, попросив извинения. «Кто слушает, тот освобождает, а правда украшается прощением».

Когда купец пришел в себя, правитель велел отправить его у баню и выдать ему полное одеяние.

Не огорчайся тому, что тебя постигает,
Воистину счастие всех навестит в свой черед.

Эмир оказал купцу покровительство и благоволение и сказал:

– Этот муж испытал всю несправедливость коловращения судьбы и испил горечь несчастий рока. Он достоин быть приближенным собеседником и сотоварищем любого шаха.

Он вручил купцу сокровища и передал ключи от казны. Жизнь купца пошла на лад, яства его жизненного пути стали приемлемыми, его бледное лицо приобрело цвет аргавана, его обиженная судьба стала лучезарной.

И вот однажды купец сидел в эмирской сокровищнице, как вдруг сверху на него посыпалась земля. Посмотрел он и увидел мышиную нору, которая вела сквозь стену. Он хотел было заделать отверстие, но часть стены отвалилась, и получилось нечто вроде окошечка в царские покои. Он заглянул в отверстие, а за стеной как раз сидела красавица шахиня, и шах предавался с ней утехам любви. Купец нечаянно посмотрел в покои, а падишах встретился с ним взором. Он позвал слугу и приказал:

– Узнай, кто там подглядывает в мой гарем, как тать! Выколи ему тотчас глаза, ибо предатели не заслуживают снисхождения. Как говорят: «И глаза прелюбодействуют!»

Стражник побежал, схватил купца и выколол ему оба глаза.

Коварный рок, зловредная судьба
Подстерегли его в засаде, без сомненья,
Явили вновь насилие свое
И навсегда его лишили зренья.

– Да будет тебе известно, о великий падишах и повелитель мира, – закончил Бахтияр, – что никто не в состоянии противостоять намерениям небес и злой судьбы. Я нахожусь в таком же положении, как тот купец, игральные кости которого падали не по его желанию, а судьба дарила не по его дарованиям

Да, коли в мире счастье отвернулось,
Скажи себе: «Смирись».

– Великодушие шаха в том, – продолжал он, – чтобы прощать раненных превратностями и убиенных бедами, чтобы не спешить с казнью осужденных. Быть может, моя невиновность будет доказана и светильник моего освобождения еще загорится.

Падишах выслушал рассказ, а солнце в это время было как раз в зените. Он приказал заковать Бахтияра в цепи, отправить в темницу и передать стражникам.

На другой день, когда просторы вселенной благодаря милости великого светоча стали жасминовым садом, а местные холмы и

пригорки прелестью уподобились лужайкам, желтыми розами которых были лучезарные лучи, а красными розами – лилии с янтарными лепестками, падишах явился в тронный зал и заговорил о Бахтияре со вторым везиром.

– О падишах, – сказал тот. – Отдай этого малого мне, я его подвешу на виселицу вниз головой и велю бить камнями так сильно, чтобы это послужило назиданием для других и примером для всех людей.

Падишах приказал повесить Бахтияра. Когда его привели в тронный зал, шах сказал:

– Эй, проклятый раб, преступный молодчик! Я приказал тебя повесить, ибо казнить тебя – это наивысшая справедливость, убить тебя – сама премудрость.

– Да будет сопутствовать жизни падишаха счастье и радость, – сказал Бахтияр. – Темницу придумали древние цари и мудрые мужи. Того, кого заточают в темницу, как бы лишают жизни: он действительно убит и казнен. Не спеши с моей казнью, ибо я не могу ни бежать, ни защищаться. Быть может, падишах слышал историю о том ювелире, который спешил жить, так что его постигло то, что постигло, и он увидел то, что увидел.

Приказал падишах рассказать ему историю, и Бахтияр раскрыл уста и начал.

Глава третья

История о ювелире, о невзгодах и бедствиях, которые постигали его сначала, об улучшении положения и достижении им желаемого в конечном итоге. В этом рассказе говорится о чудесах божественного промысла и содержатся бесчисленные изречения

В книгах написано и в свитках начертано, что жил на свете ювелир, знаток драгоценных каменьев, обладатель несравненных самоцветов. Он не знал себе равных в оценке горных каменьев и превосходил всех в определении жемчугов и редкостных даров моря. Он сразу отличал истинное от подделки, распознавал ходовой товар. У этого молодого ювелира была добродетельная и благородная жена, которая провода время под покровом благочестия и накидкой целомудрия, была украшена красотой и совершенством и носила во чреве плод от него.

И вот один из царей мира, счастливейший из шахов, призвал к себе ювелира для отбора каменьев и жемчужин с тем, чтобы некоторые употребить на расходы, а другие сохранить в сокровищнице. Ювелир сказал жене:

– Коли меня вызывает могущественнейший и великодушный шах, надо считать это добрым предзнаменованием, ибо приближение к нему будет для меня счастьем, а его доверие возвысит меня. Ты без меня разумно присматривай за доходами и расходуй с умом. Если нам повезет, и у нас родится сын, то нареки его Бехрузом, а если родится дочь, то назови ее достойным именем по своему усмотрению. Эта поездка принесет мне успех, это путешествие повлечет блага. Пророк – да будет мир ему! – сказал: «Путешествуйте, чтобы быть здоровыми и обретать богатства».

Человек своим трудом достигает сана,
Обращается в луну месяц, путь пройдя.

Ювелир сложил свои пожитки, взял дорожный припас и оседлал коня. Словно месяц, переезжал он от одной стоянки к другой, странствовал по горам и долам, пока наконец не прибыл к шахан-шаху.

Падишах, убедившись в высоком мастерстве и глубоких познаниях ювелира, приблизил его к своей особе.

И вот ювелир отбирал редкостные жемчужины и сверкающие каменья, рассказывая при этом падишаху смешные истории и занимательные сказки. Падишаху он понравился своею образованностью и высокими нравственными качествами, и тот заказал ювелиру инкрустированные венцы, редкостные пояса и другие диковинные изделия.

Ювелир пробыл в той стране целый год. Каждый месяц Шах одаривал его халатом и посылал ему за труды вознаграждение сверх ожидаемого. Но как ни благоприятствовала ювелиру судьба, как ни сопутствовало ему счастье, его непрестанно угнетали думы о жене и ребенке.

Разлуки, друг мой, берегись!
Давно расстался я с Лейли.
О если бы сердца могли
Сей дальний путь преодолеть!

И случилось так, что жена ювелира родила двух мальчиков-близнецов, похожих на две жемчужины. Прекрасные дети казались двумя счастливыми светилами и жемчугами из двух морей. Они были парными жемчужинами, двумя сверкающими каменьями, симметричными ветвями и двумя блестящими звездами. Жена отправила к мужу письмо с радостной вестью что, мол, всевышний и всеславный господь даровал нам двух сыновей, похожих на нарциссы. Каждый из них соразмерен телом, а лицом – словно нежная весна. Одного, мол, я назвала Рузбехом, а другого – Бехрузом.

С тех пор отца не покидала дума о сыновьях. По истечении года он приготовился в путь на родину и попросил у шаха разрешения ехать, но получил отказ. Тогда ювелир рассказал о жене, сыновьях, о желании видеть их.

– Вели доверенному человеку привезти их сюда, – отвечал падишах, – и получи из казны с избытком расходы на их переезд.

Ювелир поразмыслил и сказал:

– Хотя благоволение шаха безмерно и милости безграничны, но служение царям таит опасность. Говорят же: «Знайте, что цари гневаются при невыполнении их прихотей и не считаются ни с чем, когда рубят головы».

Служение царям таит в себе угрозу,
Но ради выгоды нельзя пить собственную кровь!
Пусть славен ты умом в подлунном мире –
Червя безумия в себе остерегись.

Трудно расстаться с детьми, с домом, с любимым инструментом. Если у кого-либо дела на чужбине даже пойдут в гору, если даже он достигнет своих желаний и цели, но не получает известий со своей родины, то его радости – все равно что разведенная жена. Родной дом и друзей невозможно покинуть навеки, нельзя отторгнуть сердца от родины, от братьев, от места, где рос.

Родная та земля, чья пыль
К моей впервые прикоснулась коже.

Когда Аммар Ясир бежал из Мекки в Медину, то господин всех людей – да будет мир ему и да благословит его Аллах! – после первых приветствий спросил о Мекке:

– В каком состоянии ты покинул Мекку и ее долины.

– Деревья в Мекке зазеленели, – отвечал Аммар Ясир, – воды прозрачны и воздух чист.

– Да успокоятся сердца! – сказал пророк. – Не говори больше о красотах Мекки, ибо огонь в моем сердце еще № улегся.

Одним словом, ювелир решил: «Я подожду еще несколько дней. Может быть, шах сжалится над моими детьми, смилуется над моим сердцем и душой и разрешит мне вернуться к семье и детям».

Ювелир пробыл у шаха еще два года. Жена его в разлуке проливала слезы, дни и ночи рыдала в смирении и покорное!

О удод! Ты отсутствовал долго средь нас,
Принеси же нам добрую весть из Сабеи.

Ювелиру стало стыдно перед далекой женой, а сыновьям, росшим без отца, уже исполнилось по три года, и отцу стало невмоготу выносить разлуку. Он вновь обратился письменно к падишаху, рассказывая о своих горестях. Шах ответил:

– Ни за что не разрешу тебе уехать! Отныне всю жизнь тебе надлежит исполнять мои поручения и жить под сенью нашего благоволения.

И бедный ювелир пробыл у падишаха еще три года в почете и уважении. Он проводил время, словно Якуб, в доме горестей и разлуки и, словно Аййуб, сеял семена терпения, насколько это было в его силах.

Еще три года прошло, и от коловращения судьбы чаша с ядом разлуки переполнилась, и страдания от жизни на чужбине лишили птицу радости крыльев. Сыновья его меж тем уже научились читать Коран и каждую неделю отправляли отцу письма, полные скорби, словно послания влюбленных, описывая страдания сыновней любви и огорчения от разлуки.

Написал я ему, что разлука легла между нами
И страдает в разлуке душа.
Недоступный для взора, живешь ты
Среди горестных вздохов моих.

У ювелира иссякло терпение, и он написал жене: «О любезная подруга! О супруга моя! О исцеление превратностей жизни! Тебе следует оставить наши владения и имущество и выехать с сыновьями ко мне, ибо я не предвижу утра этой ночи разлуки, не могу дождаться вечера для того дня, опаляющего мое сердце. Сердце мое изнемогает в разлуке, а терпение не может ничему научиться в школе разума.

Прекрасны пределы земные, но нет
Без друга мне счастия даже в раю.
О ветер-гонец! Отнеси мой привет

Печальному сердцу в родимом краю.

Молодость гибнет от рук разлуки, а свежесть щек вянет от насилия судьбы.

Меня про молодость спросили, и я ответил так:
«Мукой сомнений побелило время мою главу».

Жена ювелира взяла мальчиков и с радостным сердцем пустилась через обширную пустыню. Пройдя половину пути, они остановились у большой реки. Воды ее были солеными, а перебраться на другой берег можно было только на корабле с кормчим. День клонился к концу, солнце уже облачилось в одеяние ухода, лучи его побледнели, словно лицо Вамика, а Дыхание времени напоминало вздохи влюбленного. Им сказали:

– Уже поздно. Проведите ночь на берегу реки, а завтра переправитесь через реку.

Когда паланкин сняли с верблюдов, дети бросились к реке, стали резвиться на лужайке у самого берега.

Отец меж тем уже получил весть, что прибывает жена с детьми, он выехал навстречу им и расположился на другое берегу реки. Еще не настала пора вечерней молитвы и мир еще не облачился в ночные одеяния, но солнце уже пожелтело а дыхание времени стало холодным. Ювелир подошел к реке чтобы совершить ритуальное омовение и обязательный намаз. С ним был кошелек золота, он положил его рядом и начал намаз. От прославления Аллаху он перешел к изъявлению покорности всевышнему, завершил молитву, вернулся к своей стоянке и снял накидку с паланкина. Не успел он, как говорится, проглотить первый кусок и слова «Во имя Аллаха» [11] еще не успели слететь с его уст, как он вспомнил, что оставил на берегу реки золото и все, что заработал за долгую жизнь.

Вернувшись на берег реки, он из-за густой травы и кустов, а так же из-за нахлынувших мыслей не смог найти место, где совершил омовение и намаз. Больше часа бегал он по берегу, рыская меж деревьев. Но сколько он ни искал, ничего не нашел. И тут набрел на

двух мальчиков, игравших друг с другом и ласкавшихся, как братья. Ювелир схватил их и закричал:

– Верните мой кошелек с золотом, а не то несдобровать вам! Здесь ни одной души живой не было, кроме вас.

Но дети не были повинны в грехе, а укоры и угрозы не помогли делу. Тогда ювелир исторг из сердца жалость и бросил обоих детей в воду.

Видя, что Рузбех и Бехруз задержались с возвращением, что белый сокол востока повис в когтях ворона запада, черный мускус ночи смешался с белой камфорой дня, а снопы лучей скатились с гор, что черный ночной локон спустился на уши холмов, – словом, что стало темно и пришла пора вечерней молитвы, мать при лунном свете побежала по берегу и стала кричать:

– Эй, Бехруз! Эй, Рузбех! Где вы? Вернитесь к матери!

Ювелир узнал голос своей супруги. Тут же погнал коня в реку, переплыл ее и обнял жену.

После того, как счастье вновь соединило их, когда были обретены вновь их прежние отношения, муж сказал жене:

– Ты звала Рузбеха и Бехруза. Где же они? Сердце мое жаждет видеть их, глаза мои хотят лицезреть их красоту.

– О господин мой! – отвечала жена, – дети пошли поиграть. Но день кончился и настала ночь, а их все еще нет.

Отцу не терпелось увидеть детей, и он в тоске воскликнул:

– В какую сторону пошли дети?

– Они пошли по обе стороны реки, – ответила жена. – Они хотели посмотреть прозрачную текущую воду и увидеть, как ветер разгоняет волны, чтобы отдохнуть сердцем и полнее вздохнуть грудью.

Как только ювелир услышал ее слова, он стал бить себя по лицу и рвать на себе одежду.

– О жена! – воскликнул он. – Наши дети стали пищей небосвода-насильника, погрузившись в пучину гибели. Я поступил необдуманно и бросил своих детей в воду.

Всю ночь напролет искали детей, надеясь найти их хоть полуживыми или даже мертвыми. Но так ничего и не нашли. Отец и мать остались ни с чем, они раздирали траурные одеяния рукой печали.

Под какой звездой я родился, о боже, что рок
Так лелеет меня для беды, где б она ни была?

Отец и мать пребывали в отчаянии и скорби, но божественная милость и безмерное милосердие божие не дали детям утонуть: каждого господь спас из пучин, снисхождение всевышнего представило им место в паланкине спасения, чтобы отринуть от них гибель. Река выбросила мальчиков на берег в разных местах. Каждый недоумевал, что за беда на него обрушилась, что это за губительная молния попала в него.

По воле случая к тем берегам прибыл на охоту некий шах, чтобы отдохнуть немного на лужайках и сыграть в нарды наслаждения. И вдруг он увидел мальчика, горестного и скорбного, спаленного пламенем превратностей, сожженного искрами напастей. От горя цветник его лица завял, вихри невзгод погасили светильник его радостей.

– Кто ты и откуда? – спросил шах мальчика, и тот рассказал ему, что с ним случилось. От жалости и сочувствия на глазах шаха навернулись слезы, а потом он спросил:

– Как тебя зовут?

– Рузбех, – ответил мальчик.

– Твое имя звучит как хорошее предзнаменование, – сказал шах, – я усыновляю тебя. Ликуй же, ибо счастье будет сопутствовать тебе, радость всегда будет с тобой рядом.

Второго же брата выбросило на берег волной в другом месте. Его подобрала шайка разбойников и айяров. Они решили: «Продадим его в рабство, выручим немного денег и попируем на славу несколько дней!»

Но ни одна тварь не ведает тайн божественной воли, ни Чин человек не знает о том, что предрешил господь. Ювелир от бед потерял рассудок, лишился сознания под ударами коловращения дней и ночей.

– Отныне мы не будем знать покоя, не будет для нас и Радости, эта рана никогда не заживет, нет нам спасения. Давай Пойдем по свету, полному скорби, по этому миру, полному горестей, чтобы испытать, что нам уготовила судьба, что содержится в чаше виночерпия – рока, – сказал он жене.

Ювелир и жена пустились по свету и прибыли в какой-то незнакомый город. У них с собой было много денег и всякого добра. И вот однажды ювелир проходил мимо невольничьего рынка и вдруг видит: продают мальчика, ладного собой, хорощо сложенного. Он внимательно осмотрел мальчика и подумал: «Этот мальчик, несомненно, благородного происхождения, или на худой конец, он родился у раба в доме богатого хозяина». Ювелиру ребенок понравился, и он принял решение: «Я куплю и усыновлю этого мальчика. В моей тяжкой доле он поможет мне пережить горести». Ювелир уплатил за мальчика деньги и вместе с ним пришел домой.

– Я купил мальчика-раба, – сказал он жене. Но как только та посмотрела на мальчика, она тут же вскрикнула и лишилась чувств. Как сказал всевышний: «Идите, разузнайте о Юсуфе».

Я не отчаялся, хоть больше нет надежды:
Не вечен скорби срок, дарованный судьбой.

– Что с тобой? – спросил ювелир жену, а она ответила:

– Этот раб – твой сын!

Ювелир, как известно, ни разу не видел своих детей. Но, когда он увидел мальчика, в нем проснулось внутреннее сострадание и сочувствие к сыну, в нем заговорила любовь к нему. Сердце его обрело силу, тело окрепло, разбитая душа исцелилась бальзамом свидания с сыном, раненое сердце обрело покой благодаря тому, что он нашел свое дитя.

– Раз мы нашли одного сына, – сказал он жене, – то нам следует вернуться на службу к падишаху, чтобы провести остаток дней своих под сенью его покровительства. Ведь говорят: «Соседствуй с царем или морем».

Когда они прибыли в столицу падишаха, ювелир рассказал о скорбях и горестях, которыми наградили их судьба и рок. Шаху стало жалко мастера, и он прибавил ему жалованья, стал относиться к нему с еще большим уважением.

Отец стал обучать Бехруза искусству ювелира, показал, как отличать драгоценные каменья из рудников и морские жемчуга; рассказывал, каковы добро и зло, польза и вред ремесла ювелира;

научил распознавать, какой из бадахшанских лалов лучше, который из красных яхонтов дороже, откуда появляется зеленый изумруд, сколько стоит мискал желтого хризолита; почему у змеи лопнет глаз, если она посмотрит на изумруд; почему бирюза, сколько бы ни прошло времени, не теряет цвета; от какого холода и какой теплоты хрусталь становится белым, а агат – черным; для какой цели годен йеменский сердолик; почему янтарь похищает соломинку; почему магнит так любит железо, что притягивает его, как друга; из чего сотворили эмаль еще во времена Джамшида; когда в бахрейнских водах в раковинах рождается жемчуг; почему одни жемчуга круглые, а другие – овальные. Каждую тонкость ремесла, что хранится в зеркале его ума, отец раскрывал перед глазами сына.

Не прошло много времени, как Бехруз достиг мастерства, глаза его обрели верность оценки. Отец, убедившись в его знаниях и в овладении им тайнами ремесла, стал полностью доверять сыну, вручил ему свои каменья и отправил торговать, говоря:

– Во время поездок по разным странам тебе следует всюду искать брата, не отчаиваясь в милости всевышнего, который соизволил сказать: «Не отчаивайтесь в утешении божием».

Бехруз приготовил припасы на дорогу и сказал себе: «Каменья покупают цари и властелины». Он решил направиться в страну, падишах которой прославился во всем мире своей справедливостью. Его похвальные деяния были у всех на устах. А нужно сказать, что шах, подобравший на берегу реки брата Бехруза, отошел из мира тлена в мир вечности, обменяв насилие людских бед на соседство милостей творца. Перед кончиной он назначил Рузбеха наследником царства и державы, своим преемником в государстве. У шаха не было кровного наследника, и вельможи и сановники признали Рузбеха, приемного сына, падишахом, повязались поясом покорности и препоясались кушаком верности его велениям.

Когда Бехруз прибыл к падишаху и предложил свои каменья, то братья не узнали друг друга, ибо прошло уже много времени и за долгие годы и длительную разлуку их воспоминания стерлись из скрижали памяти.

Так расплавил меня жар невзгод,
Что возлюбленный друг не узнал.

*** * ***

Забыл ты, видно, дни любви и дружбы,
Когда мы были словно два ростка?
Разлуки руки не играли нами,
Играли мы в свиданье – два птенца.

Как говорят: «Долгое время заставляет забывать, и человек потому и зовется человеком, что он забывает».

Шах приказал предоставить Бехрузу хорошее помещение, и его ради благополучия поместили в доме казначея. Тем временем щах рассмотрел каменья гостя, все они понравились ему, и он купил их по высшей цене. Сделка оказалась для Бехруза очень выгодной и прибыльной, шах же сообщил ему через посыльных:

– Тебе следовало бы поселиться в моей стране, чтобы пользоваться нашими милостями, чтобы наше покровительство все росло изо дня в день. Ведь мудрецы сказали: «В постоянстве – дары».

– О шах мира! – отвечал Бехруз. – О властелин земли и времени! Если бы не забота об отце и матери, то я остался бы служить тебе. Но у меня есть отец и мать, старые, немощные, обремененные заботами и горестями. От насилия времени, от превратностей судьбы отец мой ослаб, мать же совсем состарилась, поэтому моя обязанность заботиться о них. Ведь могущий и всеславный господь сказал: «Господь твой решил, чтобы вы не поклонялись кроме как ему».

Шах велел предоставить ему двух коней и двух верблюдов и сказал:

– Напиши письмо, пусть они оба приедут в нашу страну чтобы отдохнуть на этих пастбищах под сенью нашей милости!

Гостеприимны мы и гостя чтим
Приветом, и радушьем, и дарами.

Бехруз отправил гонца с письмом, в котором описывал благодеяния шаха и милости его и сообщил о царском повелении. Письмо заканчивалось так: «Собирайтесь и приезжайте в страну падишаха. Он очень великодушен, и его деяния неисчислимы».

Он столь великодушен, дары его богаты.
Прославлена навеки десница господина.
Так щедр он, что дивишься: ужели не случилось
Свой перстень, символ власти, ему отдать в подарок?

Царю, перстню с печатью и миру всегда сопутствуют враги – ведь ни один глоток в этом мире не достается даром. И вот у этого падишаха тоже появились враги. Некоторые из храбрых воинов и воинственных мужей, которые служили ему, стали готовиться к войне против шаха и собрали много снаряжения и оружия.

– Наше вино – это кровь врага, – заявляли они, – наш кебаб – это печень врага.

Меч и кинжал – вот наши цветы,
Долой нарциссы и мирты!
Наше вино – противников кровь,
Из черепов его выпьем!

– Наилучшая мелодия для слуха – гром боевых литавр, лучшее одеяние для меча – поток вражьей крови, – говорили они.

Стройтесь в ряды под сенью мечей.
Приобретайте величье:
Тот, кто всегда на коврах возлежит,
Мужа теряет обличье.

Когда мятежники собрали в степи свои войска, подняли знамена и стали бить в барабаны, падишах не выступил против них, так как считал ниже своего достоинства сражаться с подобным противником, и

послал против них войско, а сам стал пировать с сотрапезниками и приближенными.

Коль заботы о мире твою душу тревожат,
О горе гордецу, что на тебя восстал,

*** * ***

О горе гордецу, что на тебя восстал, –
Себя он против яростного льва поставил!
Луна, наполни влагой мой фиал
Янтарной, огневой, что в темноте хранят.

Бехруз так же пил вино в обществе шаха, базилики радости зеленели, сады веселия расцветали, соловьи отрады заливались, друзья счастья ликовали всюду. Любовные чувства в сердцах пришли в кипение, раздавались разнообразные мелодии, волновавшие души людские, свеча наслаждения загорелась ярче, а певец запел песню.

Светел сей день, но много в нем тайн, –
Сколько оттенков в томленье любовном!

И вот однажды шах и Бехруз пили вино, всюду царило веселие, кругом были развлечения. Шах под воздействием вина положил голову на подушку счастья, чтобы дать отдохнуть чувствам на ложе дружбы, чтобы сила его натуры передохнула на ковре уединения. Как говорят: «Сон – отдохновение, затянувшийся вечер – рана».

Когда шах склонил голову на подушку, сильно опьяневший Бехруз подумал: «Сейчас нет телохранителей шаха, его не охраняют бдительные стражи. Самое разумное – мне самому бодрствовать до утра».

Он обнажил меч и сел у изголовья шаха.

От доблести моей излишни станут заботы слуг,
От стойкости придут в уныние враги.

* * *

Бодрствуя, словно звезды, бдительный, как светила,
Острым мечом этой ночью превратности отражу.

И вот рано утром, когда рать солнца вступила на поля востока, прибыли телохранители шаха с вестью о победе. Они увидели спящего падишаха и Бехруза, сидевшего с мечом у его изголовья. Какой крик они подняли – а это было еще только начало и вступление к действию!

Падишах проснулся от шума, от воплей толпы. Военачальники тут же облобызали прах перед повелителем и сообщили Радостную весть, что передовые полки мятежников обращены в бегство. А затем они повели такую речь:

– Эмиры, военачальники и верные слуги просят тебя выступить во всем величии, ибо звезды выстроились в ряды и ожидают лишь света луны, сановники и вельможи готовы к сражению, а сейчас необходима неустрашимость шаха.

Благородный орел возвращается только с добычей,
Свет твой ярче, чем солнце, щедрости – обильней дождя.

Потом они показали на Бехруза и сказали:

– Настала пора падишаху казнить этого мерзавца и лишить его преступной души, ибо вчера мы слышали гнусные речи и видели его за преступным деянием.

Шах стал выпытывать и выспрашивать у Бехруза, что случилось, и Бехруз отвечал:

– Шаху хорошо известны искренность моих поступков чистота помыслов, правдивость чувств и верность характера. Он не раз убеждался в моей беспредельной преданности и верности. Вчера

ночью, поскольку не было телохранителей и стражников, я поступил по долгу службы, и поступок мой был обусловлен лишь искренними чувствами. Я не предвидел, что завистники используют его для моей же гибели, что злоумышленники превратят мое добро в орудие казни. Я, нижайший раб, прошу у падишаха поступить со мной по предписанию великого Корана, а не навету недругов. Ведь сказал всевышний: «О вы, которые уверовали! Если придет к вам грешник с вестью…» Ибо если смерть нагрянет ночной атакой на надежды и мир пойдет по иному кругу, то уж тогда никакими ухищрениями и предосторожностями дела не поправишь.

Ушел я, завистник преследует меня.
Испить дано мне горечь из рук судьбы-злодейки.
Ну что ж, коль тесно людям со мной в поднебесной,
То смерть моя расширит для них земной простор.

Шах приказал отвести Бехруза в темницу, а потом вскочил на коня, поскакал и врезался в боевые ряды врагов на поле брани. Знамя могущества и стяг победы несли впереди, боевые мужи вступили на поле битвы, львы лужаек помчались вперед. Разгорелось пламя битвы, сомкнулись ряды бойцов. Уста судьбы восславили победу падишаха, и ветер удачи донес к нему дуновения счастья.

Будь счастлив победой, величия брат,
Будь счастлив сим днем благодатным,
Восставший мятежник повержен во прах,
Сражен твоей доблестью ратной.

Когда львы брани превратили своими лиловыми мечами поле битвы в тюльпановый луг, когда головки копий – борцов за истину стали влажными, словно венчики цветов, когда ленты знамен завились вокруг древка, словно локоны красавиц, все великие мужи воскликнули: «Победа – от Аллаха!» В сердцах же врагов поселился страх перед словами: «И они обратили их в бегство по воле Аллаха».

Шах повернул коня и поскакал в столицу. И в тот самый миг, когда шах вступил в столицу, в город прибыли отец и мать Бехруза. Родители

прослышали о том, что произошло с сыном, и они надумали обратиться к шаху с жалобой на насилие.

Они хотели пройти во дворец, но их не допустили туда. Они решили было послать дары падишаху, но ничего не вышло, и тогда они. отправили послание о своих бедах, изложив свои жалобы на судьбу.

Они писали так: «О счастливый падишах! О властелин земли и времени! Да будет тебе известно, что за каждой весной следует осень, для каждого ханаанца [12] уготовано жилище скорби. Мы – люди, испившие чашу бед, испытавшие удары невзгод. У нас было два прелестных сына, блистающих, словно две звезды, два радующих сердце дитяти, словно два счастливых светила на небе. Они были ласковые и внимательные, и звали их Рузбех и Бехруз. По странному стечению обстоятельств и превратностей судьбы они канули в реку, оставив в сердцах отца и матери печать горя. Божественная милость вернула нам Бехруза. И ныне бальзам общения с Бехрузом лечит нашу тоску разлуки с Рузбехом. Скорбь от потери Рузбеха мы исцеляем красотой Бехруза. А падишах заключил нашего сына в темницу и наложил клеймо скорби на наши сердца!…

Помилосердствуй, ведь это единственный сын.
Ужель и его нам судьба сулила потерять?»

Когда шах прочел это письмо, он уже знал, что повеял ветерок с полей дружбы, что луч этот исходит от яркого светоча. Он решил: «Это мои родные отец и мать!» Шах велел позвать обоих, и они предстали перед ним, наперебой рассказывая, сверля жемчужины слез алмазами скорби.

– О старец! – молвил падишах. – Ведь ты отец мой, о женщина, ты моя мать, а узник в темнице – мой брат. Я же потерянный вами Рузбех, утонувший сын ваш.

Мать, взглянув на вновь обретенного сына, от избытка любви лишилась чувств, от чрезмерной радости словно потеряла разум. Бехруза тут же выпустили из темницы и привезли к падишаху на царском коне. Ночь разлуки обернулась днем свидания, расставание превратилось во встречу.

После страданий и скорби, которые ранили сердце.
Встретились снова они, счастьем согрели сердца.

– Если бы Рузбех поторопился с казнью Бехруза, – закончил Бахтияр, – то ему пришлось бы долго горевать и скорбеть душой, когда к нему прибыли отец с матерью, когда исчезли законы разлуки и распались основы расставания. Не торопись с моей казнью, ведь мои ноги закованы в путы твоего гнева, а тело мое заключено в темницу твоей справедливости и твоего веления. В один прекрасный день сам собой, без чуждых влияний твой возвышенный ум, этот ясный светоч, убедится в том, что нижайший раб твой невиновен в возведенном на него грехе и чист от измышленных завистниками преступлений.

Падишах выслушал этот увлекательный рассказ, пламя его гнева улеглось, молнии ярости погасли, и он приказал отвести Бахтияра в темницу.

Пусть закуют меня в оковы, я не боюсь:
Для мужа те оковы – как браслеты.

Назавтра падишах сказал:

– Если я казню этого юношу, опасаюсь, как бы мне не пришлось раскаиваться, боюсь заслужить вечные упреки.

На другой день, когда киноварь лучей вознесла знамена над зубцами столпов земли, когда румийская рать [13] отвоевала день у сжигающих мир эфиопов [14], когда на небосводе заблистало великое чело солнца и светило поплыло по круглому куполу, третий везир пришел в тронный зал падишаха и сказал:

– Да будет вечен падишах! Наказание – это тот единственный колышек, к которому прикрепляют веревки царского шатра; осуществление возмездия – это единственная нить, на которую нанизывают жемчуга похвальных качеств. Если падишах будет медлить с казнью этого зловредного юнца, если он отложит кару за предательство, то опасаюсь, как бы не пострадали законы наказания, как бы основы устрашения не оказались в убытке.

Туче подобны твои наказания, дождь приносящей,
И расцветает, как роза, страна, влагу благую впитав.

– Побеги наказания надо взрастить, – продолжал он, – а этого предателя надо убить, ибо он – волк в обличье овцы и чужак под видом родни.

Страшнее всех тот волк, Что рядится в овечью шкуру.

Падишах приказал воздвигнуть виселицу и привести Бахтияра пред царские очи. Как только падишах бросил взгляд на Бахтияра, тот отверз уста:

– Терпение – украшение мужей, а прощение – свидетельство духовного совершенства. Терпение похвально в любом человеке, а у царя – еще похвальнее; прощение для всех людей считают добродетелью, а для царей – тем более. И если благоволение падишаха посадит побег в саду прощения, то я не теряю надежды, что гумно воздержанности не сгорит от угольков гнева, ибо каждый, кто вкусил зелья самообладания, будет в один прекрасный день облачен в доспехи победы. На этот счет существует рассказ, и в нем много назиданий и намеков.

– А ну-ка начни! – приказал падишах.

Глава четвертая

Рассказ о Бу-Сабире, о том, что постигло его в чередовании событий, о том, как он завоевал разные страны и избавился от бед и превратностей судьбы. Смысл этого рассказа в том, чтобы читатель знал: основа всего – терпение и стойкость, а доброта и разумность доступны лишь обладающим украшениями духа

– Да будет падишах вечен, – начал Бахтияр. – Авторы сказаний и хранители легенд рассказывают, что в древние времена жил Бу-Сабир, терпеливый муж [15]. Его украшали самообладание, кротость, смирение, доброжелательство; он облачился в одеяния велений разума и всегда следовал предписаниям справедливости. Благодаря силе рассудка и природному достоинству Бу-Сабир отдавал предпочтение плодам терпения. Одаренный проницательностью, зоркостью ясновидения, Бу-Сабир видел, как прекрасен конечный итог терпения; он доподлинно знал, что божье вознаграждение терпеливым мужам превосходит всякие мечты. Как сказал всевышний: «Воистину терпеливые мужи получат вознаграждение без счета». Он уверился в том, что счастье усердствующих в знании и придерживающихся кротости превыше любого понимания. Как сказал всевышний: «Возвышает Аллах тех, кому дано знание, на разные степени».

Последствия прекрасного терпения прекрасны,

а благороднейшее качество мужей – благородство. Нападки судьбы он отражал терпением, беды Судного дня облачал в одеяния смирения.

Но вот в окрестностях селения появился лютый лев, от страха перед которым трепетали даже души гор, даже тигры и леопарды. Этот лев наводил ужас, поражал онагров, он обладал каменным телом, железными когтями. Гром страшился его рыка, молния, сверкая, лишь

отражала блеск его клыков. Он задирал верблюдов селян, уничтожал овец без счета.

Жители окрестных селений, настрадавшись от ярости и коварства лютого льва, который поселился в чащобе гнева у водоема засады, стали спрашивать друг друга:

– Кто может противостоять нападениям льва и ударам меча?

И они пришли к Бу-Сабиру, говоря:

– Ты много повидал на своем веку, встречал немало чудес. Мы пришли к тебе за советом, ибо нам уже невмоготу сносить злодеяния льва и наши страдания из-за него превзошли всякую меру. Ты должен помочь нам, а мы взамен будем платить тебе вознаграждение от каждого селения и от каждого человека. Быть может, ты одолеешь льва, и народ освободится от его нападений.

– Да будет вам известно, – отвечал Бу-Сабир, – что сражаться со львами – удел царей, а не черни. Ребенку не под силу устоять против яростного льва, и не каждый век рождается Рустам сын Заля или меднотелый Эсфандияр. Десница, привыкшая к серпу, не может ладить с кубком; рука, достойная носить украшения [16], не будет разить и рубить. Если согнанные на хашар люди могли бы сражаться со львами и управляться с мечами, то они не стали бы платить подати и сносить бремя налогов. Если бы из простого тростника получались боевые копья, то дети не стали бы изучать азбуку. А теперь ступайте, занимайтесь земледелием и разводите скот, ибо рисковать жизнями и проливать понапрасну кровь – это удел храбрецов, а не малых детей.

Не всякая трава благоухает мятой,
Не каждый встречный к подвигу готов.
О пешеход, не для тебя доспех сей ратный,
Твое оружье – посох и сума.

– Если вы отправитесь на битву с этим львом, – продолжал Бу-Сабир, – то как бы вам не погибнуть от его когтей. В самое ближайшее время начальник небесной стражи определит события и судьба приступит к толкованию путаных снов. Ступайте и терпите, ибо каждая капля, которая падает из тучи терпения, становится

жемчужиной; каждый муж, который наберется долготерпения в мастерской судьбы, становится могучим воином.

Завтрашний день сегодняшний сменит. Терпенье!!
Воли халифа никто не изменит. Терпенье!

Люди послушались совета Бу-Сабира. Спустя несколько дней прибыл в те края падишах – на охоту и для прогулок в горах. Когда он услышал о льве, то послал на него воинов и бойцов, чтобы они силой и хитростью убили зверя. Таким образом округа избавилась от зла и вреда, приносимого кровожадным львом. И тогда Бу-Сабир сказал:

– Видите, благодаря терпению вы обрели полный покой. Благодаря тому, что не поспешили, вы зажгли такой светильник. Пророк ведь сказал: «Терпение – решение, и даже малое терпение совершает дело».

То, что ты испытал и познал, – это мир,
Прояви же терпенье к невзгодам его.

Прошло некоторое время, и в то селение прибыл сборщик податей. Это был жестокий человек: он облагал крестьян большими налогами, не щадил бедных подданных, ни одному достойному мужу он не подарил ни гроша. Айяры из того сёления убили его и скрылись. А невиновные в его гибели пришли к Бу-Сабиру и сказали:

– Давайте-ка пойдем к шаху и объясним, что мы непричастны к этому убийству. Быть может, он сжалится над нашим бедственным положением и нашими затруднениями, смилуется лад нашей слабостью, беспомощностью и нищенским достатком.

– Если вы хотите отправиться к шахскому престолу, – сказал Бу-Сабир, – то это ваше дело, я же пока потерплю. Посмотрю, чем все это закончится.

Когда до слуха падишаха дошла весть об убийстве сборщика, он послал в то селение войско, и воины сровняли его с землей. Каждый, кто оказался в деревне, был убит. Преступники бежали, а расплата настигла невиновных.

Преступленье глупцы совершали,
Наказанье ж несли мудрецы.

Люди пришли к Бу-Сабиру и сказали:

– Вставай, отправимся к падишаху и расскажем ему и столпам державы о том, как все произошло. Быть может, этим мы исцелим нашу боль. Или хотя бы обеспечим себе безопасность в будущем. Ведь кровь наша льется понапрасну, жизнь наша подвергается смертельной опасности.

– Вы знаете, – ответил Бу-Сабир – что мое единственное лекарство и зелье – это терпение, мое единственное богатство и достаток – это ожидание.

– Именно от этого терпения, – отвечали они, – гибнет наша округа, а сердца наши превратились в кебаб. Цари – пастыри для подданных и покровители слабых. Пойдем к шаху и расскажем обо всем. Пока дитя не заплачет, ему не дают молока, покуда ты не бросишь семена в лоно земли, не вырастут цветущие и плодоносные деревья. Ведь сказано: «Тот, кто не проявляет рвение, становится пастырем; тот, кто не разлучается со сновидениями, видит сны». Ты вкушаешь зелье терпения – ну что ж, этой речи не жалко для тебя, мы же отправимся под сень пальмы, на которой растут свежие финики; пойдем к улью, мед которого столь сладок.

Тот, кто добро вершит, получит воздаянье –
Не забываются людьми благодеянья.
Простись с гордыней, за тщеславьем не гонись,
Вставай, за кубок доброты возьмись.

Люди пришли во дворец шаха и рассказали о грабежах и убийствах, поведали о том, как проливают кровь и бесчестят Добродетельных жен. Падишах огорчился и сказал:

– Почему же вы не пришли ко мне сразу? Тогда бы я вас простил и не велел бы разорять ваше селение и убивать ваших жителей.

– У нас в деревне есть учитель, – объяснили люди, – с которым мы советуемся во всех наших делах, к которому обращаемся по важным

вопросам. Мы просили его пойти с нами к падишаху, чтобы устранить несправедливость и приложить усилия в отвращении бед. Он же ответил нам: «Я выбрал уделом терпение и ступаю по стезе ожидания». Вот мы и откладывали свой приход к тебе, пока нам не стало невмоготу и нож не дошел до самой кости. Как говорят: «Поток поднялся д0 высоких мест, и вода затопила холмы». Но когда наши дети и жены стали пищей бед, когда наши богатства и достаток стали добычей горестей, то мы сочли справедливость падишаха надежной крепостью, а милосердие государя – твердой основой. Словно обитатели гарема, мы бежали под сень его покровительства, словно преступники, мы ухватились за полы его милосердия.

Прими раскаянье того, кто молит о прощенье.

Падишах обласкал тех людей, приказал выдать им из казны ссуду, не облагать их податью целый год, а еще повелел:

– А того мужа, который хвастает своей стойкостью в терпении, который испытывает судьбу и рок, прогоните из селения. Скажите ему: «Терпи же, пока тебе не явятся приметы счастья, пока счастье не придет тебе на подмогу»;

Ныне, когда от насилия неба кругом идет голова. Стойкость являй, хоть сгорела от горя душа.

Слуги падишаха с презрением прогнали из селения Бу-Сабира с женой и двумя сыновьями. Бу-Сабир, испив чашу терпения и облачившись в одежду надежды, пустился странствовать, отправился из родного села на чужбину. Дети были испуганы, сам Бу-Сабир едва владел собой, они проливали слезы скорби и укрывались дымом печали.

Они шли по пустыне и на второй или третий день повстречали шайку разбойников. И поскольку у них не было с собой ни гроша, разбойники решили: «Заберем у них мальчиков и продадим!»

Они силой отобрали детей у отца с матерью, а сердца родителей вкусили мучительное горе.

Скажи судьбе: «Теперь твоя взяла.
Меня ты насмерть поразила.

Зато пока ты милостью меня дарила.
Застой царил в твоих делах».

Мать смотрела, как забирают детей, свет очей ее, и проливала обильные слезы от непосильного горя.

Вот мы с тобой разлучены…
Ужели жизнь пройдет в разлуке?

В каждую эпоху живут свои Якуб и Юсуф, у каждого века есть особая печаль и свой Аййуб. Но беспечные люди тяготятся рассказами о влюбленных, а бездельников утомляют истории о тех, кого сразила беда.

Мать, расставшись с детьми, страдала, скорпион разлуки вонзал в ее сердце жало горя. Материнская любовь и привязанность гнали кровь из внутреннего источника к зрачкам, и на лице у нее по наущению скорби из родников-глаз били ключи печали.

Отыщет путь к сему рассказу тот,
Кто на своих плечах изведал горя гнет.

Бу-Сабир сказал жене:

– «Воистину с горем приходит и радость». Пусть Якуб и Юсуф будут для твоего сердца зерцалом. Когда-нибудь вечерний ветерок принесет несчастным разлученным запах рубашки [17], или же светлым утром зефир известит скорбящих о свидании.

За краткий миг, пока взлетит и упадет орех,
Раб может цепь разбить, больной – восстать с одра.

Наконец, когда Бу-Сабир и его жена покинули пределы жестокой пустыни и безводной степи, печень у обоих от жара самума спеклась, а сердца их от руки горестей обуглились. Из-за разлуки с детьми их души готовы были покинуть тела, от тоски день стал словно ночь,

судьба дарила им лишь вздохи и боль, драгоценная жизнь – лишь отчаяние. И вот они пришли к одному селению. Бу-Сабир решил оставить жену у окраины и сказал ей:

– Может быть, мне удастся отдалить наш смертный час, раздобыть какой-нибудь еды, чтобы хоть немного утолить мучительный голод.

Едва Бу-Сабир отправился в селение, к жене подошел какой-то пьяный воин. Увидев в степи одинокую женщину, у которой не было ни стражника, ни защитника, ни друга, он захотел овладеть ею, но она закричала:

– Отстань от меня! Я несчастная чужестранка, из-за неисчислимых бед я лишилась радости, напасти судьбы поразили меня горем. Мой муж пошел по делам в селение. Если он увидит что-нибудь или даже услышит, то сейчас же пожалуется падишаху и ты поплатишься жизнью!

Но воин в ответ на такие речи лишь выхватил меч и сказал:

– Или ты пойдешь со мной, или я снесу тебе голову этим мечом. Пожалей сама себя, а не то тебя, как зерно, перемелет мельница смерти и презренная твоя душа покатится по пустыне, где обрываются все надежды.

Жена Бу-Сабира ничего не могла поделать и написала пальцем на песке о том, что произошло:

«Шайка напастей похитила наших детей, а банда несчастий, словно разбойники, полонила меня.

Если мне смерть подарит хоть маленькую отсрочку,
Я приложу все усилья, чтобы вновь встретить тебя»,

И воин увел эту бедную женщину, будто жалкую пленницу, так что для нее перемена судьбы и превратности жизни следовали одна за другой, бедствия и молнии скорби сменялись непрестанно.

Бу-Сабир вернулся, но не нашел жены, а только прочитал ее послание на страницах песка. Он подумал:

«Одна рана на другую. Что за непрерывные беды, что за бесконечные напасти! Но что бы ни случилось, терпение украшает меня, спокойствие и выжидание – мое богатство».

Терпение – вот лекарство, когда приходит беда,
В терпении воздаянье насильникам по заслугам.
Судьба не сумела ни разу надеть на сердце оковы,
Такие, чтоб руки терпенья замка их открыть не могли.

Наконец Бу-Сабир с горестным сердцем направился к городу. И не было у него ни утешителя, ни друга, ни пропитания, ни счастья. А в городе том правил жестокий эмир. Он строил дворец: эйваны уже были возведены, площадь перед дворцом была разбита, двери навешены. Каждого чужестранца, который входил в город, стражники хватали и заставляли таскать кирпичи и глину. Когда растерянный Бу-Сабир, с сердцем, полным огня, с лицом, покрытым пылью изгнания и приметами скорби, вошел в город, его тут же схватили и заставили таскать глину. Он работал с утра до ночи, из еды ему давали всего две лепешки в день.

Каждый день меня терзают беды.
Научился я у них терпенью.
День за днем они ко мне приходят,
Будто созданы мы друг для друга.

И вот как-то один из униженных чужеземцев и несчастных пленников, таскавших кирпич и раствор, упал с лестницы. Он обратился лицом к небу и закричал:

– О покровитель несчастных! О защитник униженных! О помогающий всем обиженным! О приходящий на помощь оскорбленным! Яви свою милость!

– Юноша, – сказал ему Бу-Сабир, – не рыдай так скорбно, так плач не помощник рабу. Терпи, ибо вслед за темной ночью настанет светлый день.

Когда падишаху-насильнику сообщили о жалобах упавшего с лестницы, он приказал выдать небольшое вознаграждение юноше и попросил у него прощения. А того, кто призывал к терпению, падишах приказал заточить в темницу, чтобы терпение устроило его дела. Бу-Сабира тут же заковали в кандалы и бросили в подземелье.

Если спросят: «Кто тот, наказанье которого вечно?»
Не унять мне рыданий, пока не шепну: «Это я».

Прошло два года, и войско вместе с подданными восстало против тирана. Подданные не желали больше терпеть притеснений и гнета тирана, сердца сановников и воинов изнемогали от его наказаний и насилий. И они сказали:

– Вся страна окрасилась скорбью, все сердца поражены горестями, от его злосчастия розы превратились в шипы, от его злодеяний вино стало отравой. На земле нашей ныне растут лишь плевелы и сорняки, нашу страну посещают только напасти небес.

Эмир-насильник бежал из страны. Задолго до этих событий он убил своего брата, а своим приближенным говорил, будто заточил его в подземелье в интересах государства. Воины и сановники немедля побежали в темницу, извлекли оттуда Бу-Сабира, которого приняли за брата низложенного падишаха, повели его во дворец и присягнули на верность.

Когда Юсуф в своей темнице терпенье проявил.
Счастливая судьба ему вручила царство.

«Терпение – ключ к радости». Бу-Сабир нашел опору в царском троне, раздал сокровища приближенным и воинам. И тогда все войско заявило:

– Надо нам разыскать низложенного эмира, чтобы он не смог нанести вред стране, иначе государство пострадает от его коварства.

О великий муж! Не дозволяй муравью стать змеей. Бу-Сабир двинулся с войсками и за два или три дня разбил и взял в плен врага государства. Он установил справедливые законы, подобные которым даже трудно представить, укрепил основы правосудия до такой степени, что трудно даже вообразить. Поступлений в казну стало меньше, налоги сократились, в стране воцарились справедливость обоих Омаров [18] и счастье обоих миров, так что слава о его справедливости стала притчей во языцех, а история его правосудия была записана на скрижалях мира.

Щедрость, доброта и справедливость
Целый мир тебе завоевали.
Божий промысел и добродетель
Охраняют от невзгод судьбы.

А разбойники, которые отобрали у Бу-Сабира детей, решили: «Отведем-ка этих мальчиков к падишаху. Нет сомнений, что он наградит нас и обласкает».

И они привели мальчиков к Бу-Сабиру. Когда взору его представились эти два плода сердца, эта отрада души, то он склонился на молитвенный коврик благодарения богу, уподобился Якубу при свидании с Юсуфом, руководимый терпением обрел спасение, словно Аййуб. Увидев, что взошли звезды безопасности, а печальная судьба отворачивается, что каждый день справедливость, забота о подданных и великодушие увеличиваются, что от щедрости и даров зеленеет лужайка государства, Бу-Сабир приказал отрубить разбойникам руки и ноги и тем самым воздать им должное, как сказал всевышний: «Вору и воровке отрубите их руки».

Люди дивились такому поступку и говорили:

– Как это случилось, что наш справедливый шах велел отрубить руки и ноги работорговцам и отобрал их рабов? Они не знали, каково было начало тех событий, почему поклажа была выгружена таким образом. Они не знали, что это не простые торговцы невольниками, а жестокие разбойники и кровожадные насильники.

Прошло несколько дней. Жена Бу-Сабира меж тем слышала всюду рассказы о справедливости шаха и видела воочию похвальные обычаи жителей страны. И вот однажды ей удалось улучить минуту и оказаться во дворце шаха в том месте, где обиженные приносили жалобы. Она уже выступила вперед, готовясь начать, но тут подскочил к ней тот воин и закричал:

– О шах! Окажи мне покровительство! Вот уже давно я сочетался с этой женщиной законным браком и узами супружества. Но она упрямится и поступает вопреки тому, чего я желаю.

Жена плача сказала:

– О шах! Твой дворец – обитель справедливости, а не место лжи и коварства. Этот человек похитил меня вблизи деревни, пренебрегая

шариатом и благородством, используя силу…

Как только Бу-Сабир услышал голос и причитания бедной женщины, он приказал наказать воина по закону, а жену отправил в свой гарем. Люди опять дивились и пребывали в изумлении.

– Что случилось с нашим падишахом?– говорили они. – Ведь прежде он шел по стезе благочестия, а ныне ступил на путь корысти. Быть может, зеркало его справедливости покрылось ржавчиной? Или же на лик его разума осела пыль? Жаль, что он осквернил чистоту ложью и остудил сердца подданных подобным поведением.

Дурной глаз судьбы, видно, нраву его повредил,
И хитрости рока влиянье свое оказали.
Цвело милосердие пышно, как розовый куст,
Сегодня же розы опали, шипы на ветвях показались.

Бу-Сабир, одаренный светом проницательности и прозорливости, догадался, что в умы людей проникло сомнение, что подозрение о насилии трепещет в их сокровенных мыслях. И тогда он сказал приближенным:

– Эти мальчики – мои сыновья, а обиженная женщина – моя законная жена. Их отобрали у меня силой. Но божий промысел предрек вернуть мальчиков, словно Юсуфа, а мою законную жену, подобно Зелихе, увели под угрозой смерти. Как говорят: «Тот, кто роет яму своему брату, сам угодит в нее». Прошло не так уж много времени, и тот самый падишах, который велел изгнать Бу-Сабира с семьей из родного селения, был свергнут за притеснения. Виночерпий насилий поднес ему соль горечи, несметные сокровища казны были разграблены, дабы впредь все знали, что унижение людей влечет пагубные последствия, что плоды справедливости благословенны.

И вот однажды низложенный падишах подъехал ко дворцу Бу-Сабира в бедной повозке и в поношенном платье.

– О падишах!– закричал он. – Спаси меня от врагов, дай передохнуть от преследований злой судьбы! Я тону в потоке бед и горю в пламени скорби!

Бу-Сабир, едва увидел его, тут же узнал и приказал:

– Подведите его ко мне.

Того привели, и Бу-Сабир сказал:

– Помнишь, как ты очернил лик справедливости мраком насилия, как ты погубил язвой насилия здоровое тело государства? Или ты думал, что зоркий глаз рока не видал соперника лучше тебя? Или возомнил ты, что судьба не слыхала слов, приятнее твоих? Помнишь, как несправедливо поступил ты со мной? Сказал всевышний: «Знаете ли вы, что вы содеяли с Юсуфом?» Ты изгнал меня с родных и насиженных мест, пустил странствовать по белу свету – и вот ты лишился царства из-за своих насилий. Время – это время возмездия, дни – это дни воздаяния. Сказал всевышний: «Если кто нападет на вас, то вы нападайте на него, подобно тому, как он нападает на вас».

За всякий тобой нанесенный удар
Получишь ответный удар. Берегись!

И Бу-Сабир приказал отвести его в крепость, а сокровища его отобрать и передать в казну.

– Если твои высокие помыслы, – закончил Бахтияр, – не одобряют того, что я рассказал, то повесть о ханаанском луноликом красавце [19] – яркий пример того, в каком состоянии я оказался.

Эти дни – не что иное, как стоянка на пути,
На одной ждет изобилье, на другой ждет нищета.
Благотворно повлияли на тебя несчастья эти,
Словно золото в горниле, ты очистился от зла.

*** * ***

Юсуф, пророк Аллаха, терпения пример:
Ведь был он по навету в темницу заточен.
Но там, явив терпенье, смиренно часа ждал.
И в этот час, счастливый, взошел на царский трон.

– Если ты, падишах, – продолжал Бахтияр, – вопреки клевете корыстолюбцев и навету недругов, которые больны злобой и завистью и стремятся погубить и изничтожить твоего нижайшего раба, не накажешь и не казнишь меня, то благодаря твоей кротости и терпению, благодаря твоей справедливости и прозорливости мое положение улучшится и дела мои пойдут на лад.

Когда рассказ достиг этих пределов, когда повествование поднялось на такую высоту, день уже складывал пожитки, а солнце готовилось к уходу, и падишах приказал помедлить еще с казнью, а пока заковать Бахтияра цепью. Бахтияр шел г в шахскую темницу и читал языком бодрствования стихи:

Пускай осужден я томиться в темнице –
Жемчужина тоже в ракушке хранится.

Не думай о темнице с ужасом и страхом –
Ведь путь свой из темницы чрева начал ты.
Нет дива в том, что от невежд мудрец страдает, –
Звезда потухшая порою солнце заслоняет.

Настал пятый день заточения Бахтияра, и ропот везиров падишаха поднялся до самых звезд. Пятый везир, который славился твердостью ума и смиренной кротостью, но был также известен сообразительностью и проницательностью, пришел к падишаху. Воздав ему положенные почести, везир прочитал молитву, произнес славословия и сказал:

– Да будет вечен и всегда окружен радостью и весельем наш падишах – обладатель возвышенного ума. Хотя промедление в разборе преступления и в вынесении приговора считается признаком совершенной кротости и обширных познаний, но тем не менее в тех случаях, когда проступок виднее яркого солнца, назначить наказание – великое благо, и в таком деле любая отсрочка будет слабохарактерностью и безволием. Справедливость властелина для подданных подобна крепости, где они укрываются от ударов судьбы и гнева несчастий. Стены сей неприступной крепости – приведение

приговора в исполнение, ворота цитадели – соблюдение основ шариата. И каждый раз, когда приговор не исполняют, в этой стене образуется брешь. Надежды царства и народа, прочность религии и власти покоятся на наказании мечом, на возмездии и каре за преступление.

Падишах велел привести Бахтияра и позвать палача. Бахтияр, увидев острый меч палача, понял, как густы тучи над его головой, и сказал:

– Да будет вечен самый справедливейший и благородный падишах! Мудрецы говорят, что господь над господами, первопричина всех причин, дающий всем живым существам пропитание, а растениям – силу произрастания, до тех пор не доверит ключей покровительства людям и управления ими какому-либо человеку, пока не упорядочит в нем силу ума, чистоту мыслей и луч разума, пока не облачит его в одеяние справедливости ста тысяч мужей. Падишаху следует торопиться с исполнением приговора только в том случае, когда промедление может повлечь гибельные последствия, когда отсутствие предосторожности может кончиться пагубно. Я, твой нижайший раб, заточен в темнице, а гороскоп мой – самый несчастный. У меня много завистников и недругов. Не лучше ли падишаху помедлить с моим наказанием, поразмыслить, прежде чем приказать исполнить приговор? Ведь мудрецы сказали: «Терпение – это плод благоразумия и вера в решительность». И если падишах соблаговолит, то я расскажу повесть, в которой говорится, что зависть – вредная черта характера, а последствия ее пагубны.

– Рассказывай, – приказал падишах.

Глава пятая

Повесть о везире Абу-Таммаме и о беде, которая постигла его из-за завистников; о позоре, который вкусили злокозненные недоброжелатели, о возмездии, которое они понесли за свою зависть

Да будет жизнь падишаха долговечной, – начал Бахтияр, – пусть он живет в радостях, гармоничных, как весенняя погода, в соразмеренном веселии и в согласии с судьбой. Жил на свете везир по имени Абу-Таммам. Он познал законы коловращения судьбы, слыхал и шутливые, и серьезные суждения о жизни этого мира, знал, как справедливо управлять людьми. Абу-Таммама ставили в пример другим, складывали легенды о его разуме. Его верные решения были известием о победе, мысли, вышедшие из-под его пера, были нарядным платьем державы. Везир всегда заботился только о благе государства, но падишах считал его советы ошибочными и не прислушивался к его назиданиям. Он не мог оценить как следует наставлений везира и не постиг величия его помыслов. Падишаху было невдомек, что совершенный ум везира – это садовник, который растит кипарис вечности государства, что перо справедливого везира – проводник, который споспешествует свиданию с ликом державы.

Падишаха обуяла корысть, он возжелал богатства везира, поскольку богатство – это красавица с лицом, как у Ширин, благоуханная и блестящая чаровница. Богатство – средство достижения целей, машшате этого мира, оно доводит до совершенства любой металл и дает возможность проявления всякому величию.

Алчность падишаха огорчала везира, и он поведал свои Думы некоторым доверенным лицам и друзьям.

– Вы видите, – говорил он, – что падишах ни во что меня не ставит и что никогда он не утешит моего сердца ни единым словом. Придется мне с горечью оторвать сердце от родины и против воли

отдать предпочтение разлуке с родным краем. Говорят ведь: «Если тебе не подходит место жительства, перемени его».

Коли усвоил ты, то божий мир обширен,
Что не заказан людям в нем приезд, отъезд,
Так отправляйся в путь. Господь устроил страны
Затем лишь, чтобы населить равнины и холмы.

* * *

Здесь нет мне почета и чести –
Пойду их искать в другом месте.

* * *

Есть у Аллаха пастбища иные,
Иные есть колодцы и поля,
Воистину есть у Аллаха милость,
Которой держится от века вся земля.

Я от злобной судьбы убегу,
Как слетевшая с лука стрела.
Пусть достались богатства врагу –
Благородство душа унесла.

И вот однажды везир созвал всех своих приближенных и слуг, собрал имущество и скот, взял в дорогу самое необходимое, а остальное оставил на месте и двинулся в дальние края, в Хорасан и Ирак. На каждой остановке он спешивался с радостью и на каждом перекрестке испытывал счастье. Сказал пророк: «Путешествуйте, будьте здоровы и приобретайте». Так он переезжал из одного города в

другой, пока судьба не привела его в Армению и Арран. Везир велел разбивать шатры на лужайке у склона горы. Воздух в тех местах был целительный, горизонты – просторны, вода – прозрачна, ветры – приятны, птицы напевали сладостные мелодии, а цветы улыбались. Абу-Таммам провел там несколько дней, а слуги его ходили в город для купли и продажи. Горожане, видя их честность в сделках и порядочность в торговых делах, подружились с ними.

И вот в один прекрасный день до падишаха той страны дошла весть, что в их края прибыл благородный муж, человек приятный и образованный, с хорошо воспитанными слугами и большим состоянием.

Приятен в обхождении и щедр,
Друзьями окружен он и прислугой.

Падишах послал царский выезд и велел пригласить Абу-Таммама во дворец с почетом и уважением, славословием и преклонением. С Абу-Таммамом были драгоценности и дары – говорят же: «Дарите, и вас будут любить». Когда он прибыл к падишаху, то поцеловал прах перед ним и выложил свои приношения. Его тут же облачили в почетный халат и включили в число сановников и приближенных.

Отныне, как только падишах приказывал накрыть пиршественный стол и расставить яства, доставляющие наслаждения, как только повелевал принести вина рейхани под звуки мелодии хусравани, как только в хрустальных сосудах загорались светильники радости, он призывал Абу-Таммама, чтобы слушать его диковинные рассказы и изящные изречения. И вот однажды они были на ристалище, а мяч носился под ударами чоугана. Луноликие, благоухающие, словно розы, и пленительные юноши, красота которых, казалось, выносила смертный приговор присутствующим, играли в мяч, похищали кончиком копья колечки [20] и показывали во владении оружием чудеса белой руки [21].

Абу-Таммам был искусен во владении оружием и воинском деле, умел нападать и наносить удары в сражениях и битвах, испытал многое на своем веку, испробовал и чистого вина, и горького осадка. Он знал, в какую сторону отражать стрелы, в каком направлении

отбивать копье. В тот день он показал свое искусство в езде верхом и игре в чоуган. Падишах, увидев мастерство Абу-Таммама в нанесении ударов и уколов, расхвалил его до небес, превознес его доблести и назначил своим приближенным и доверенным сотрапезником. Каждый день падишах посылал ему привет и подарок, всегда, и в глаза и за глаза, он расточал похвалы его превосходным качествам, а когда Абу-Таммам приходил, падишах всякий раз выказывал радость и ликование.

Тому разумному, кто больше одарен,
Опасность больше угрожает – от других.

И вот однажды Абу-Таммам сказал падишаху:

– Нижайшему рабу ласки и великодушное отношение падишаха вселенной не кажутся благоприятными, хотя природа солнца – блистать, а занятие тучи – проливать дождь. Милостивого расположения падишаха домогаются все подданные. И когда люди увидят, что благосклонность падишаха ко мне безмерна, то боюсь, как бы они от зависти не изъязвили ржавчиной зеркало близости к тебе, как бы они не ослепили глаза моего счастья в мое отсутствие. Сказал пророк: «Воистину зависть пожирает добродетели, подобно тому, как огонь пожирает дрова».

Я как цветок, дарящий людям аромат:
Одним – на радость, к насморку – другим.

– Завистникам благочестие кажется грехом, спрос – застоем. Завистник злословит за глаза, ищет всюду пороки, прекрасную розу он объявляет шипом, предмет гордости называет позором.

Услышав обо мне дурное, они безмерно рады,
Но добродетели мои мечтают утаить.

– Слова завистников, – отвечал ему падишах, – не пользуются спросом на базаре мудрецов, а болтовня клеветников Для праведных

ушей – это всего лишь грех.

Уши мудрых – рассудка рубеж,
Злым словам не нарушить границ.
Вопреки всем стараньям врагов
Не открою коварства страниц.

В том царстве было четыре везира. Падишах благодаря проницательности ума, этого вместилища бесконечной милости и порождения предвечной благосклонности, считал мнение четырех везиров четырьмя первоосновами [22] государства, на которых покоится государственный порядок. И вот в сердцах этих везиров, бывших доверенными лицами религиозной общины и попечителями державы, стали бушевать волны зависти, в мыслях же их начали сгущаться тучи вражды, когда они убедились, что благосклонность шаха к Абу-Таммаму растет с каждым днем. Они собрались на совет и говорили так:

– Этот чужеземец посрамит нас! Как бы ураган его влияния не повредил древу нашего положения, как бы не погубил он плоды нашего достоинства. Надо придумать такое, чтобы ему захотелось покинуть нашу страну, чтобы мысли о пребывании здесь сменились у него желанием бежать без оглядки.

Все в один голос согласились и стали придумывать средства, как избавиться он Абу-Таммама. Предводитель везиров, старший среди духовных лиц и попечителей, сказал:

– У хотанского шаха есть дочь, равной которой по красоте нет на всей земле. Она – солнце в обличье человека, гурия, принявшая облик земной девушки. Розы заимствовали цвет у ее щек, а сахар обязан сладостью ее речам, сами райские девы завидуют ей. Во славу ее красоты провозглашают хвалу в мечетях, правители гордятся тем, что страстно влюблены в нее. А падишах Чина жестоко наказывает послов, прибывающих от властелинов разных стран просить ее руки. Расскажем падишаху об этой девушке. Он услышит о ее красоте, достоинствах и совершенстве, в нем проснутся любовь и сжигающая страсть, и он потребует достойного посла. А мы объявим, что нет посла лучше Абу-Таммама, что только он может справиться с таким

важным поручением и устранить непредвиденные трудности. Падишах поручит сватовство Абу-Таммаму, и ему придется уехать. А если он отправится в Чин, то трудно даже предположить, что вернется назад.

На другой день везиры так и поступили. Они превозносили и расхваливали царевну Хотана, пока в падишахе не пробудились всепоглощающая любовь и подлинная страсть. Как говорят: «Временами ухо влюбляется раньше глаз».

На следующий день влюбленный падишах стал расспрашивать о Хотане, об обычаях этой страны, а везиры меж тем ликовали и своими ответами только подзадоривали падишаха, пока наконец падишах не оказался целиком в оковах любви, и каждый день поливали любовный побег, всякий раз туже затягивая локон влюбленности падишаха. Он лишился сна и покоя, потерял терпение. И наконец падишах, отбросив в сторону стыдливость, признался везирам в своей любви.

Ты рассказал о ней и тем усилил
Мое безумие. Так говори же вновь!
Любовь к ней – страсть единственная сердца!
И с сердцем разлучить нельзя любовь.

Падишах приказал везирам:

– Подсчитайте мои сокровища, подведите итог доходам, чтобы отослать дары шаху Чина и посватать его дочь.

– Покуда не заключен брачный договор и не завязаны узы свойства, – сказали везиры, – не подобает посылать сокровища и дары. Сначала надо отправить посла, который знает обычаи страны фагфура и правила служения царям, чтобы он выполнил обязанности свата, передал дары и вернулся назад с вестями.

– Хорошо сказано, – ответил шах. – Для подобного посольства нужен разумный и достойный муж, обладающий приятной внешностью и доброй славой. Найдите такого.

И везиры ответили:

– Сейчас в нашем царстве нет мужа, совершенней Абу-Таммама. Он пользуется благосклонностью падишаха, опережает всех разумом и знаниями, он превосходит всех благородством и кротостью, украшен похвальными качествами и редкостными достоинствами.

Когда Абу-Таммам, по обыкновению, пришел к падишаху, тот сказал ему:

– Да будет тебе известно, что я полностью доверяюсь величию твоих помыслов, всецело полагаюсь на твои знания. Передо мной стоит наиважнейшая задача, но до сих пор я не находил человека для ее исполнения и потому не пытался разрешить ее. Однако ныне мое царство опирается на твой великий разум, его поддерживают столпы твоего решительного и твердого ума; так вот, я уже давно мечтаю отправить посла к шаху Чина, заключить с ним дружеский и родственный союз. Вполне очевидно, что ключ осуществления этого важного дела – в твоих руках, что светочем для достижения моих желаний послужит твоя сообразительность.

Абу-Таммам поклонился и сказал:

– Твой нижайший раб готов принести себя и свое состояние в жертву, чтобы осуществилось желание падишаха.

Везиры приготовили все необходимое для посольства, вручили ему коней, драгоценные каменья и жемчуга, роскошные одеяния, инкрустированное оружие и на протяжении целого перехода провожали его с вином, музыкой и всем прочим.

Когда Абу-Таммам прибыл в столицу Чина, шаха той Страны известили о. прибытии посла, и он приказал отвести для него помещение, прислать вина и всякую снедь. Слуги также встретили его весьма почтительно.

Когда Абу-Таммам доставил шаху дары и подношения, Поклонился и приветствовал его, шах Чина оказал ему всякие почести и уважение, какие только возможны, и приказал своим приближенным также почтить и возвеличить посла.

В один прекрасный день шах Чина сказал Абу-Таммэму

– Страна Арран – великая страна, а шах ее – великий муж. И для своей благородной дочери я не вижу на земле мужа достойнее его, царя более великодушного и величавого. Но очень уж маленькое приданое я для нее приготовил, я выделил ей только самое необходимое. Ты, посол, кажешься человеком верным, с твердым духом. Как говорят: «Воистину для благородного мужа глаз его – спасение». Тебе надлежит самому увидеть мою дочь, взглянуть на ее приданое. Если она достойна шаха Аррана, то повелевай!

Если любовь я твою обрету, другие богатства презренны,
Рядом с любовью твоей все земные сокровища – прах.

Абу-Таммам поцеловал перед ним землю и сказал:

– Согласно указаниям разума и положениям шариата мне не подобает видеть лицо или слышать голос благородного создания, которое произошло из отцовских чресел падишаха и предназначено для брачных уз с падишахом. Если бы не была она достойной моего властелина, то божественный рок и небеса не внушили бы ему эту страсть, даже более того, судьба не вложила бы в его сердце мысль об этой жемчужине.

Кто достоин венца, пусть оставит старанья –
И судьба к царской власти его подведет.

– Что же касается приданого, то наш падишах помышляет не о стяжательстве, а о совершенстве. Как говорят: «Богатство – непрочно и преходяще, а дружба – вечно благоухающий мускус».

– Хвала тебе, о достойный мудрец и опытный муж! – воскликнул шах Чина. – Много послов приезжало, чтобы посватать мою дочь и заключить брачный договор. Но каждый посол, едва я предлагал ему взглянуть на невесту, тут же спешил посмотреть на обитательниц гарема, желая видеть моих жен и дочерей. Я же не мог снести бремя такой дерзости и приказывал тут же, по пути в гарем, отрубить ему голову. По поведению и поступкам посла я судил, что его властелину неизвестны законы родства, поскольку посол не знает законов почитания.

Учтивым будь, придя послом по делу:
О людях судит мир по их послам.

– Глупость слуги свидетельствует о глупости его господина. Когда же я убедился в твоем превосходном уме и больших познаниях, то заключил, что звезда получает свет от солнца, что жемчужина в раковине образуется от тучи, что каменья жизненного опыта в твоих

россыпях произошли благодаря свету, отраженному от солнца совершенств падишаха. Отныне моя дочь – служанка падишаха, а все свое состояние и богатства я также дарю ему.

Созвали духовных наставников, судей и вельмож и заключили брачный союз на основе шариата и установленных обычаев. Когда два царя породнились и две страны объединились в дружбе, то сама история, казалось, устроила пиршество, само веселие начертало заглавный лист счастья.

Соединение двух светил счастливых
Приносит счастье людям и делам.

Когда закончили хлопоты по брачному договору и исполнили все обязательства по нему, снарядили паланкин и корабль и весь двор вышел провожать дочь падишаха, Абу-Таммам же отправил гонцов к своему падишаху с доброй вестью.

Шах Аррана, получив приятное известие, выехал встречать царевну на несколько переходов. Когда он узрел красоту девы, этой павы, которая грациозно выступала в саду свидания, в цветнике кокетства, он приказал открыть двери сокровищниц и развязать кошели.

Снимем с сокровищ печати.
Вытряхнем все кошели.
Все продадим ради девы
С ясным, как солнце, лицом.

Падишах щедро одарил воинов, вино лилось рекой, музыка звенела на царских пиршествах. А к Абу-Таммаму падишах привязался еще больше, он учился у него знаниям и тонким мыслям. И тогда везиры сказали друг другу:

– Надо во что бы то ни стало избавиться от этого выскочки, ибо падишах позабыл дорогу в цветник наших советов, предал забвению радости в саду наших наставлений. Раньше он срывал плоды с наших деревьев, зажигал светильник от нашей свечи. А теперь он сторонится нас, и это может привести к потере нами положения и состояния; он

избегает нас, и это может повлечь умаление нашей славы и получаемых даров.

Приязнь от них ушла, зато настигла зависть –
Так превратились в недругов друзья.

Наконец везиры решили прибегнуть к услуге двух мальчиков, которые прислуживали шаху в его покоях. Это были Умные и красивые отроки, они каждую ночь массировали шаху ноги. И вот везиры сказали:

– Исцеление нашего трудноизлечимого недуга – в руках этих мальчиков. Мы заплатим им большие деньги, чтобы они, когда будут растирать ноги падишаху, говорили друг другу Шепотом, но так, чтобы слышал падишах: «Абу-Таммам отплатил властелину черной неблагодарностью, сплутовал в игре! Он дерзнул забыть милости правителя, посмел опозорить шахский гарем, пренебрегая осторожностью и отринув благородство».

И вот мальчики, растирая ноги падишаха, стали болтать друг с другом.

– Если бы мы не страшились падишаха, – говорили они, – то отрубили бы голову этому подлецу Абу-Таммаму! Он пренебрег чувством благодарности к покровителю и обесчестил его гарем. Он говорит, будто жена падишаха влюблена в него самого, иначе она не покинула бы родную страну.

Шах, слыша подобные речи, вскипел от негодования гнева, сердце его забилось, в душе загорелось бесовское сомнение, искры гнева спалили гумно терпения и разума. И он сказал себе: «Если бы я услышал эти слова от взрослых то подумал бы, что говорят из зависти и корысти. Но за что этим детям ненавидеть Абу-Таммама? Они просто болтают повторяют то, что слышали».

Едва повеял утренний ветерок и на востоке забрезжил рассвет, Абу-Таммам уже готов был служить шаху. Шах сказал ему:

– У меня есть трудное дело. Разреши его.

– Приказывай, – отвечал Абу-Таммам. – Если твой нижайший раб сможет найти правильное решение, он ответит.

– Если правитель увидит, – начал падишах, – что подданный предал его, или же убедится в его преступных деяниях, о которых даже говорить стыд и срам, то чего заслуживает такой раб?

– Его надлежит убить, – отвечал Абу-Таммам, – следует пролить его кровь.

Шах тотчас выхватил кинжал и перерезал Абу-Таммаму горло. Впредь он прекратил видеться с дочерью шаха Чина, которая была первой красавицей мира и чудом времени, перестал разделять с ней брачное ложе.

Друг на меня не глядит,
Слова не хочет сказать…
Чем я обидел его,
Чем его так прогневил?

О спящий, радуйся в начале ночи –
К утру несчастья постучатся в дверь.

Падишах уходил с такими мыслями из гарема, бродил, терзаясь, по дворцу и однажды подошел к двери комнаты тех мальчиков. Вдруг он слышит, что дети яростно о чем-то спорят и пререкаются. Чистый источник их братства замутила вражда, основы отроческой дружбы были попраны в перебранке. Один говорил:

– Ведь это я сказал те слова! Значит, большая половина – моя!

Другой возражал:

– Сколько ты будешь хвастать ложью? Сколько будешь гордиться коварством? Если ты не хочешь подражать Мадиру; то замолчи, если не собираешься применить топор, то отдай мою долю.

Шах, услышав эти слова, укусил палец от удивления и стал рвать рукой ворот раскаяния. – Увы, хвала вечной скорби и постоянному горю! – воскликнул он. – Абу-Таммам погиб из-за клеветников. Уж лучше бы поспешность не срамила меня! Мне надо было докопаться до корня навета и разобраться в игре!

Потом он позвал мальчиков и вопросил:

– Говорите правду, не увиливайте! Кто из везиров обучил вас клевете и коварству? Расскажите мне, какой Иблис сшил для вас одеяния обмана?

– Нас купили за золото, – стали оправдываться те. – Лестью и обманом нас посадили в мешок клеветы.

Падишах тотчас позвал везиров и обратился с такой речью:

– Жителям мира ясно и для потомков Адама очевидно, что невинно пролитая кровь не остается неотомщенной. Сказал пророк – да будет мир ему!– «Кровь не спит». О зловещие птицы! О гнусные твари! Вы жили в гнездах обмана и утоляли жажду из источника лжи! Тот, кто поддается злобе и зависти, ничтожнее поганой тряпки. Сегодня пришел черед возмездия за коварство, час воздаяния за обман. Как сказал всевышний: «Но злое коварство постигает только обладателей его». И сказал пророк – да будет мир ему!– «Тот, кто роет яму для брата своего, сам в нее угодит, поверженный». Как видите, шариат велит наказать вас.

И тут Бахтияр воскликнул жалобным голосом:

– О шах! Как говорится в этом рассказе, обиженных надо прощать, наветы клеветников не следует выслушивать, с исполнением приговора не надо спешить.

Когда Бахтияр произнес эти слова, солнце спрятало свой лик в покрывале мрака и шах приказал отвести узника в темницу и заковать в цепи.

Не горюй, когда к тебе беда приходит:
Ведь придет и счастье в свой черед!

Когда кровь шестого дня упала на игральную доску времени и диск солнца показался на куполе небес, шестой везир пришел к падишаху и сказал:

– Да будет вечен падишах! Шесть сторон мира держатся на справедливости. Высокий небосвод и семь сияющих светил [23] держатся благодаря правосудию. Справедливость падишаха – это душа в теле государства. И как плоть не может жить без Души, так и царство не может существовать без справедливости. Один из признаков

справедливости – это наказание преступников и поддержка праведников.

Шах приказал привести Бахтияра и молвил:

– Преступников надо воспитывать виселицей и веревкой. Бахтияр раскрыл уста и заговорил:

– Коварные клеветники тебя торопят, но ты не спеши. Пусть завистники показывают тебе мираж, ты же не выпускай из рук напитка кротости. Всевышний сказал: «А у тех, которые не уверовали, поступки – как мираж в пустыне. Жаждущий считает его водой». Предписания Корана и достохвального Фуркана удерживали господина пророков [24], светоча пречистых мужей от поспешности словами: «Не торопись с Кораном до того, как он будет ниспослан тебе». Коран неоднократно предупреждает, что поспешность недопустима. Разве возможно по навету спешить с казнью разумного существа? Тот, кто торопится в делах, нарушает устои разума и в конечном итоге пожинает раскаяние и муки, как случилось с сыном шаха Халеба

– Ну-ка расскажи, – велел падишах, – что случилось с сыном шаха Халеба, каким напитком напоила его коварная судьба.

Глава шестая

История сына халебского шаха о муках, которые постигли его, о бедах, которые он испытал из-за поспешности

– Да будет жизнь падишаха под сенью божественной опеки, – начал Бахтияр, – да будут долговечны устои шахских владений! Жил в Халебе падишах, облаченный в одежды разума и учености. Его ум соединял в себе первоосновы справедливости, рассудок нанизывал жемчужины правосудия. Окрестности Халеба процветали благодаря его образованности, области Ирака благоденствовали благодаря его добродетелям. Был у падишаха сын, легкомысленный и суетливый. Что ему в голову не придет, какая прихоть ни втемяшится, он тут же бросается исполнять ее. А уж если ему при этом померещится какая-нибудь задержка, то он готов разрушить основы государства и перевернуть законы страны. А господь всевышний и всеславный по своему божественному милосердию и великодушию украсил одеяния его природы наилучшим убранством, наделил его естество гармоничными и безупречными формами. Весна его красоты благоухала базиликами совершенства, мир его счастья был озарен лучами величия. Шахзаде весьма гордился своей прекрасной внешностью. Он говорил себе: «Я – второй Юсуф по красоте, нарцисс и роз завидуют моему изяществу».

И вот однажды царевич накупил у египетского купца за большие деньги много диковинок. Купец этот повидал разные страны, объехал мир от крайнего запада до востока, и шахзаде часто расспрашивал его о царях земли и обычаях стран вселенной.

И вот наконец в один прекрасный день он сказал купцу:

– Мне нужна невеста, равной которой нет на свете по красоте и совершенству.

– Слышал я, – отвечал купец, – что у правителя Египта есть дочь несравненной красы и необыкновенного характера. Сад ее красоты – предмет зависти гурий, цветник ее кокетства – приют Азры.

Шахзаде, услышав такие речи, тут же прибежал к отцу и сказал:

– Человеку не избежать влюбленности и любовной тоски. Женитьба одобряется праведниками и укрепляет основы религии. Сказал пророк – да будет мир ему!– «Женитесь, ибо воистину тот, кто женился, укрепил половину своей веры». Истинная подруга дает человеку покой и силу. Посватай за меня дочь падишаха Мисра и не жалей ради этого дела денег и богатств.

– Сын мой, – отвечал отец, – ты прекрасно знаешь, что до сих пор я отвечал согласием на все твои пожелания, удовлетворял все твои прихоти и старался доставить тебе радость. Но ведь отец девушки – падишах Египта, а я – всего лишь Халеба. Я владею одним Халебом, а он – страной арабов. Как бы он не отказал, считая нас недостойными. Отказ же повлечет за собой вражду между нашими домами, и между двумя странами поселится неприязнь. Не всех желаний можно достичь богатством.

Если ищешь посланца по важному делу,
Если сердцем твоим завладела любовь,
Отыщи мудреца и открой ему тайну.
Знай, мудрец тот – со златом ларец.

Шах Халеба отправил падишаху Египта почтительное письмо. Он писал: «Я раб и исполнитель твоей воли, я твой верноподданный слуга, посылаю тебе подать со своей страны и изъявляю согласие чеканить монету с твоим именем и читать на твое имя хутбу. А если у падишаха случится какая-нибудь беда, то я с доблестными мужами и храбрыми воинами готов отразить опасность. Просить о помощи в делах, ссылаясь на великодушие, – в обычаях царей.

Укрой меня полой надежды,
И благодарностью твой путь я устелю.

У меня есть сын – твой покорный раб. Он зажег светильник разума, изучил науки и воспринял благородные правила жизни. И хотя солнце и звезду, землю и небо невозможно сочетать баком, тем не менее ради обретения вечной чести и приобщения к счастью

властелина родилась у твоего нижайшего раба надежда соединить брачными узами твою благородную дочь с моим сыном. Рожденный твоим рабом, сын удостоится близости к твоему счастью, если мои просьбы будут исполнены, то это будет для меня, смиренного, блаженством в том и этом мире, мне достанутся уделы на земле и на небе и тогда цель моих стремлений в мире будет достигнута».

Когда посол с письмом и дарами прибыл в Миср, египетский падишах убедился в безграничном смирении и скромности халебского правителя и сказал себе: «Для меня не будет унизительным породниться с таким царевичем, надо будет только устроить испытание богатством. Если у него на уме искренняя дружба, если в тайниках души его – любезность и приязнь то ведь делать подарки – удобный случай, а достижение целей – счастье».

Он позвал посла и сказал:

– Мне не жалко отдавать дочь, но мать ее требует в виде калыма за невесту двести тысяч динаров.

Когда посол вернулся и передал ответ, шах Халеба приказал собрать все золото казны, драгоценные каменья и жемчуга. Набралось сто шестьдесят тысяч динаров. Все эти богатства шах тотчас со стыдом и извинениями отослал в Миср с обещанием выслать остаток вместе с другими дарами через месяц. Но сын шаха, услышав об отсрочке, сказал отцу:

– Ты же знаешь, что я не смогу терпеть целый месяц, сносить горечь разлуки. Сегодня же возложи на подданных новую подать и вручи сборщикам списки перед троном падишаха Мисра, когда прибыли гонцы с письмом от шаха Халеба. Там было написано: «Вот уже много времени прошло с тех пор, как сын покинул меня и для меня закатилось солнце свидания с ним, быть может, он собрал недостающие сорок тысяч динаров и прибыл в твою страну, чтобы служить тебе. Если он озарен благословенными лучами близости к тебе и осчастливлен милостью твоего взгляда, то соблаговоли известить меня, чтобы сердце твоего нижайшего раба успокоилось».

Пока шаху Мисра читали это письмо, Гураб стоял перед троном и все слышал. Он догадался, что закованный в кандалы пленник и есть шахзаде Халеба. Вернувшись домой, Гураб спросил шахзаде:

– Ради чего ты стал грабить караваны? Что заставило тебя браться за такие рискованные дела? Ведь благородные мужи считают разбой

низменным занятием, да и последствия его пагубны.

– Безумие и бесовский искус побудили меня заняться этим,– отвечал шахзаде. – Ведь пророк сказал: «Молодость– разновидность безумия». Тебе ничего не стоит забыть и скрыть мое преступление, получить за меня выкуп, какой пожелаешь, и обрадовать мой слух вестью об освобождении. Всевышний сказал: «А тому, кому будет прощено его братом что-либо, то – следование по обычаю и возмещение ему во благе»«И еще сказал всевышний: «А кто простит и уладит – воздаяние ему у Аллаха».

Коль думал ты когда-нибудь о том, чтоб мне помочь,
То нынче, благородный муж, настал мой горький час.
Я трепещу в когтях судьбы, боюсь ее зубов.
Будь мне защитником и знай, что жизнь мою ты спас.

– Ты напал на меня,– отвечал Гураб,– из-за сорока тысяч динаров. Что ж, мужи не выходят на поле брани из любви и дружбы.

– На стезе справедливости и правосудия не подобает ради собственных радостей и услад применять насилие и жестокость по отношению к подданным и слабым, – отвечал ему отец. – Непохвально ради одной твоей прихоти лишать счастья тысяч сердец, ради удовлетворения твоего каприза подвергать поборам тысячи невинных людей.

– Я обладаю храбростью мужей и силой, чтобы забрать людей имущество, – отвечал сын. – Покуда я сижу на коне, у меня не будет недостатка в деньгах и почете.

Ночь и дружина, зверь и пустыня знают меня,
Мне же знакомы удары мечу, посвист стрел.

С этими словами он покинул отца. И вот он встретился с караваном, направлявшимся из Адена в Миср. Шахзаде, видя, что в караване много золота и несметное количество добра, стал осыпать купцов стрелами и ранить их груди копьем. Каждым наскоком он валил мужей наземь. Случайно в том караване оказался один муж из Магриба по имени Гураб [25] Ятрибский, а это был отчаянный храбрец

и прославленный боец. Гураб испустил боевой клич, поскакал на шахзаде и сбил его с коня. Как сказал всевышний: «Ведь выше всякого обладателя знаний есть зияющий». Как говорят: «Железо побеждается железом»– и Гураб тотчас связал шахзаде по рукам и повез в Миср, наложив на шею его жизни путы унижения. Цепи возмездия не давали царевичу ни подняться, ни сесть.

Отдохнув с дороги и смыв дорожные тяготы с бренной плоти, Гураб направился к правителю Мисра, чтобы высказать ему свое почтение и этим еще более возвысить свой сан, а он был доблестный и благородный муж. Падишах стал расспрашивать Гураба о делах и спросил, чего бы тот желал. Гураб все еще стоял. Прости меня, ведь я раньше не знал, кто ты. А теперь считай, что мы с тобой друзья. Если в тот памятный день на поле битвы, на ристалище славы я не сражался бы со всей своей воинской Доблестью, то сегодня спал бы во прахе небытия, прикрыв лицо саваном скорби. Ради твоего благородного происхождения и Достоинств мне надлежит уважить твой высокий сан. Благо-Родные мужи обязаны помогать друг другу, поэтому я считаю своим долгом уплатить недостающую сумму, чтобы ты достиг своей цели. Я дам столько денег, сколько нужно, чтобы внести калым за невесту, освободиться из темницы горя и избавиться от ударов коварного небосвода.

Налет горести, который осел на сердце шахзаде, Гураб счистил извинениями и обрадовал его вежливым обращением и сочувствием. Он поднес царевичу полное вооружение, коня со сбруей, гуляма и отправился вместе с ним к падишаху.

Падишах, увидев, что будущий зять красив собою, строен и хорошо сложен, проявил радость и ликование, оказал гостю знаки внимания и уважения. Он счел приход юноши счастливым предзнаменованием, воспринял союз с ним как доброе знамение.

Словно месяц, царевич, гордость рода людского,
Молодой красотой озарил небосвод,
И сказал я: «Величьем заслонит он любого,
Когда полной луною на небе взойдет».

Мужам державы было сказано:

– Сегодня благословенный день – великое счастье сегодня сочеталось с благоденствием.

Сегодня – день отрады и покоя,
Судьба забыла свой капризный нрав.
Разбило счастье свой шатер средь поля, –
Давай и мы устроим пир средь трав!

Падишах велел устроить великое пиршество, собрать на него яства со всего мира, чтобы слава о нем распространилась среди людей и духов. На том пиру ходили по кругу драгоценные чаши, разостлали разноцветные ковры. Благоухание базиликов и вина услаждало тело и душу пирующих, локоны утреннего похмелья окаймляли вино в хрустальных кувшинах и кубках. Напитки лились в изобилии, так что их дивный аромат пьянил само небо. Музыка звучала все громче, а пленительные голоса певцов могли бы посрамить Зохру. На щеках дев от вина проступила испарина и заалел румянец, словно роса пала на тюльпаны, а локоны хмельных гулямов переплелись, словно мускус и яхонт. Сердца от любви стали легкими, а головы от паров вина – тяжелыми. Радость, пустив по кругу чаши и кубки, избавила души от когтей скорби. Аромат амбры и алоэ в курильницах туманил взоры. Юноши получали у виночерпия желаемое, иные восклицали:

О полная луна, налей вина мне в чашу!
Янтарным, терпким напои вином,
Прохладным и густым, и розово-прозрачным,
Как редкостный и ценный сердолик.

Спустя три дня падишах прислал царевичу роскошный халат, одарил его драгоценными каменьями, жемчугами, диковинками всех стран, так что сами рудники и моря поражались бы, а яркие светила на небесах удивлялись, откуда появилось столько невиданных богатств, так много чудесных сокровищ. Потом мудрецам приказали выбрать наиболее благоприятное сочетание звезд для свадьбы и заключения брака.

Вот невеста, избранница счастья,
К ней стремятся желанья судьбы.
В свите звезд к ней склоняется месяц,
Солнце к ней обращает мольбы.
Сочетаются месяц с луною –
И счастливыми станут рабы.

На другой день в шахских покоях опять устроили пир с вином, чтобы провести часок в отдохновении и скоротать время в благоденствии. В разгар пира шахзаде встал, чтобы немного передохнуть от непрерывного употребления вина, чтобы остудить на миг жар хмеля дуновением розовой воды и сладостью шербета. Гулямы тут же постелили ему ложе и принесли из погреба прохладительных напитков и освежающих яств, благовоний, устраняющих запах вина, и бальзамов, успокаивающих дух. Шахзаде отослал гулямов и стал один прогуливаться по саду, удовольствия ради срывая цветы. Вдруг он увидел беседку и суфу, закрытые занавесом. Он подошел ближе, желая узнать что там, и услышал голоса дев, которые веселились по случаю свадьбы, и голоса певцов и музыкантов. Шахзаде обнаружил цель, приник к ней глазами и увидел египетские шелка и царевну Мисра. Его невеста сидела в роскошных нарядах, каменьях, украшениях среди жен египетских вельмож, а шахзаде все смотрел в щелочку. Вдруг дочь падишаха увидела отверстие в занавеске и вскрикнула.

– Посторонний мужчина разглядывает нас! Или же это соглядатай пришел подсматривать за невестой!

Она приказала слугам накалить железную рогатину и вонзить в глаза дерзкому. Раздался тяжкий вздох, и шахзаде упал. Услышав голос, слуги тут же подбежали и увидели несчастного царевича, нарциссы глаз которого лишились зрительной силы. Над падишахскими покоями поднялся жалобный крик. Радость обернулась горем, веселие сменилось печалью, пир окрасился трауром, счастье перемешалось со скорбью.

Будь проклят этот мир с утехами своими!
Воистину он создан для скорбей.

Никто в нем не убережется горя:.
Ни царь, ни раб, последний из людей.
Влюбленным лишь страданья посылают
Коварная судьба и рок-злодей.

Поразительный мир поразил его жалом напастей.
Навсегда его зренья лишил.

Спустя некоторое время шахзаде сел с новобрачной в паланкин и возвратился к отцу, рыдая, словно соловей на лужайке. Зрительная сила, сосредоточенная в саду ока, рассталась с ним, астролябия зрения, благодаря которой взор поднимался ввысь, покинула его, на его глазах опустилась тьма, его светлые очи ослепли из-за глупой поспешности. А глаза отца, горюя над потерянными глазами сына, стали проливать потоки слез, сердце же его от скорби обуглилось. И он сказал сыну:

– Свет души моей, все, что случается с человеком помимо веления небес, проистекает от людской поспешности. Если бы ты набрался терпения, остался в пределах своей страны, в столице нашей державы, я сам привез бы к тебе твою жену и мне не пришлось бы видеть тебя в таком состоянии.

– О шах!– заключил Бахтияр. – Не спеши с моей казнью, ибо поспешность приводит к раскаянию, а терпение к величию.

Когда Бахтияр завершил свой рассказ, закончил повествование, шах приказал:

– Отведите его в подземелье и отложите на сегодняшний день казнь.

А Бахтияр только дивился, за что судьба послала ему темницу, почему постигло его это несчастье.

Темница – прекрасное место для благородного мужа,
Крепчает он духом там, словно в подвалах вина,
Он там закаляется в горе, его навещают друзья –
Конечно, когда не злодейство в темницу его привело.

Когда настал седьмой день заточения Бахтияра, то несправедливость везиров поднялась до седьмого неба. Седьмой везир пришел к падишаху и сказал:

– Да будет шах вечен! Этот юнец каждую ночь свои изворотливым умом сочиняет разные удивительные небылицы а наутро спасается от возмездия благодаря этим сказкам побасенкам, поскольку наш падишах наделен благородный нравом и милостивым сердцем. Когда он слышит красноречиво и увлекательное повествование, то велит отложить казнь. Н на сей раз уже нельзя более откладывать, пусть даже тот наглец превратится в золотоголосого соловья или в сладкоязычного витию. Вели казнить его поскорее! Если ты станешь выслушивать его выдумки и рассказы, доверишься его плетению словес, то он опять избегнет погибели и останется в живых

Падишах велел привести Бахтияра из темницы. Едва тот начал говорить, как его перебили криком, но юноша все-таки продолжал:

– Да будет вечен падишах! Величие человека – в способности речи. Ведь сказал всевышний и всеславный господь: «Милосердный научил Корану, сотворил человека, научил его изъясняться. Умение выслушивать слово свидетельствует о совершенстве ума и добродетели». Сказал пророк – да будет мир ему!– «Слушание слов скорбящего – это милосердие».

Затем Бахтияр продолжал:

– Да будет вечен шах! Сегодня не тот день, когда подписывают приговор – да и опоздать с этим делом трудно. Отложи на сегодня казнь, чтобы с тобой не случилось того, что произошло с шахом Бехкардом и шахом Хомаем.

– Расскажи-ка об этом, – приказал падишах.

Глава седьмая

Рассказ о шахе Бехкарде и злоключениях, которые выпали ему на долю из-за превратностей судьбы; о тяготах, которые обрушило на него течение времен

Бахтияр раскрыл уста и сказал:

– Да будет долговечной жизнь падишаха всей земли! Давным-давно жил в этой обители тлена один жестокий падишах, неправедный царь. Он разорял страну насилием, своим бессердечием сжигал души подданных. Звали его Бехкард. Под сенью лазоревого купола небес не был о человека несправедливее Бехкарда. Он накопил несметные сокровища, великие богатства, отбирая крохи сирот и казну богачей. А одного шахзаде, отпрыска царского рода, шахского древа, происходившего из султанов и эмиров, он держал при себе в качестве гуляма. Его злокозненная натура пренебрегала принятыми обычаями, а властный нрав попирал сан самых ученых мужей. И не ведал он, что: «Начало насилия – честь, конец его – гибель», не знал, что: «Справедливость – весы Аллаха для взвешивания деяний людей, и она – лучший припас на пути в иной мир».

И вот в один прекрасный день Бехкард выехал на охоту с гепардами, соколами и кречетами в сопровождении толпы гулямов. Они скакали по степи, игравшей разными красками, словно фазан, стреляли в пустыне куропаток, перепелок, зайцев, газелей. И вот некто Тизхуш пустил стрелу в дичь, но она миновала добычу и срезала ухо падишаху! Провинившегося тут же схватили и связали., Шах приказал:

Отрубите ему голову, чтобы это послужило примером и назиданием для прочих.

Тизхуш заплакал, стал кататься перед шахом по земле, припал в унижении лицом к его стопам и посыпал голову прахом раскаяния.

– Падишах знает, – сказал он, что я совершил это не по своей воле, что это была рука судьбы. Не пятнай из-за моей ничтожной вины свою всеобъемлющую милость, ведь она – опора всех людей. Ведь

милость падишаха только тогда и проявляется, если кто-либо совершает проступок. Я, твой раб, совершил невиданное преступление, а ты, властелин, яви неслыханное прощение.

Коль по невежеству я совершил проступок,
Прости меня но милости своей.

Падишаху стало жаль Тизхуша, и он начертал на свитке его вины слово прощения и прикрыл его проступок полой милосердия и потворства.

А у Тизхуша был отец, царь по имени Хомай. Когда сын исчез из страны, он разослал по всему свету людей на его поиски, посадил соглядатаев на всех площадях и в пустынях. Кто бы ни просил у шаха приема, он думал, что это гонец с доброй вестью; кто бы ни приближался к нему торопливо, ему казалось, что это вестник от его дорогого сына. Стоило ему услышать чей-либо плач, как он делился с горестным сердцем сокровенными думами; стоило ему смежить веки, как слезы скорби сверлили сон алмазами воспоминаний.

И вот однажды лазутчик царя Хомая прибыл в столицу Бехкарда и случайно увидел Тизхуша в рядах царских гулямов. Он стоял, сложив руки в знак покорности. Лазутчик улучил момент, передал Тизхушу привет от отца и матери и сказал:

– Уже долгие годы я ищу тебя по всем странам света наконец нашел! Мукам твоих родителей надо найти исцеление, этой беде пора положить предел. Если тебя отпустят за выкуп, я готов уплатить любую цену. Если же согласятся отпустить даром, то возблагодарю господа.

Тизхуш ответил:

– Нападки судьбы можно отвратить ласковым обхождением, а муки и страдания исцеляют предупредительностью. Потерпите, пока я сам в надлежащее время освобожу себя от пут унижения, избавлюсь от этой беды своим умом, ибо одной отвагой и поспешностью не достигнешь цели. Ускоряя события, муж не достигает желаемого.

И вот однажды ночью Тизхуш напоил сердце шербетом намерения и оседлал коня желания седлом бегства от невыносимого. Приняв решение, он положился во всем на творца. Как сказал всевышний: «А

кто уповает на Аллаха, то Он достаточен для него». И наконец божественное милосердие вернуло его на родину, в отчий дом, и он осветил радостью глаза отца и матери.

На другой день доложили Бехкарду об исчезновении гуляма и он велел разослать по всем краям верховых, но Тизхуша нигде не обнаружили.

Прошло некоторое время, и как-то раз Бехкард поехал на охоту. Вдруг впереди показалась газель, и Бехкард припустил коня. Газель словно летела, а за ней скакал Бехкард. Наконец газель достигла берега моря и бросилась прямо в воду, вслед за ней прыгнул и Бехкард. Конь шаха пытался выплыть из морской пучины и спастись, но он не смог справиться с бурными волнами, не устоял перед страхом и погиб. Ветер понес конский труп по волнам, а Бехкард ухватился за его ногу, и шаха стало бросать из стороны в сторону. Наконец подул сильный попутный ветер. Бехкард отпустил мертвого коня, и его выбросило на берег. Он осмотрелся и увидел вдали какой-то город, блиставший светом. «Слава Аллаху, – сказал он, – я близко от города и вижу жилье».

Бехкард пустился в путь и скоро прибыл к городским воротам. Было время вечерней молитвы, день был на исходе, солнце уже угодило в клюв ворона заката, и черная ночь сняла покров с лика светил и луны. Бехкард вошел в город, не зная ни пути, ни дома.

Где в эту ночь мне преклонить главу?
Как завтра разрешить мне затрудненья?

Он увидел на базаре незапертую лавку, направился прямо к ней и заснул там. А в доме над этой лавкой жил очень состоятельный и богатый купец. В ту ночь к нему проникли воры, купца убили, а все его деньги и богатства унесли. Кровь купца просочилась сквозь щели пола вниз и запятнала кафтан Бехкарда.

Каждый миг посылает новое горе,
Ночью беды в ночную атаку идут.

Когда настало утро, слух об ограблении распространился по всему городу и повсюду стали хватать людей воровского ремесла. Тут как раз и увидели Бехкарда в окровавленной одежде. Его тотчас схватили и доложили правителю:

– Мы нашли вора-убийцу!

Бехкарда привели в унижении и презрении к царю Хомаю. Тот приказал заковать его и отправить в темницу.

Горе тому, кто скорби в силок угодил, –
Видно, такой уж была воля небес.

Бехкарда заточили в темницу, а по соседству с ней находился мейдан, на котором царь обычно скакал на коне и играл в чоуган.

И вот однажды царь Хомай прибыл на мейдан в сопровождении Тизхуша. По воле судьбы в этот момент откуда-то прилетел вяхирь, сел на стену темницы и стал напевать пленительные мелодии. Бехкард со зла бросил в вяхиря черепком, но промахнулся и срезал одно ухо Тизхушу! Гулямы побежали, стали выяснять, как это могло случиться. Заключенные показали на Бехкарда, осыпая его проклятиями:

– Горе тебе! Ты приносишь только зло и несчастье!

Бехкарда схватили и повели пред очи царя Хомая. Позвали палача, Бехкарду завязали глаза. Тут царь Хомай посмотрел и видит, что одного уха у пленника не хватает. Он сказал гулямам:

– Много, наверное, он совершил преступлений, раз ему отрезали ухо!

Бехкард ответил на это:

– Настал мой смертный час, пора проститься с жизнью. Да будет тебе известно, что я был шахом и служили мне, как покорные слуги, прославленные вельможи. Верно, и страдаю я из-за проклятий обиженных мною. Счастье и судьба, царство и трон покинули меня. Звезды моих надежд погасли, корабль моего спасения канул на дне морском.

– А за что тебе отрезали ухо? – спросил Хомай.

– Однажды я поехал на охоту, – отвечал Бехкард, – со слугой по имени Тизхуш. Он утверждал, будто он шахзаде, покинувший родную страну, говорил, что не теряет надежды вернуться на родину. И вот

этот Тизхуш пустил стрелу в дичь, но стрела отклонилась от цели и срезала мне ухо. Я простил ему сей грех, хоть это был тяжкий проступок, обошелся с ним милосердно, поскольку убедился, что ручей прощения – упоительное вино, в особенности по отношению к согрешившему, который от страха пребывает на краю смерти, дни которого готовы обернуться ночью. Я примирился с тем, что у меня стало одним ухом меньше, и не подверг слугу наказанию. Теперь ты слышал мою историю. Если ты накажешь меня – свершится твоя воля, если же помилуешь – да будет тебе хвала.

Пили радость мы, словно напиток из меда,
И была она с нами щедра.
Но однажды поставила радость поклажу
И без слова прощанья ушла.

Царь Хомай, выслушав эти слова, тут же отослал его к Тизхушу. А шахзаде, увидев Бехкарда, поцеловал прах перед ним и воскликнул:

– О великий падишах! О прославленный царь! Что за перемена? Что приключилось с тобой? Что сотворил с тобой этот небосвод-фокусник?

– Увы! – отвечал Бехкард. – Смотри на то, что есть, и не спрашивай о том, чего нет.

Из насилий небосвода и диковинок природы
Столько я видал, что не описать.
Роза тип несет с собою, униженье шлет богатство
И отраву предлагает власть.

Бехкарда спросили:

– Как был убит этот купец и зачем ты оказался в той лавке?

Бехкард едва успел рассказать обо всем, как прибыли царские чиновники и объявили:

– Мы схватили воров, отобрали у них украденное и отправили злодеев в темницу.

Царь Хомай велел поселить Бехкарда в высоком дворце с прекрасным садом. К нему приставили услужливых рабов и

обходительных сотрапезников, послали ему одеяния из атласа и шелка и невольниц, подобных Зохре.

И вот однажды Бехкард, царь Хомай и Тизхуш сидели за пиршественным столом. Кубки с вином пошли по кругу, а чаши радости следовали одна за другой. Тут у Бехкарда на глаза навернулись слезы, и Хомай сказал:

– Сейчас пиршество, а не время скорби. Из-за чего у тебя набежали слезы на глаза? Быть может, ты тоскуешь по родине и любовь к родным краям беспокоит твое сердце?

– Нет, не потому, – отвечал Бехкард. – Я просто дивлюсь могуществу творца и силе создателя, который воздает за всякое деяние и платит за каждый поступок. Тизхуш срезал мне ухо по ошибке, я по оплошности срезал ухо ему. Я простил ему его проступок, а вы сжалились надо мной, дабы люди знали, что не пропадут плоды древа, которое посадишь на лужайке времени, что любые семена добра или зла на пашне судьбы не погибнут втуне.

Добро переживет неспешный ход времен.
А зло останется гнуснейшим припасом.

И Бахтияр закончил такими словами:

– Если бы царь Хомай наказал Бехкарда, когда тот впал в унижение, то произошло бы насилие. Царь держал его в темнице, чтобы истина отделилась от лжи, чтобы обнаружился преступник, а невиновный был оправдан. Сказал всевышний: «Чтобы погиб тот, кто погиб, при ясности, и чтобы жил тот, кто жил, при ясности». Ни один человек не сделает и шага в добре или в зле, поступая хорошо или дурно, без того, чтобы не получить воздаяния, которого он заслуживает. Поскольку Бехкард простил проступок Тизхуша, то и сам он получил помилование. Если падишах помедлит с моим наказанием, то я уверен, что с помощью божьей милости будет доказана моя невиновность.

Когда караван речей достиг этих мест, когда нить рассказа доведена была до этой границы, шах приказал отвести Бахтияра в темницу и ввергнуть в обитель скорбящих. Те, кто присутствовал на приеме, услышав рассказ Бахтияра, похвалили его и воздали должное.

У каждого, чьи муки возрастают,
Растет в душе терпения запас.
Так мускус от усиленного тренья
Усиливает аромат свой в сотню раз.

На восьмой день, когда украшающие мир лучи солнца облачили вселенную в светлые одеяния, когда светило сверкающей рукой коснулось вершин гор и песчаных холмов, одев их янтарными волосами, восьмой везир, который был советником в правосудии и любимцем разума, подошел к трону и сказал:

– Да будет вечен падишах всего мира! Ты каждый день слушаешь с уважением лишенные оснований слова этого юнца и откладываешь его казнь. Но ведь это вредит устоям государства и может пробудить в подданных дерзость!

Шах тут же приказал:

– Велите палачу воздвигнуть виселицу или же приготовить все необходимое, чтобы побить его кольями. Но тут Бахтияр воскликнул:

– Да будет вечен падишах! При ложном обвинении не грех проявить медлительность. К тому же не подобает наказывать невиновных по навету завистников.

– Обитательницы гарема утверждают, – возразил падишах, – что с крыши сбрасывали камни, что в делах страны мошенничали, словно во время игры в нарды.

– О падишах! – восклицал Бахтияр. – Женщинам присущи хитрость, ущербные разумом [26] коварны. Нельзя проливать кровь обиженных, полагаясь только на слова женщин. Не следует из-за их лживых слов вздымать пыль насилия. И если падишах дозволит, то я расскажу по этому поводу историю.

– Рассказывай! – приказал падишах.

Глава восьмая

О коварстве жен и различных их хитростях. В этом повествовании содержится совет оберегать гарем, а также указание на необходимость соблюдать обычаи благородства

– Да будет вечен благородный падишах и великодушный шаханшах, – начал Бахтияр. – Пусть счастье сопутствует ему, пусть совершенства не покидают его. В давние времена жил на свете падишах, Прославившийся силой разума и совершеннейшей справедливостью. Он стремился к добродетели, его благожелатели пребывали в садах победы, а враги его державы влачили жалкое существование. Вот уже много лет со своим войском отражал недругов в Иране и Туране, так что государство стало процветать, а все области его – благоденствовать. Одолев врагов, падишах забыл о заботах, дела его пошли в лад с желаниями он стал дни и ночи проводить в пирах, не беспокоясь о своих приближенных и подданных.

Видя, что падишах пренебрегает их нуждами, перестав получать подарки и жалованье, те из придворных и слуг, у кого был небольшой достаток, с грехом пополам сводили концы с концами, те, у кого было богатство, терпеливо ждали. Однако все жаловались и говорили:

– Пусть бы у нашего царя появился враг! Тогда застой сменился бы деятельностью, и падишах вспомнил бы о нас. А то он совсем позабыл нас за пирами. Его занятие – лишь опорожнять чаши с багряным вином, он только и знает слушать мелодии рубаба и органона.

Они пришли к везиру и заявили:

– Разум везира обязан оберегать интересы слуг державы, ибо везир – основа упорядочения дел в мире. Наш падишах не обращает на нас никакого внимания! Как бы приближенные не исчезли вовсе, как бы эта рать не рассеялась…

– Потерпите, – отвечал везир, – я поразмыслю по этому поводу. Падишах захватил все страны мира, кроме Рума, да и то лишь из-за

дальности расстояния. Я слышал, что у кайсара Рума есть дочь, совершенная по красоте, а по нежности подобная бальзаму от скорби. Кайсар любит ее безмерно, не может и часа без нее пробыть. Из-за большой привязанности к дочери он не выдает ее замуж ни за кого из сватавшихся. Я расскажу об этой луноликой падишаху, чтобы в его сердце поселилась страсть к ней, чтобы любовь к той усладе душ зародилась в его думах. Тогда он пошлет сватов. А когда кайсар ответит ему отказом, с обеих сторон возгорится пламя гнева и дружба сменится враждой. Падишах вознамерится завоевать Рум, ему понадобится войско, и тогда он выдаст жалованье и военачальникам и воинам. Если осуществится этот план, осуществятся и ваши желания. На другой день везир пришел к падишаху, начал рассказывать о событиях в соседних странах. Наконец он стал говорить о кайсаре и внушать мысль о завоевании Рума.

– Падишах, – говорил везир, – завоевал все дальние и ближние страны мира, он воздвиг шатры повелевания на море и на суше. Если он повернет поводья политики в сторону Рума то о нем пройдет великая слава во всех поколениях, а древнее царство окажется во власти падишаха всего мира. Лазутчики сообщили мне, что у кайсара Рума есть дочь, по характеру – образец совершенства, а по внешности – наилучшее творение создателя. Она достойна лишь нашего падишаха.

Он рассыпал целый короб подобных речей, так что падишах пустил сердце на ветер и оказался в изумлении и растерянности. Покой был похищен из кармана его терпения, а его скорбные и горестные думы поразил любовный недуг.

Горит в груди огонь и к ней меня толкает,
А в сердце поселилась гибельная страсть.

Когда падишах убедился, что его сердце увязло в страсти, словно верблюд в грязи, что его душа, словно Юсуф, стала пленником чрезмерной любви, он снял печать с кошелька тайны и стал обсуждать с везиром планы сражения.

– Надо отправить сватов, – сказал он везиру, – чтобы убедиться, чем же разрешится бремя ночи, придет ли утро добрых вестей после

тьмы исканий.

Падишаху ничего не оставалось, как отправить в страну Рум прозорливого посла с письмом, в котором после принятых приветствий было написано: «Всем жителям мира известно, что я покорил мечом все страны земли от Шама до Чина, что я завоевал все цветущие земли мира. Сегодня в моем царстве нет смут и нет мне соперников, так как где бы ни вырастал терновник вражды, я его искоренял. Я надеюсь, что между нашими царствами будет союз, что мы вовеки веков будем обмениваться послами».

А послу своему падишах сказал:

– Передай кайсару, что я сватаюсь к его благородной дочери и жажду счастья с ней. Какие бы сокровища он ни просил за нее, я уплачу, какие бы страны и области ни потребовал, я уступлю.

Когда посол прибыл в страну Рум, он передал письмо и послание. Кайсар пришел в сильный гнев, разорвал письмо и закричал:

– Я не отдам свою дочь за какого-то выскочку! Я не покрою себя таким позором!

Посол огорчился и устыдился, вернулся домой и доложил своему повелителю:

– Наша страна кажется кайсару ничтожной, наша держава представляется ему незначительной. Он ответил мне с презрением и пренебрежением, а не с уважением и любезностью, обошелся со мной свирепо и яростно, а не справедливо и приветливо.

Падишах тут же приказал открыть двери хранилищ, выдал войску большое жалованье, предоставил коней и оружие, велел снаряжаться на войну, а сам стал совещаться с везиром. Шах уже начал партию на шахматной доске завоевания стран, а везир стал наставлять его так:

Честь покупают по любой цене
И не скупятся при расплате:
Порой короткие дают взамен клинки
Или копья длинные за это получают.
И лишь за деньги невозможно честь купить,
А если думаешь деньгами оплатить
Величье иль достоинство, запомни,
Что нет у них цены!

Падишах отправил вперед огромный отряд и наказал полководцу:

– Когда подойдете к границам Рума, то пусть бирюзовые одежды неба побагровеют от отражения ваших окровавленных мечей, пусть деревья и травы в том краю от пролитой крови покроются алыми плодами. Вином для вас пусть станет кровь врагов, вашим пиром – грабеж и потрава.

Когда шахская рать приблизилась к границам Рума, воины обнажили мечи и расправили плечи, так что птицы в небе стали оплакивать мертвецов в степи, а рыбы могли жариться в огне сражения. А кайсар выслал тайком сто тысяч благородных всадников, чтобы они напали ночью из засады и сразились с шахским войском. Но по воле случая обе рати встретились лицом к лицу, и воины бросились в бой. И вот копья стали поверять друг другу тайны, и мечи выпрыгнули из ножен навстречу друг другу. Стрелы также покинули родное гнездо, радушную обитель колчанов. Подталкиваемые тем, изогнутым дугой, с блистающим телом, но твердым сердцем, вылетели на простор эти деревянные птицы, уподобившись птицам живым. И вот они уже несутся, длинные и гибкие, рассекая воздух железными клювами, трепеща на ветру перьями ворона, ликующие, словно орлы. Тут и противный ветер судьбы стал осыпать прахом лица румийцев, а из недр земных забили ядовитые родники. Румийское войско тотчас обратилось в бегство, основы государства Рума зашатались. Тогда к кайсару подскакал всадник и сказал:

– Бесполезно сражаться с этим воинством, ибо каждый из них в сражении – слонотелый Рустам, более того – лев с мечом в руке.

Это люди – любовники битвы,
Копья их новых ищут побед,
Хладной сталью сверкают доспехи,
Обнаженные стынут мечи.
И, завидев сражение, вьются
Стрелы осами возле врагов.

Кайсар, выслушав слова всадника, созвал везиров и советников и сказал:

– Недуги державы лечат вашими советами, разрешить эти трудности может только ваш разум. Сейчас время посадить побег мира, следует взрастить его, составив письмо о перемирии.

– Выход один, – сказали все в один голос. – Тебе нужно добиваться мира при помощи уз, чтобы установить между двумя странами союз и дружбу.

Кайсар отправил к падишаху большое посольство из прозорливых старцев. Они повезли с собой много подношений и даров, принесли извинения и сказали:

– Если падишах найдет радость в женитьбе на благородной дочери кайсара, то бракосочетание состоится в любое время, какое ты пожелаешь выбрать, тогда же будет составлен брачный договор.

На другой же день устроили пиршество, и дочь кайсара с огромным приданым, с редкостными диковинками земли и моря, наряженную в богатые одежды и драгоценные украшения, привезли к падишаху.

Но дочь кайсара была раньше замужем, и у нее остался сын от первого мужа, погибшего в сражении. Кайсар предупредил ее:

– Не говори никому о своем сыне, ибо я привязан к нему, он моя единственная отрада.

Теперь, когда случилось то, что быть должно,
В разлуке буду вспоминать тебя я.

Падишах увидел, как прекрасна дочь кайсара, всем сердцем влюбился в ее красоту и прелесть и сказал:

– Свидание с ней – основа счастья, любоваться этим лицом – счастливое предзнаменование.

Нет на свете равной красоты.
И прелестней всех на свете ты.
Кто способен на тебя взирать,
От любовной страсти не сгорать!

Падишах послал кайсару сокровища из россыпей Бахрейна, драгоценное оружие, гулямов, а сам, радостный, двинулся в свою

страну. В пути он ежедневно, чтобы обрадовать невесту, подносил ей роскошные дары, присылал ей шкатулки с драгоценностями. Но у невесты сердце горело пламенем от тоски по единственному любимому сыну, и она проводила все время в одиночестве, скорбя и плача. Наконец терпение ее совсем истощилось и душа стала изнемогать от разлуки.

Если разлука и дальше пробудет такою, как есть,
Богу известно, что станет со мною. Но узнаешь ли ты,
Как я томлюсь и страдаю, как жажду тебя повидать!
Некого с вестью последней мне к милому другу послать.

День и ночь сила любви диктовала ее разуму всевозможные уловки, которые помогли бы ей заполучить сына и заменить грезы о нем радостью свидания. И вот в один прекрасный день она рассказала падишаху о своей стране, о сокровищах, их редкостных диковинках, которые хранятся в казне ее отца, а потом добавила:

– У моего отца есть гулям, который в отроческом возрасте обладает умом взрослого мужа, будучи ребенком, силой превосходит героев. В воинском искусстве он всех оставил позади, а в науках достиг предела. Он чудо нашего века и диковинка мира.

– Если я попрошу прислать этого гуляма, – спросил падишах, – как ты посмотришь на это? Согласится ли твой отец?

– Это невозможно, – отвечала она. – Если отец не видит мальчика хотя бы час, то теряет голову от тоски. Но если падишах правда хочет повидать того гуляма, то надо отправить кого-нибудь в Рум по торговым делам, чтобы посланец соблазнил ребенка разными обещаниями и посулами и привез его сюда.

Падишах вызвал способного и расторопного купца, который знал древнееврейский и румийский языки, путешествовал по странам света, бывал на востоке и на западе, видел всю обитаемую часть земли, слышал о тайнах этого изменчивого мира, обладал ясным умом и твердым разумом. Купцу дали для торговли много товару, а дочь кайсара тайком сказала ему:

– Этот самый гулям – мой сын. Относись к нему бережно и заботливо, в пути оказывай ему должное уважение и почтение. Скажи

ему: «Мать зовет тебя». А когда прибудешь сюда, одень его снова гулямом и не вздумай никому поведать эту тайну!

Купец, прибыв в Рум, улучил момент и передал мальчику послание матери. Тот заплакал.

Ты напомнил мне удары, о которых я забыл.
Хоть ты прислал дурную весть,
Я рад тому, что помнить обо мне.

Выслушав рассказ о страданиях матери, мальчик ответил:

– Мне невозможно выехать отсюда открыто!

Тогда купец спрятал мальчика в сундук и гнал верблюда, пока не пересек границ Рума, прибыл в Ирак, а оттуда – в свою страну. Въехав в столицу падишаха, купец облачил мальчика в роскошные одеяния. Падишах, видя воспитанность и образованность ребенка, обрадовался ему и велел оказать большие почести. Мать же смотрела издали на свое дитя и ласкала его только взором:

Из всех наслаждений в удел ей достались надежды,
Ей счастье дарили лишь взоры издалека.

Но она повторяла себе: «Настанет время, когда я смогу перекинуться словечком со светочем моих очей, когда я смогу вдохнуть аромат цветника его щек».

И вот в один прекрасный день падишах отправился на охоту, и в гареме не осталось никого из посторонних. Огонь любви разгорелся в сердце матери, и она на короткий миг привела мальчика в свои покои, обрадовала сердце ветерком общения с сыном, напоила дух свой вином свидания с ним. Однако об этом прослышал хаджиб, и он сказал:

– Гарем падишаха неприкосновенен! Я должен сообщить падишаху, молчание было бы изменой.

Когда падишах вернулся с охоты, хаджиб доложил ему о том, что случилось. Сердце падишаха наполнилось гневом, грудь его стеснилась, и он воскликнул:

– Эта женщина упрятала меня в мешок своих хитростей и коварными уловками привезла из Рума своего любовника!

Забудь этих жалких созданий, что верности лишены.
Сердца с утренним ветром по ветренности равны.

Потом он вошел в покои дочери кайсара со скорбным сердцем и раненой душой. На его челе проступили приметы тайного гнева, цвет лица изменила жестокая ревность. Жена догадалась, что шах разгневан, и сразу поняла, что ему передали о случившемся, увеличив все во сто крат.

– Что случилось с властелином? – спросила она. – Чем он недоволен?

– Я слышал, что сегодня ты предавалась любовным утехам с гулямом из Рума, что дарила ему нежные ласки, – вскричал падишах. – Не стыдно тебе отдаваться слуге? Предпочесть мне раба, купленного за деньги?

– Берегись таких мыслей, – отвечала дочь кайсара, – ведь помыслы царей настолько высоки, что их не должна омрачать пыль подозрений. Величайшее удовольствие власти заключается в приказах, повелениях и запретах, а бремя управления уравновешивается возможностью снести губительным мечом голову каждому, кому захочешь или на кого прогневаешься, избавив свои помыслы от лишних волнений. Если ты подозреваешь гуляма, то вели снять с него рубашку жизни через шею бытия. Если же ты считаешь виноватой меня, то прикажи все, что тебе заблагорассудится.

От этих слов пламя гнева падишаха улеглось, вихрь ярости затих. Он смотрел на красоту жены, и любовь не позволяла ему вырвать такую розу из цветника свидания, владыка любви запрещал ему срубить в саду кипарис, увенчанный луной, убить солнцеликую повелительницу, погубить цветок с такими прекрасными лепестками и ароматом. Злоба, которая полыхала у падишаха в душе, целиком устремилась против отрока, и он сказал:

– Возлюбленную не должны коснуться ни стрелы мести, ни исполнение приговора ярости.

Он вызвал хаджиба, дарующего гороскоп Мирриха, злосчастье Зохаля, похожего на голову и хвост созвездия Дракона. Он был кометой на небе наказания, несчастием миров возмездия. Падишах вручил того несравненного луноликого, то единственное чудо света, того птенца куропатки на лужайке гордыни, соловья изящества времени, тот побег в саду кайсара, цветок Дерева владычества в руки властелина ада и стража геены и приказал:

– Сегодня же вечером день его жизни должен обернуться ночью, а к утру его несчастную шею должна сдавить веревка!

Мечом позор с себя я смою.
Так мне назначено судьбою.

Хаджиб привел любимца матери и собирался уже отрубить ему голову мечом возмездия, но тут из глаз хаджиба пролились слезы сожаления, среди туч гнева заблистало солнце сочувствия! Божья милость взглянула в его суровое сердце, велела выпустить пеструю куропатку из клюва злобы и когтей ярости и приказала: «Расправь крылья жалости, не погружай нежную ветвь розы в зиму горестей, ибо ее дожидается машшате весны молниеносным ударом не губи с презрением нежный лепесток фиалки, ибо его нарисовал божественный ваятель.

Берегись, не считай беззащитным того, кто стоит одиноко:
За спиной его, может быть, прячется сильная рать.

Сердце ценят не за то, что оно по форме напоминает еловую шишку или сосуд для вина, а за его сокровенные чувства; мускусом не пренебрегают, если даже он заключен в мешок дешевой ткани, – его любят за дороговизну и благоухание».

Всю ночь хаджиб читал книгу красоты мальчика, лицезрел на страницах его чела приметы благородства, любовался светом счастья, которое излучал его лик; видел знаки царственного достоинства, которые сверкали в его очах.

В твоих глазах приметы и знаки утешения.
Любовь мне их открыла, прочли их очи сердца.

Хаджиб сказал ему:

– О дитя! Разве ты не знал, что гарем падишаха неприкосновенен? Это ведь не ад, где изменяют. Разве ты не знал, что с розой, ставшей шипом преступления, говорят только языком ножа и топора, а не словами ласки и внимания?

– Да будет тебе известно, – отвечал мальчик, – что я побег из царственного сада Рума, а не терновник из солончака измены и хулы. Гордыня не дает моей матери признаться шаху, что у нее есть большой сын со станом как у кипариса. Из-за моего происхождения, а ведь я воспитанник справедливости и память о Фархаде, она скрывала меня и причиняла страдания своему сердцу, чтобы падишах не огорчился и не почувствовал к ней отвращение. Она не ведала, что любовь и мускус сокрыть невозможно, что под закрытым сводом роза не простоит и несколько дней, что невеста может пребывать за занавесом всего лишь несколько часов. Можно долгое время сшивать иголкой желания шатры облаков из бесконечных хранилищ пара, этой милостыни за. отвагу, чтобы на один час вознестись высоко в небо, чтобы единый миг соперничать с солнцем. Но едва повеет северный ветер, эти шатры дрожат и распадаются. Моя мать притворялась, чтобы скрыть светоч любви, не ведая, что невозможно замазать солнце глиной. Как только она увидела меня, в ее сердце вспыхнула материнская любовь, от охватившей тоски и горя она прижала меня к груди. Как раз это и навлекло беду, ведь приказ падишаха означает гибель.

Когда хаджиб выслушал слова мальчика, в его сердце не пробудилась приязнь и сочувствие к нему; он дивился превратностям судьбы и страданиям, достающимся людям, ибо каждый человек, оказавшись в затруднительном положении, проигрывает в нардах скорби, а попав в обитель беды, хранит в душе скрытую боль. И хаджиб сказал себе: «Какие муки должна испытать мать! Какая боль таится в ее душе! Если сына уводят 0г матери прямо на казнь, какая скорбь должна быть у нее на сердце». Потом он решил: «Надо спрятать этого мальчика надежно и удобно, ибо грех повредить такую розу, сломать такую ветвь. Наверное, настанет время, когда раскроется

тайна, когда сокровенное станет явным, и, если я погублю его, мне в «дел достанется вечное горе. Если же я сохраню ему жизнь, то получу несметные сокровища».

Он обласкал мальчика и скрыл его в потаенной комнате, а на другой день доложил падишаху, что выполнил его приказ.

Как низменен в небе ход светил,
Так низменно я твои приказы выполняю.

Скорбь ушла из сердца падишаха, обида покинула его грудь, но он потерял доверие к дочери кайсара, и жизнь с ней протекала у него без взаимного уважения и радости. Розе его удовольствий теперь не хватало свежести, а пленительные слова царицы перестали услаждать его.

Это сердце было верности залогом,
Мне во всем старалось угодить,
А теперь совсем чужим мне стало.
Как же мы могли друзьями быть?

Дочь кайсара непрестанно горевала о гибели сына. Она видела, что жемчужина ее любви заперта в раковине праха и крови, что покой души и сердца катится в пропасть. Страдая за сына, она, однако, видела, что шах к ней переменился. Ее щеки побледнели, ведь говорят же: «Горести увеличились, заботы выросли», а на душу легла тяжесть. Аргаван ее ланит сменился шафраном, розы и лилии поблекли.

Каждый миг я горести встречаю,
Кажется, для них и родилась!

Во дворце у падишаха была одна дряхлая старуха, прожившая долгую жизнь и много испытавшая на своем веку. И вот однажды она спросила дочь кайсара:

– Что случилось с тобой? Я вижу тебя только горестной и скорбной, опечаленной и тоскующей. На щеках твоих не осталось

румянца, красота твоего лица грозит поблекнуть.

Дочь кайсара рассказала ей о том, что случилось, и закончила:

– Сын мой убит, а супруг отвратил от меня взоры. У меня нет сил сносить тоску по сыну, я не вижу конца немилости падишаха.

– Не горюй, – сказала старуха, – я знаю, как справиться с этим, знаю путь к тому, чтобы шах простил тебя и твое сердце перестало горевать.

– О мать!– воскликнула дочь кайсара. – Если ты исцелишь меня от недуга, если ты отвратишь эту беду, то я наполню твои карманы и подол золотом, подарю тебе целое богатство. Остаток жизни ты проведешь под сенью моего покровительства, вечер твоей старости пройдет в цветнике моих милостей. Сказал пророк – да будет мир над ним! – «Воистину, верность в клятве – черта веры».

Губит знание тот, кто невеждам его раздает.
Ну а тот, кто достойным мужем к знанью путь преграждает, – насильник.

И вот в один прекрасный день старушка увидела падишаха одного. Она стала ловко расспрашивать его, умело выведывать о том, что случилось.

– Что сталось с нашим падишахом, – говорила она, – как он оказался во власти дум и вручил поводья сердца деснице скорби? Прежде его лик всегда озаряли лучи радости, а его помыслы были отмечены знаками веселия. Ныне же я вижу; пыль печали покрыла цветы красоты, прах раздумий осел на розу изящества.

– О матушка, – отвечал падишах, – у меня есть сокровенная тайна, которую нельзя разглашать. Да будет тебе известно, что по моему приказу из Рума привезли гуляма. Мою жену обвинили в сожительстве с ним. Сердце не велит мне убить жену, но я страстно жажду знать истину и тем самым избавиться от мучительных сомнений.

Богом клянусь, сам на себя я смотрю в удивленье.
Разум сомненьем объят, стонет в смятенье душа.

– Да будет тебе известно, – сказала старушка, – что у меня есть талисман из числа амулетов Сулеймана, написанный на белом шелку сирийскими письменами. Когда твоя жена погрузится в сон, положи этот талисман ей на грудь. И она во сне расскажет тебе обо всем, что в действительности случилось.

Падишах удивился свойствам амулета и изумился такому решению. «Быть может, – сказал он себе, – для меня прояснятся обстоятельства этого дела и обнаружится тайна».

Когда настала вечерняя пора, старушка вручила падишаху мнимый талисман со словами:

– Когда твоя жена уснет, положи ей на грудь талисман, а под изголовье – этот кусочек железа. Но смотри, не засыпай сам и прислушивайся к тому, что она скажет.

Потом старушка отправилась к жене падишаха и шепнула ей:

– Я придумала хитрость и осуществила ее. Сегодня ночью, когда ты возляжешь на ложе вместе с падишахом, поскорее притворись спящей. Как только падишах положит тебе на грудь кусочек бумаги, начинай рассказ о превратностях судьбы, о том, что произошло. Если сердце падишаха привязано к тебе, если в его помыслах сохранилась любовь, если он жаждет аромата свидания с тобой и стремится к ветерку твоей красоты, если в потайном кармане тайн любви у него осталось золото, а в узелке искренних деяний еще припас, то он возликует. Если же он хочет расстаться с тобой и дать тебе развод, если дню свидания суждено смениться ночью, если ваши чувства обречены на гибель, то тогда хотя бы полы твоего целомудрия очистятся от клеветы, а тело твое сбросит одеяние этой беды. Ведь клевета врагов своим пламенем сжигает сердце, а из глаз исторгает потоки слез.

Дочь кайсара легла в постель, как ей велела старушка, и стала ждать, что заготовил ей рок.

Дела, слова, погода – все переменилось,
Судьбы решений нам не отгадать,
Лишь виночерпий-небосвод не прекращает
Мне в чашу горечи напиток подливать.

Прошел час или два, и падишах приложил к груди царицы талисман, а под подушку спрятал кусочек железа. Жена его, оживив в душе страдания и скорби этих дней и лет, заговорила. Она рассказывала о том, что ей пришлось испытать в жизни, о радостях и горестях, которые начертала рука судьбы на листах ее сердца.

– Моим первым мужем был юноша, похожий на ветвь жасмина. Он стал для меня ключом радости, казался моей душе светочем утра. Это был побег на лужайке счастья, ветвь древа благоденствия. Цветник его щек радовал взоры, жасмин его ланит услаждал взгляд. От него я родила сына царственного рода, похожего на луну в небе.

Он был усладой души, кипарисом в саду моем,
Сердце мое превращалось в цветник от свидания с ним.

Когда же отец выдал меня замуж за падишаха этой страны, то я по своему недомыслию скрыла от него своего сына. Но в разлуке с ним я страдала, звезда моего терпения сгорала, луна покоя шла на убыль, и вот я хитростью привезла его из Рума, чтобы излечить свое раненое сердце. Стоило мне только посмотреть на него, как сердце обретало покой, от одного взгляда убывала моя печаль. И вот однажды я встретила его одного и почувствовала себя, словно жаждущий, который находит прозрачную воду, словно возлюбленный, который обретает ночь свидания. От избытка материнской любви я привлекла его в объятия, стала вдыхать амбру его кудрей и целовать нарциссы его глаз. Но случилось так, что об этом прослышал падишах, и он приказал отрубить голову моему сыну!

Дивлюсь я своему терпенью сам – ведь он погиб.
Дивлюсь своим делам, своим речам – ведь он погиб.
Жизнь без него назвать мне надо чудом,
Когда б я мог поверить чудесам, – ведь он погиб.

Увы! Коли глаза лишены возможности видеть его, то обречены плакать, чтобы переполненное скорбью сердце изменилось в слезах, чтобы келью скорби озарил светильник печали.

Тот, кто не может другому поведать печали,
Сердце не сможет в словах и слезах облегчить,
Скорбь как цветы, что в ночной темноте расцветают:
Глазу они недоступны, но аромата не скрыть.

– Коли уж я потеряла любимого сына, – продолжала она, – хоть бы шах теперь не разлюбил меня и не перестал встречаться со мной.

Судьба осыпала несчастьями меня,
Из стрел на сердце выросла броня.
Коль рок меня злосчастьем поразит,
Я выставлю вперед страданий щит.

Шах, услышав эти слова, стал целовать ей лицо и волосы проливать поток слез из глаз.

– О смысл моей жизни, основа моей радости, – воскликнул он. – Что за роковую ошибку ты совершила, зачем обрекла себя на клевету и погубила сына?!

Он тут же вызвал хаджиба и сказал:

– Тот красивый мальчик, тот несравненный отрок, которого ты убил, был, оказывается, сыном моей возлюбленной, любимцем моей красавицы жены. Где покоится его прах? Над его могилой надо воздвигнуть гробницу и цветник.

Хаджиб поцеловал прах перед падишахом и ответил:

– Да будет падишах вечен, да живет он тысячи лет! Благая весть для тебя: сын твоей жены покоится в паланкине жизни, тот луноликий пребывает в радости. В безопасности он сидит в саду с друзьями. Приметы царственности сверкают на его челе, лучи величия проступают на его ланитах. Когда падишах приказал казнить его, твой нижайший раб хотел тут же исполнить приказание. Но румский шахзаде сказал мне: «Не спеши с моей казнью, ибо я побег из рода кайсара, древо царственного происхождения. Мать моя, шахиня вашей страны, постыдилась разглашать тайну обо мне и мой секрет. Быть может, придет время, когда счастье будет сопутствовать мне, когда расположение светил станет благоприятным, а божественная милость

распространится на меня и мать моя доведет до слуха падишаха нашу историю. Тогда мое славное происхождение спасет меня из этого унизительного мрака, а совершенство моих достоинств дарует мне жизнь в этом мире. Легко срубить дерево, но трудно посадить его и вырастить!»

Падишах приказал тут же привести сына жены, подобного восходящему солнцу, сияющего, как луна. Мать, увидев лицо сына, в благодарность за сохранение его жизни отреклась от христианской веры. Ее примеру последовал сын и разорвал на себе зуннар. Хаджиба наградили как следует, ему дали много редкостных вещей и драгоценных тканей.

– О падишах!– закончил Бахтияр рассказ. – В этом повествовании много полезного для разумных мужей, пища для духа мудрецов. Самая же большая польза и главная мысль та, что надобно поразмыслить, прежде чем убить живую душу. Если бы хаджиб убил сына, то, когда истина отделилась от лжи и обнаружилась тайна матери и сына, он заслуживал бы наказания, а не вознаграждения и поощрения. О падишах! Согласно требованиям разума и законам справедливости не спеши с моей казнью, ибо когда-нибудь твои возвышенные помыслы убедятся в моей невиновности, в том, что я не совершал преступления.

Выслушав этот рассказ, падишах приказал:

– Отведите сегодня его под стражу, а завтра доставьте ко мне.

На девятый день утром, когда рать солнечных лучей выступила на поле восхода и движения, когда дни и ночи достигли девятой сферы, девятый везир вошел к падишаху, зажег светильник красноречия в нише изящного слова и стал заниматься славословием и вознесением молитв.

Ты правишь в мирное время, и славно царство твое,
Высоки дворцов колонны, богато людей житье.
И каждый день прибывает к подножию трона народ.
Как жемчугам в ожерелье, тебе хвалу воздает.

Затем он стал подстрекать падишаха казнить Бахтияра, и падишах велел привести узника из темницы. Когда несчастный вошел, падишах сказал:

– Звери, которые приносят вред и убыток, должны быть «биты. Плевел и колючки, которые цепляются за полы благородных мужей, нужно вырвать. Преступление должно быть наказано, заблуждение заслуживает кары. Ступайте, слуги, воздвигните виселицу и накажите его по заслугам!

Бахтияр поцеловал прах перед падишахом и сказал:

– Да будет вечен падишах! На страницах твоих высоких помыслов начертали навет о моей измене, перед тобой развернули историю о моем преступлении. Но тем не менее не следует кораблю снисхождения пускаться по волнам торопливости, поверив завистникам, не следует разбивать покой знания рукой поспешности, положившись на корыстолюбцев. Ведь, когда падишах Дадбин перестал прислушиваться к добрым советам, он испытал много несчастий.

– Поведуй нам эту историю, – приказал падишах, – расскажи эту повесть.

Глава девятая

Повесть о шахе Дадбине и о событиях, которые он пережил из-за того, что прислушался к словам завистников, о напастях, которые ниспослало ему коловращение судьбы

– Милостивый падишах и милосердный шаханшах да будет вечен в этой суетной жизни, – начал Бахтияр. – Да пребудет с ним счастье и покой, и божий милость. Жил на свете в краю Табаристан падишах из числа царей мира. Слава о его доблести распространилась по всей земле, о его подвигах слагали легенды. У него было два везира. Одного звали Камкар, другого же – Кардар. У везира Камкара была дочь, и не было равной ей среди людей и джиннов, никто не мог сравниться с ней красотой и изяществом. Она была гурией в человеческом облике, духом в обличье людей. При всей своей красе, она дни и ночи проводила в служении богу, в молитвах и благочестивых размышлениях.

И вот в один прекрасный день везир Кардар был гостем доме везира Камкара. Хозяин устроил роскошный пир, созвал на него все наслаждения и увеселения. Когда Кардар почувствовал жар вина, когда голова у него закружилась от сладости наслаждения, он вышел погулять по саду, чтобы хмель испарился а действие напитков ослабло. Прогуливаясь, он увидел на лужайке разукрашенную беседку, которая так и сверкала. Кардар По дошел ближе, заглянул внутрь и увидел прекрасную деву, которая совершала намаз, повернувшись лицом к михрабу. Казалось что солнце снизошло в ту беседку, что Зохра сменила свои песнопения на молитвы! Кардар с силой ста тысяч сердец влюбился в красоту девушки и стал добычей ее взгляда.

Беда меня постигла от любви. Увы!!
Мне сердце шип вонзился от любви. Увы!

Странник страсти незваным гостем вошел в его душу, сокол любви свил гнездо в его сердце. С небес к нему летели любовные птицы, под ногами вырастали любовные травы. Но как сильно ни было его смятение, твердость духа Кардара возобладала, бесовская плоть была побеждена, а лучи разума пробудили совесть. Он вернулся назад к пиршественному столу. Но когда Кардар выпил еще несколько чаш вина, его душа и сердце пришли в волнение, а воображение стало буйствовать.

Поймав минуту слабости, твой дух,
Укрывшись темной ночи покрывалом,
Ко мне проник. И ласки расточал он
Мне до утра. Но в свете дня исчез.

Везир покинул пир, от вина и любви душа и сердце у него перевернулись вверх дном, он пришел к шаху и стал рассказывать о красоте дочери везира и расхваливать ту пленительницу сердец. Он так долго описывал локоны и родинку на щеке, сравнивал стройный стан с кипарисом, а щеки – с тюльпаном, что увлек падишаха на стезю любви, словно Вамика, заставил его вздыхать, как предрассветный ветерок. Сердце падишаха превратилось в заложника желания, душа стала пленницей страсти. Анка любви стала клевать ему сердце и душу, феникс влюбленности простер над ним крылья, погонщик страсти зазвенел колокольчиком, а игрок желания стал подбрасывать кости.

Хорошо было сердцу в груди,
Пока в дверь не стучалась любовь.

Падишах задавал все новые вопросы о красоте девушки, с.каждым часом любопытство увеличивалось.

Твой рассказ продлевает мне жизнь.
Так продолжи рассказы свои!

Падишах послал Кардара сватом к дочери Камкара. Везир стал соблазнять отца обещаниями благополучия в настоящем и грядущем, говоря:

– Этот брак сулит тебе возвышение, этот союз упрочит твое положение и умножит добродетели.

Камкар поцеловал землю и сказал:

– Раб и все, чем он владеет, принадлежит господину. Падишаху же, властелину над всеми странами, принадлежит власть над жизнью его подчиненных. С головы до пят я одет рубищем покорности, все мое существо, моя плоть и даже дыхание зависят от него. Но моя дочь дни и ночи проводит в служении богу. Она не удостаивает взглядом утехи этого мира, не обращает внимания на мирские желания, проводя ночи в молитве, а дни – в посте. Я тотчас передам ей радостную весть о сватовстве падишаха. Быть может, она согласится, и тогда помыслы падишаха покинет эта забота.

Везир Камкар пришел к дочери, рассказал ей обо всем и добавил:

– Свет души моей! Брак с падишахом – это путь к счастью и основа владычества. Для меня это счастливое предзнаменование, которое выпало из книги судьбы, удача, равная предначертанному роком.

– Отец, – отвечала дочь, – поклонение богу не оставило у меня в сердце места для страсти. Прости меня и не неволь совершать то, что мне немило.

Везир Камкар, изнемогая в сомнениях, отправился к падишаху и рассказал о благочестии и религиозном рвении дочери. Но любовь возобладала над сердцем падишаха, влюбленность превозмогла разум, воображение уже начертало план свидания, а бесовский искус явил ему радужные картины. При словах Камкара гнев взял в нем верх, страсть пришла в волнение. И он велел своему везиру:

– Скажи дочери, пусть соглашается добром и не упрямится, а не то она угодит в мой силок поневоле и покроет себя позором.

Камкар устрашился и сказал дочери:

– Согласись лучше, ибо идти против желания царей и поступать вопреки воле шахов – все равно что навлекать несчастье, бесславие и позор.

Дочь отвечала ему:

– Тому, кто вкусил сладость общения с богом, не до любовных утех; сердце, познавшее радость покорности богу, не Может преклониться перед шахом.

– Как же нам быть? – спросил отец.

– Надо бежать, – предложила дочь, – ибо гнев царей – это острый меч, злоба правителей – львиная месть. Бегство от острого меча и яростного льва одобряют религия и разум, признают обычаи и законы. Самое разумное для нас – оставить здесь все имущество и двинуться по направлению к святой Меккею Как говорят: «Нет соседа для султана, нет друга для моря».

Раз сил не хватит для сопротивленья,
Не стыдно бегство выбрать средством для спасенья.

Когда ночь развернула свой круглый шатер, а украшающая мир луна взошла на купол небосвода, когда мир повязался платком влюбленных, а вселенная окружила агат ночи ожерелье звезд, отец и дочь приготовились к побегу и собрали все, что нужно, в дорогу.

На другой день падишах, не получив о них никаких вестей спозаранку вскочил на коня насилия, забыв о благородстве и

справедливости. Он скакал следом, пока не настиг их на какой-то стоянке, и с размаху ударил Камкара по голове могучей палицей. Камкар простился с жизнью и поспешил на зов смерти. А дочь везира падишах связал путами гнева, заковал кандалами брака.

Знай, нельзя любви достигнуть силой
И насильник никогда не станет милым.

Через некоторое время падишаху пришлось отлучиться из столицы по государственному делу. Управление страной, суд и расправу он поручил везиру Кардару и наказал ему:

– Обеспечь в мое отсутствие порядок и удали за пределы страны преступников, чтобы к моему возвращению устои государства были укреплены твоими разумными решениями, а в саду державы выросли благодаря твоему прекрасному усердию новые побеги.

Кардар поцеловал перед ним землю, и падишах отправился в назначенное место.

В один прекрасный день Кардар зачем-то поднялся на крышу падишахского дворца, и вдруг его взгляд с высоты проник в гарем, и он увидел дочь Камкара. Она сидела на шахском троне, и рука красоты, казалось, собирала на ее лице букеты тюльпанов. Кардар от ее красоты чуть было не лишился чувств. Любовь стала стучаться в дверь его сердца – мол, я пришла! А терпение сложило пожитки, – мол, я ухожу! С сердцем, полным страсти, с грудью, переполненной желанием, он сошел с крыши. Любовь расцвела в нем, словно тюльпан, а душа уже готова была продаться в рабство. Он отправил жене шаха послание, где говорилось: «Хотя по законам любви убийцы влюбленных не несут наказания, а по обычаям страсти любящим предназначена лишь покорность, тем не менее надо прислушаться к словам о сердечной боли страдальцев и жалеть тех, чьи сердца разбиты в разлуке.

Пусть Аллах приумножит твою красоту,
Ты же мною не пренебрегай.

Я уже давно страстно жажду свидания с тобой, прошло много времени с тех пор, как я пленился твоей красотой. Звезды в небе сострадают моим бессонным ночам, пташки среди лугов сочувствуют моим мучениям. Мечты о твоих вьющихся локонах бросают меня в жар, желание видеть твои свежие щеки топит меня в собственных слезах.

Владеет мною страсть! И нет меж нами
Пустынь непроходимых, шумных городов…»

Когда дочь Камкара выслушала послание Кардара, она прогнала женщину, которая принесла его, говоря:

– Передай Кардару, что в шахский гарем надо приходить с верностью, а не с изменой. Странно, что он забыл судьбу моего отца и обрек себя на сон зайца [27].

Ныне, когда согнулась под бременем жизни спина,
Проснись наконец, пойми, что наступил рассвет.

Но Кардар уже позабыл всякую меру, как об этом сказал поэт:

Коль с головой ты в воду погрузился,
Не все ль равно, какая глубина?

Он больше не касался узды разума, не прислушивался к проповедям благоразумия. Он отправил жене шаха второе послание, что, мол, если ты избрала путь немилости, если мое желание будет попрано, а моя мольба отвергнута, то я внушу падишаху злобу к тебе и ввергну тебя в беду!

Жена падишаха отвечала:

– Многие годы я провожу в молитвах и благочестии, а мудрецы считают прелюбодеяние мерзким, ведь сказано: «Прелюбодеяние и радость не объединишь». Может быть, ты лишился ума или пожелал смерти? Или ты вручил обезумевшую душу свою во власть дива? Или передал в руки шайтану поводья слабости? Говорят же: «Много есть желаний, которые прекращаются со смертью».

У персов издавна передают присловье:
«Почуяв смерть, вокруг колодца вертится верблюд».

У падишаха во дворце был один повар-мужеложец, большой мастер кухонных дел. Кардар задумал оклеветать жену шаха и того мужеложца, чтобы лишить ее доброй славы и чести.

Когда пришла весть о возвращении падишаха и вдали показались его передовые отряды, везир Кардар стал готовиться к встрече, желая заслужить шахское благоволение. Он подъехал к падишаху, поцеловал перед ним прах. Повелитель стал расспрашивать его о делах и событиях и наконец спросил:

– Как идут дела в гареме? Блюдут ли там обычаи и устои? Кардар по невежеству своему запутался в шести дверях злосчастия, сбился посреди своих речей и сказал:

– У меня есть жалоба на обитательниц гарема, да такая, что язык не поворачивается говорить, а сердце не может утаить. Я, как в пословице, «застыл в изумлении между воротами и дворцом», ожидая прибытия великого шаха.

Шах, слыша такие слова, задрожал от ярости:

– Говори немедленно, что случилось, оставь недомолвки намеки.

– Падишах приказал своему нижайшему рабу, – начал везир, – прислушиваться к тому, что происходит в гареме. И вот я против воли подслушал. Однажды ночью я поднялся на крышу дворца. Оттуда я увидел, что дочь Камкара в недостойной близости с поваром-мужеложцем. Он упрекал ее в недостатке любви к нему, а она отвергала эти упреки. После такой беседы возлегли они вместе в постель.

Падишах запылал огорчением, загорелся пожаром ярости. Едва войдя в гарем, он приказал отрубить голову мужеложцу. А ступив во внутренние покои, он обнажил зловещее лезвие и воскликнул:

– О злосчастная супруга! Ты предпочла моему венцу и трону какого-то мужеложца, осквернила шахскую постель прелюбодеянием! А я-то поверил в твое благочестие и набожность, в твою непорочность и чистоту!

– О падишах! – отвечала жена. – Берегись поступать по навету завистника и наущению клеветника. А не то ведь падет упрек на твой разум и тебя будут порицать за несправедливость. Мне известно, что эти краски коварства мог смешать только злокозненный везир, что сей гнусный поклеп на меня мог возвести один лишь криводушный Кардар. Потерпи немного, и я докажу свою невиновность и покажу его дерзость. Ведь Аишу дочь Абу-Бакра – да будет доволен ею Аллах! – несмотря на то, что пророк сказал ей: «Говоря со мной, о Хумайра», заподозрили в великом грехе; пречистую Марьям, хотя всевышний сказал о ней словами: «Сохранила свое целомудрие», обвинили в прелюбодеянии.

Жена увещевала его, а падишах все гневался на нее и кричал:

– Отрубите голову этой мерзавке! А не то она своей хитростью навяжет мне гордыню, а своими извинениями внушит мне отвращение.

Рядом стоял один хаджиб, он сказал:

– О падишах! Великие мужи считают убиение женщины плохой приметой и порицают, когда падишахи направляют свои меч против

тех, кто ущербен умом [28]. Если она заслуживает казни, то прикажи привязать ее к спине верблюда и пустить животное в пустыню, ибо такая мука хуже всякой смерти, а такое возмездие страшнее ударов меча.

И падишах приказал привязать жену к верблюду и пустить в бескрайнюю пустыню.

Но случилось так, что верблюд повстречал колодец, улегся около него, а дочь везира ухитрилась развязать свои путы, тут же соскочила с верблюда и пошла по направлению к Мекке, а сердце свое обратила к дворцам всевышнего. Днем она постилась, вечером разговлялась травами, совершала намаз и дожидалась избавления. Как говорят: «Тому, кто принадлежит Аллаху, принадлежит и Аллах».

На милость Аллаха пеняет лишь тот,
Кто совесть забыл и в разврате живет.

А тем временем у начальника каравана царя царей вот уже несколько дней как потерялась часть животных. Он велел оседлать верблюда и поехал искать их по пустыне, пока не прибыл наконец к какому-то колодцу. Там он увидел красавицу, которая в одиночестве совершала намаз в дикой и страшной пустыне. Когда она завершила молитву, караванщик приветствовал ее, а потом спросил с удивлением:

– Ты из рода людского или ты ангел?

– Я человек, – отвечала она. – И вынуждена странствовать по этой безлюдной пустыне обездоленная судьбой. Но служение всевышнему дает пищу моему телу, а покорность творцу – лекарство от моих недугов. Слова веры заменяют мне хлеб, поминание имени всемогущего господа служит мне прозрачной водой.

– О праведница! – воскликнул караванщик. – Прими меня в братья свои, я повезу тебя в столицу царя царей. Как бы тебя не постигла беда в этой пустыне, как бы тебе не пострадать в этих песках.

– Я уповаю на Аллаха, – отвечала дочь везира, – и поклоняюсь творцу. Как сказал всевышний: «А кто уповает на Аллаха, то Он достаточен для него».

Караванщик оставил у края колодца дорожный припас, который был с ним, и отправился на поиски верблюдов. И поскольку его

осенила благодать этой праведницы, он вскоре нашел потерянное и с радостным сердцем вернулся в город.

И случилось так, что царь в это время играл в чоуган на мейдане. Увидев караванщика, он спросил:

– Нашел ты пропавших верблюдов?

– Да, благодаря милости бога и благодати праведницы, которая поселилась в этой пустыне.

Тут он рассказал о набожности и святости той женщины, о ее красоте и великолепии.

– Она обитательница рая, – заключил караванщик, – человек в облике ангела.

Падишах тут же отправился на охоту, а оттуда поскакал прямо в пустыню. Спустя три дня шах и его свита подъехали к колодцу и увидели целомудренную женщину, склонившую голову в молитве, предаваясь беседе с богом. Царь, узрев ее благочестие и скромность, почувствовал жалость в груди и уважение в сердце. Он тут же соскочил с коня, забыв о царской гордыне.

Когда девушка завершила намаз, царь приветствовал е смиренно, как слуга, и сказал:

– Почему бы тебе не переселиться в мою столицу? Ведь молиться удобнее в соборной мечети, служить богу лучше в кельях и храмах. А если ты захочешь, то сможешь сочетаться со мной браком по шариату, чтобы союз с тобой укрепил в моем сердце набожность, чтобы подле тебя в груди моей упрочилось поклонение богу.

– Я – несчастная женщина, покинувшая людей и успокоившаяся с именем бога в сердце, – отвечала девушка. – А ты – царь царей, падишах земли и времени. Оставь меня в этой пустыне, чтобы я молилась за тебя и за вечность твоего царствования.

Царь, видя, что она всей душой предалась богу, сказал:

Если правдой поступиться, значит, кривда одолела.
Если женщине уступишь – не мужчина, значит, ты.

Он разбил тут же палатку и стал молиться богу. Проведя три дня и три ночи в благочестии и молитвах, он сказал девушке:

– Ради твоей благодати и света твоих деяний я прибыл в эти места. А теперь тебе следует отправиться в город, чтобы и там досталась нам доля твоего святого благочестия, чтобы и на нас распространилась твоя праведность.

– Да будет тебе известно, – отвечала девушка, – что я женщина, которую оклеветали враги, обвинив в супружеской измене. Я дочь везира Камкара. Шах, наверное, слышал о насилии, которому подвергся этот несчастный. Я же до сих пор состою в браке с Дадбином, известным своей отвагой. Я поеду в город, если такова твоя воля, но обещай мне вызвать в столицу Дадбина и Кардара – преступного шахского везира, чтобы мне смыть с себя пятно измены своим правдивым повествованием и с помощью величия царя царей доказать свою непорочность.

Царь приказал отвезти девушку в столицу в паланкине благополучия, а нескольким приближенным велел отправиться за Дадбином и Кардаром и призвать их в столицу.

Дадбин и Кардар прибыли в царскую столицу, поцеловали землю перед троном, а царь царей сказал:

– Да будет вам известно, что исправление насилия – это долг перед верой и властью, а отправление правосудия неотделимо от разума и человечности. Если не будут соблюдаться законы шариата, никто в мире не сможет уверовать в безопасность. Основа устоев веры – эта помощь униженным, сердцевина наказания – это защита обездоленных. Дочь везира Камкара принесла жалобу на насилие. Она утверждает, что ее по навету обвинили в супружеской измене, что рукой насилия в нее пустили стрелу унижения из лука клеветы. Сегодня надо отделить истину от лжи, правду от кривды.

Когда царь царей произнес эти слова, дочь везира подала голос из-за занавеса:

– Прошу от царя всего мира и властелина нашего времени спросить Кардара, какой грех и какую измену он знает за мной, какой проступок и прегрешение я совершила, за что я опозорена.

Царь сказал Кардару:

– Говори правду, ибо «истина блистает, а ложь заикается». Ложь всегда можно отличить от истины, а в присутствии царей невозможно мошенничать в игре.

– Никогда я не видел никакой измены и блуда со стороны этой целомудренной женщины, – начал Кардар. – Я не слышал о ее грехах, ни о больших, ни о малых. Все мои наговоры были проявлением человеческой слабости и бесовским искусом.

– Слава Аллаху, – сказала девушка, – мрак этого обвинения покинул меня. Благодарю бога, что подозрение в измене спало с меня.

Когда царю стали очевидны мерзость слов и низменность поступков везира, он спросил девушку:

– Ты хочешь, чтобы его наказали?

– Высокий ум царя опережает других в вынесении любого приговора и в наблюдении истины, – отвечала девушка. – Лучше нам прибегнуть к тексту Корана и указаниям Фуркана, как сказал всевышний: «Воздаяние за зло – зло, подобное ему». Меня привязали к верблюду и пустили в пустыню, прикажите поступить с ним так же, дабы впредь никто не пытался обесчестить целомудренных женщин и позорить добродетельных жен.

Если дан тебе судьбою срок,
Берегись его истратить на бесчестье.

Тогда царь царей спросил:

– Чего еще ты хочешь?

– Царю всей земли известно, – отвечала девушка, – что шах Дадбин размозжил голову моему отцу железной палицей. Его черное сердце не убоялось обагрить кровью благородные седины моего отца, его невежественный разум не устыдился Упреков несчастной дочери. Согласно шариату зло следует наказывать, а честь тела и духа надо соблюдать. Я прошу наказать его согласно предписанию Повелителя над господами: «Для вас в возмездии – жизнь, обладающие умом».

И царь приказал разбить голову Дадбина палицей.

Справедливой карой был сражен злодей.
Обрели спасенье множество людей.

– Чего ты еще желаешь? – спросил царь, и она ответила:

– Вели внести имя того хаджиба, благодаря заступничеству которого я спаслась, в число твоих слуг и выдать ему дары из царских сокровищ.

Царь приказал надеть на хаджиба роскошный халат и в вел его в сан своего приближенного.

Аллаху ведомо о том, что он творит,
А ты на милость бога положись.
Нет у людей в запасе ничего,
Чем можно промысел Господен заменить.

– Смысл этого рассказа, – закончил Бахтияр, – состоит том, чтобы светлому разуму шаха стало известно, что в этом мире ни одно деяние не минует возмездия, ни один поступок не останется без воздаяния, как сказал всевышний: «Не думай что Аллах не ведает о том, что творят насильники». Дадбин совершил несправедливость по отношению к везиру Камкару, Но и сам испил вино жестокости и испытал удар бессердечия. Кардар оскорбил невинную женщину наветом, пронзил ее грудь бедой, но в конечном счете сам оказался брошенным в пустыне и стал мишенью бедствий. А хаджиб заступился за невиновную и добился для нее снисхождения, вот и счастье в конце концов подружилось с ним, а власть стала сопутствовать ему. Когда же дочь Камкара очистилась от клеветы, когда оправдалась от обвинений в великих и малых грехах, то ее целомудрие прославилось повсюду, а о чистоте ее стали слагать легенды. Сказал всевышний: «Аллах не есть неведающий о том, что делаете вы».

– Да будет вечной жизнь падишаха! Пусть царствование его длится долго, пусть он пользуется господней поддержкой. Известно, что судьба и рок всецело властны над природой и людьми, никакой хитростью их не отвратить, ничем не предупредить. Если судьба предначертала мне на листе счастья волю, то свобода достанется мне вопреки подстрекательству везиров и наветам врагов.

Два дня не следует остерегаться смерти
В тот день, что рок избрал, и в тот, что не избрал.

– Но что касается деяний и поступков людей, то не следует отказываться от усилий и пренебрегать старанием. Поскольку эта целомудренная девушка была невиновна в возведенной на нее клевете, то ее пола не вспыхнула от огня завистников, ее гумно не загорелось. Поскольку я, твой нижайший раб, не осквернен никаким преступлением, я ухватился рукой надежды за прочную опору и взираю глазами надежды на грядущее освобождение. Моя просьба к всеобъемлющему благородству шаха, к твоей справедливой природе та, чтобы ты помедлил столько, сколько нужно, чтобы ночь сомнения сменилась рассветом доказательства истины. Быть может, хитрость завистников иссякнет и твои благословенный взор получит сведения о моей невиновности.

Когда гонец слова достиг этих мест, а невесты ясного изложения пришли к этому паланкину, падишах приказал отвести Бахтияра в темницу.

Допустим, ныне рок мне покорился.
Допустим, ныне мир мне подчинился.
Но кто вернет мне годы молодые,
Кто дни вернет, когда в темнице я томился?

Доколь душа страданию обречена?
Доколе жизнь превратностей полна?
Сама судьба раскаиваться станет,
Что заточенье мне в удел дала она.

Когда утро десятого дня подняло знамена восхода и продало одетую в черное рать ночи с простора небес, когда свет ожерелья дней дошел до десяти, когда стан терпения и покорности стал короче, собрались сановники, знатные мужи и хаджибы сошлись вместе, все они явились во дворец и провозгласили в один голос:

– Кротость падишаха – эта основа милосердия и прощения, плод силы духа. Лишь когда человек станет отражением нисходящих с неба божественных лучей и бесконечного света господней милости, в его

сокровищнице соберутся жемчуга совершенных нравственных качеств, из источников его кротости и рудников его знаний забьют прозрачные ключи мудрости. Но, если преступление переходит границы дозволенного, это свидетельствует о бездеятельности правосудия и отсутствии руководства. Именно из-за этого основы шариата и устои власти начинают шататься, а цветущие области и края, обитель пречистых мужей и питомник великих умов, приходят в запустение. Мед, хоть полезен и сладок, если поесть его много, вызывает лихорадку. Кротость, которая знаменует человечность, если не знать в ней меры, приводит к смуте и легкомыслию. Все неверные в страхе готовы принять ислам, но такое обращение неискренно, и место сих лицемеров – в аду и геенне огненной. Нельзя достояние мужей грузить на детский кораблик, нельзя из-за глупых россказней вырывать с корнем правосудие.

Охрана царства – меч, а страж его – стрела,
Из сабель сад его, из копий и кинжалов.

Шах, выслушав эти слова, тут же приказал привести Бахтияра из темницы и повесить. Когда Бахтияра ввели в тронный зал падишаха, он поцеловал прах перед ним и заговорил:

– Да будет известно шаху, завоевателю крепостей, что в море, подвластном человеку, невозможно бежать от небесного рока, что от всесильной судьбы никакой хитростью или сообразительностью не спрятаться. Бесполезно бежать от судьбы или сражаться с ней. Шах Хиджаза, хоть и был одним из самых предусмотрительных людей, пытался отвратить то, что предначертано свыше, но в конце концов попал в когти сокола рока и испытал удары клюва ворона судьбы. Я, твой нижайший раб, смирился с судьбой и запомнил на будущее предостережение рока.

Это дело Аллах предрешил – и конец!
Нет насилия в том, что решает творец.

– Если же падишаху угодно выслушать об удивительном приключении и чудесах, которые случились с шахом Хиджаза, –

продолжал Бахтияр, – то твой нижайший раб расскажет.

– Рассказывай, – приказал шах.

Глава десятая

Рассказ о шахе Хиджаза и о бессилии человека перед судьбой и роком

Бахтияр сказал:

– Да будет вечен шах всей земли в нетленном царстве и непреходящем счастье, пусть расцветет его веселье, подобно весеннему саду, а жизнь его пусть пребудет под сенью покровительства творца. В стране Хиджаз жил падишах из рода Парвиза. Он обладал покорным воинством и великим счастьем. Но у него не было сына, и он постоянно говорил себе: «Ах, если бы у меня родился сын, который мог бы наследовать мне в царстве и счастье!»

Бывает злосчастье, из-за которого древо царства из сада правления попадает в солончаковую степь чужбины; бывает и такая злая доля, из-за которой царский венец с головы избранного переходит в руки какого-нибудь чужеродца. Он непрестанно, словно Закария, восклицал: «Подари мне от себя потомство».

Наконец его мольбы были услышаны, и сын был зачат в хранилище лона. Божественный рок и бесконечная милость создателя даровали ему мальчика приятной наружности, несравненной красоты, базилик в саду любви, аргаван на лужайке дружбы. Звездочеты шаха стали составлять гороскоп ребенка, изучили положение планет, сопоставили тайну значений и законы передвижения звезд, пришли к падишаху и сказали:

– Твоему сыну в возрасте семи лет угрожает опасность от лап льва. Если он избавится от этой опасности, то придется падишаху из-за сына расстаться с жизнью.

Шах удивился такому странному гороскопу, стал размыи1 лять о трудностях предстоящих событий и сказал себе:

Жизнь человека – словно метеор:
Сверкнет в ночи и превратится в пепел.

Он смирился с судьбой, а «примирение с судьбой – врата к великому Аллаху». Каждый костер в конечном итоге превращается в пепел, каждое царство подвержено разрушению.

Любой твердыне, чьи прочны основы,
Ход времени разрухою грозит.
Ты отгоняешь ворона злосчастья,
Но знай, тебя судьба не пощадит.

Мир подобен преходящей тени,
Гостю, что простился и ушел,
Или веренице сновидений:
Ты глаза открыл – и сон прошел.

Власть и богатства этого мира преходящи, счастье и высокое положение в этом мире тленны. Не следует привязываться сердцем к тому, что дано на подержание. Всем людям дети приносят радость, падишаху же сын принес только скорбь. Он смотрел в лицо ребенку и говорил:

– Увы! Этот плод таит в себе шип, это наслаждение влечет горькое похмелье.

С тобой свиданье не дает мне счастья:
Я знаю, что разлука смерть сулит.

Самый малый из пороков мира
В том, что он для человека – враг.
Можно ли побег надежд лелеять,
Если скоро превратишься в прах?

И падишах решил так: «Моему сыну грозит беда от лап льва по прошествии семи лет. Эти семь лет его жизни – всего лишь несколько

оборотов солнца, В эти годы я буду утолять жажду взора в источнике красоты, буду ждать, какой птенец вылупится из яйца его бытия, какую беду породит пламя несчастий».

За краткий миг, пока взлетит и упадет орех,
Раб может цепь разбить, больной – восстать с одра.

Когда мальчику исполнилось семь лет, то есть круги мира семь раз обернулись вокруг центра его жизни, семь лет события мирские записывались в тетрадь смерти, падишаху вздумалось рукой человеческой хитрости стереть начертанное роком и судьёй, иными словами – силой человеческого ума избегнуть божественного предначертания. Он приказал копать на горе глубокую яму на дне ее вырыть пещеру и поместить мальчика вместе с няней в той пещере. Падишах каждую неделю приезжал к колодцу, и для него в ведре любви подымали наверх луноликого отрока. Когда ребенка вытаскивали из ямы, падишах часок предавался отцовской любви на ковре свидания, приговаривая:

– О враг в облике друга! Ради тебя я не знаю покоя. О безжалостный убийца! Ради тебя я переношу тысячи бед.

Как много зла таит в себе удача!
И сколько бед душе от пития вина!

Удивительное дело! Чтобы отвратить от ребенка беду, прибывали всевозможные средства, оберегали его и охраняли, растили в колыбели заботы, пеленали свивальником предосторожности. Как говорит пословица: «Ребенок – источник скупости и трусости».

Но вот однажды свирепый лев гнался за добычей. Он был стремителен, как вихрь, быстр, как пламя. И вдруг, пробег мимо той ямы, лев упал в нее! Как сказал всевышний: «Чтобы Аллах решил дело, которое было совершено». Лев схватил мальчика за плечо и выбросил из ямы, хотел сам выпрыгнуть вслед за ним, но яма была глубока, а зверь тяжел, и ему не удалось выбраться. Няня стала добычей голодного льва, а мальчик потихоньку спустился с горы в долину.

Если не могу с тобой в бою сразиться,
Лучше мне скорее в бегство обратиться!

По воле случая там проходил караван, направлявшийся в дальние страны. Караванщик увидел мальчика, прекрасного, словно месяц на небе, словно ветвь аргавана. Роза бытия его утопала в крови, одеяние его тела было разорвано несчастьем, Кровь расплавленным рубином орошала хрусталь его кожи, блестящие яхонты краснели, на молоке.

– О дитя, что случилось с тобой? – воскликнул караванщик. – Как ты, раненый и без присмотра, оказался в горах?

– Меня укусила собака, – отвечал мальчик, но караванщик увидел большую рану и понял, что это был лев.

– Есть у тебя отец? – спросил караванщик.

– Есть, но он не знает об этом.

– А мать есть у тебя?

– Была, но собака, напав на меня, сожрала ее.

Караванщик взял мальчика и повез в свою страну. Он относился к нему милостиво, от избытка сострадания ласкал и лелеял его, и вскоре тот поправился.

На другой день падишах поехал навестить сына. Подъехав к яме, он увидел на дне ее рыкающего кровожадного льва. Задрожав от горя, падишах воскликнул:

– О светоч моих глаз! Ты стал добычей льва несчастия! Нарцисс моего сада стал лакомым куском для бед!…

Рыдая, он стал посыпать голову прахом, охваченный пламенем скорби. Падишах вернулся в столицу в разорванном кафтане, пораженный горем. Он был печален, словно басовая струна, грустен; голова его клонилась к земле, словно стебель фиалки.

Надеялся я отвратить беду,
Но, видно, бог судил иначе.

Я хитростью пытался отдалить разлуку,
Но не сумел. Разлука разделила нас.

Мудрецы и ученые мужи страны, чтобы погасить пламя скорби падишаха и утешить его, говорили:

– Хотя наши сердца жаждут, чтобы дети наши, в которых сосредоточился аромат радости и цвет лужайки ликования, жили вечно, однако у луны и солнца бывает затмение! Если бы твой я не испил напитка небытия, то была бы опасность гибели для самого падишаха. Жизнь падишаха сохранена благодаря смерти сына, а смерть падишаха была бы для сына бальзамом. Хотя жемчужина разбита молотом смерти, но ведь осталось море – источник жемчужных раковин; хоть бутон сорван ураганом судьбы но ведь осталось дерево, на котором растут цветы.

Будь вечным, о страны опора,
Гласит всеобщая мольба.

Так они долго утешали его в горе, говорили много сочувственных слов.

А сын меж тем жил у караванщика, не зная мирских забот и не ведая о предназначении людей. Миновало восемь лет, и мальчику пошел шестнадцатый год. Он обрел юношескую силу, отринул от себя мальчишеские слабости. Плод отваги зрел в нем вместе с возрастом, и жизнь его протекала в безопасности. Он полюбил копье, ложился спать с мечом, а днем подстилкой ему служила шкура льва. Айяры той страны, прослышав о его храбрости и доблести, видя, что он подобен Льву на лужайке, барсу на горе, что он быстр словно ветер и пламя, сказали ему:

– Тот, кто владеет мечом, развлекается на крышах грехов; тот, кто умеет обращаться с копьем, должен летать на крыльях ветра.

Кто не боится леопарда,
Пред кем отступит крокодил,

того не прельстят женщины с их ухищрениями и домашняя жизнь с ее покоем.

Под сенью мечей живи, к тревогам стремись всегда,
Для ратного мужа грешно на мягких подушках спать.

– Будь морем, – говорили айяры, – чтобы избавиться от границ чаши, будь солнцем, чтобы спастись от позора тенет.

Одним словом, юноша и айяры стали заниматься разбоем, так что в стране от них не стало покоя, всюду воцарилась смута, караваны перестали ходить по той стране, нагрянули беды. Люди стали жаловаться на разбой айяров, жители страны стали рассказывать о насилиях, творимых ими. И тогда падишах приказал направить воинов для подавления смуты и искоренения вреда, приносимого разбойниками.

Когда храбрецы столкнулись в бою, когда ратные мужи стали биться, то шахское войско дрогнуло перед натиском сына падишаха, обученные воины сочли бегство удобным случаем и предпочли всему остальному на свете.

Коль ты с оружьем справиться не можешь,
Одно осталось: в бегство обратись.

Когда разбитое войско вернулось в столицу, пришлось выслать новое, чтобы покончить со злом айяров и искоренить основы бунта. Во втором сражении воины шаха выстроились в боевой порядок и сомкнулись кольцом вокруг айяров. Но сын падишаха испустил воинский боевой клич, и его доблесть смешала ряды войска, от страха перед его доблестью мужи лишились ратной силы. Войско падишаха обратилось вспять с криками: «Куда бежать?»

В сраженье я не испытал себя,
Но в беге я не уступлю газели.

Падишах, видя, как побледнели лица его воинов, слыша их тяжкие вздохи, убедился, что его орлы превратились в куропаток, а соколы – в тощих фазанов; румянец на щеках стал шафрановым, станы, подобные тростнику, сгорбились. Он огорчился бегству своего войска, устыдился

перед подданными своей державы, ибо пала во прах честь царства, зашатались основы правосудия. Пришлось ему самому выступить на поле брани, приготовиться сердцем к ударам.

Когда падишах и его воины настигли айяров, то гром боевых барабанов поднялся до самых небес, а пение медных труб услышал бы и глухой. Всколыхнулось пламя битвы, сердца загорелись волнением. Сын шаха нападал, словно лев на лужайке, каждым натиском сокрушая множество воинов, каждым наскоком лишая мужей мощи и силы. Палицей, которая могла бы сравнять с землей гору Эльборз, он повергал во прах воинов; рукою, которая могла бы сорвать с неба созвездие Овна, он погружал мир в потоки крови. Небесные орлы завидовали этому льву, а Миррих с небосвода дивился его острому мечу.

О ты, чей разум направляет меч,
Перед тобою лев не устоит!

Видя такой оборот сражения, падишах сам бросился в битву, и отец с сыном встретились лицом к лицу, так что корень и ветвь сразились. Сын ударил мечом по темени отца, отец – по ветви дерева. Наконец мощь отца возобладала, слава отца превозмогла неустрашимость сына. Шах и его воины долго гнались за ним и наконец схватили юного льва. Падишах вернулся в столицу со смертельной раной на голове, кровь рекой текла по его телу. Призвав звездочетов, он сказал:

– Ваше предсказание было ошибочным. Вы предрекли, будто сын мой, если останется в живых, погубит меня. Если же его растерзает лев, мне якобы суждено умереть своею смертью в постели.

Звездочеты развернули книги и свитки, изучили расположение планет и светил, а потом заявили:

– Тот, кто смертельно ранил тебя, твой сын и никто иной.

Падишах удивился этому, его сердце поразила боль, и он сказал:

– Но ведь сына моего пожрал лев.

– Местоположение звезд и решения на основе их сочетания не лгут, – отвечали звездочеты, – а гороскоп, составленный по всем правилам учености, всегда верен и точен. Мы всего лишь слуги

падишаха, но разум не позволяет нам отступиться от истины и утверждать ложь.

Поскольку мудрецы и звездочеты настаивали на своем, мужи государства сочли необходимым расследовать обстоятельства дела.

Из темницы привели сына падишаха и спросили его:

– Чей ты сын и откуда родом?

– Я сам не знаю, – отвечал он, – от какого древа я происхожу, к какому роду отношусь. Но помню, что отец мой – падишах, что он поместил меня в пещере на дне глубокой ямы. Он всегда приходил к колодцу, чтобы повидать меня, целовал меня и ласкал. Но однажды на дно ямы упал лев, схватил меня за плечо, выбросил наверх и сожрал няню, что была со мной. С мучительной раной я пустился в путь по горам и долинам. Меня подобрал караванщик и усыновил. А теперь судьба разгневалась на меня, и я попал в такую беду.

Когда шах услышал его слова, он поцеловал сына, велел снять с него оковы и воскликнул:

– Этот лев – с моей лужайки, этот барс – с моей горы! Он возложил ему на голову венец, облачил в царскую мантию и сказал:

– Слава Аллаху, мое царство унаследует мой сын – побег моей чащи, державой завладеет мой йеменский Сохейль. Рассказав эту историю, Бахтияр молвил:

– Твоему светлому разуму известно, что ни один человек не может избежать божественного рока, что ни одной душе не дано сразиться с ратью судьбы; ведь сказано: «Предопределение повелевает, а рвение – в благородстве». Я же, уповая на твои похвальные нравственные качества, умоляю не ступать в наказании на путь поспешных решений, на стезю необдуманных суждений, ибо в один прекрасный день лучезарный ум падишаха убедится, что твой нижайший раб не преступал установленного законом и вовсе не совершал измены.

– Отведите Бахтияра в темницу, – приказал падишах, – а завтра казните его.

Когда везиры и советники услышали от падишаха эти слова, то все вместе стали поносить Бахтияра, говоря:

– Поскольку здесь не считаются с нашими советами и наш товар не в ходу, то, надо полагать, почести достанутся этому нечестивцу, а слава – этому кровопийце. В таком случае пусть падишах отошлет нас,

везиров и мудрецов, в отдаленный уголок, дабы мы искали утешения в служении богу.

Старший из везиров и сановников поднялся и сказал:

– Я снимаю с себя пояс службы!

Падишах, слыша ропот везиров и жалобы мудрецов, велел:

– Ступайте и повесьте Бахтияра.

Палач стал кружить возле Бахтияра, словно Миррих вокруг Муштари [29] и, словно грубая дерюга, которой обертывают дорогую ткань. Бахтияр готовился проститься с жизнью и слышал уже зов смерти. Когда его привели на перекресток четырех дорог, люди поразились его красоте и молодости, так что у многих глаза наполнились слезами. И в тот самый миг, когда он ступал ногой на приступку виселицы, туда подоспел айяр, который воспитал Бахтияра. Увидев, что Бахтияра собираются казнить, он разорвал на себе одежды и закричал:

– Вы хотите убить моего сына?

– Таков приказ падишаха, – ответили ему.

Он тут же уплатил палачам много денег и сказал:

– Помедлите хотя бы час, чтобы я мог золотом и дарами исцелить этот неизлечимый недуг, чтобы богатство подыскало выход из этого положения.

С толпой людей айяр пришел в шахский дворец. Падишах сидел на троне, а везиры вокруг него ликовали, когда айяр громко возгласил жалобу и сказал:

– О падишах с благословенными помыслами! Сжалься над моим растерзанным сердцем.

О ты, дарящий миру царства красоту,
Помилосердствуй над судьбой раба.

– Ты приказал вздернуть на виселицу моего сына и уронить знамя его жизни. Не убивай моего Бахтияра, ибо он не знает себе равных по храбрости и благородству, он чудо нашего века по щедрости. Он происходит из царского рода, а по своим достоинствам он царь царей.

– Что за вздор ты мелешь и какие несешь несуразности! – возразили ему. – То ты говоришь, что это твой сын, то утверждаешь,

будто он из царского рода!

Тогда айяр сказал:

– О государь всего мира и великий царь! История эта длинная, а в жизни Бахтияра взлеты чередовались с падениями. Так вот, однажды с отрядом айяров я ехал по кирманской пустыне, приближаясь к колодцу. И вот там увидел я младенца, подобного светлой луне и Моштари, равного пери по красоте. Он лежал у края колодца. И я сказал: «Уж не вернулся ли Юсуф в наш мир? Или это луна взошла из глубины колодца?» Я полюбил его за красоту, а когда поднял его, то нашел на руке дитяти драгоценный камень, а сам он был завернут в парчовые пеленки. Я нарек его Ходададом и взрастил в ласке и неге.

Едва падишах услышал эти слова, он тотчас приказал:

– Немедленно верните Бахтияра! «Воистину я чувствую запах Юсуфа». Забытый ветерок повеял в сердце из любимых мест, святая чистота осенила мою душу близ жилища возлюбленного.

Я с сердца омыл печаль этих дней,
Почувствовал запах любимой моей.

Когда Бахтияра привели к падишаху, он повелел:

– Покажи камень, который привязан к твоей руке!

И Бахтияр положил тот камень перед падишахом. Падишах взглянул на камень, взял Бахтияра за руку, отвел в гарем и воскликнул:

– О жена! Ты – его мать, а я – его отец. Это наш сын, которого мы оставили у колодца. А вот и камень, который мы привязали к его руке.

Мать, увидев камень, заключила в объятия Бахтияра. Так взыскующий добился желанного, Юсуф вернулся к Якубу. Тоска, опалявшая сердце, сложила пожитки, а свидание запело пленительные мелодии.

Бахтияр же начал читать книгу упреков и произнес проникновенные слова:

– Мать моя, – сказал он, – зачем ты возвела на меня напраслину и зачем подвергла меня стольким мукам?

– Меня подговорили завистники-везиры и злобные советники, – отвечала мать.

Падишах, обретя вновь Бахтияра, уступил ему престол и возложил на его голову шахский венец, а сам погрузился в море благодеяний и океан милостей, вознося благодарность за божественное милосердие и щедрые дары создателя. Сказал всевышний: «Если будете благодарны, то я непременно увеличу вам».

Бахтияр же наказал везиров и укрепил основы правосудия.

Милость божья надежней стараний людских,
Против недругов хватит нам помощи бога.
Враг коварством и хитростью не пренебрег,
Словом, действием, вымыслом и наветом.
Было так, но Аллах, всех повергнув во прах,
Обратил гнев на них, нам явив свою милость.

Нет лучше щита от стрел судьбы,
Чем господу смиренное служенье.
И хоть терпенья чаши горек вкус,
Зато отраду принесут плоды смиренья.

Окончен рассказ.

Словарь непереведенных слов и терминов [30]

Абу-Бакр – первый халиф (632 – 634), унаследовавший власть Мохаммада.

Адаб – совокупность знаний, которыми в средневековых мусульманских странах полагалось обладать образованному человеку: познания в литературе, поэтике и истории, знание Корана, обладание каллиграфическим почерком и хорошими манерами.

Аджабруд – см. руд.

Аджам – арабское название всех чужеземных стран, завоеванных арабами; в персидской литературе – обозначение Ирана.

Азра – героиня восходящего к античности предания о влюбленной паре, Вамике и Азре. Их красота и любовь вошли в литературную традицию.

Аиша – дочь Абу-Бакра и младшая жена пророка Мохаммада.

Айяры – средневековые воры-разбойники, объединявшиеся в своеобразные «братства», наподобие ремесленных цехов, и зачастую сочетавшие воровское ремесло со службой правителям и их сановникам.

Аййуб – кораническая форма имени библейского Иова, по преданию, отличавшегося долготерпением.

Аммар Ясмр – один из сподвижников пророка Мохаммада, впоследствии ярый приверженец халифа Али, убит в битве при Сиффине (657 г.). В литературе олицетворяет верность и преданность.

Анка – легендарная птица, недоступная взорам смертных и обитающая, по мусульманским преданиям, на краю света.

Аргаван – багряник, иудино дерево, цветущее ярко-розовыми цветами. В литературе символизирует красный цвет.

Аят – букв, «чудо» (араб.), название ритмических периодов (стихов) Корана.

Бану Амир – арабское бедуинское племя, к которому, по преданию, принадлежал Маджнун.

Барбат – струнный музыкальный инструмент, род лютни.

Бейт – двустишие, единица стиха в арабской и персидской поэзии.

Бехруз – букв, «счастливый».

Вали – градоправитель.

Вамик – герой романтического предания «Вамик и Азра».

Газель – лирическое стихотворение – песня.

Галие – душистая косметическая мазь, употреблявшаяся в средние века на Востоке.

Гам – старинная мера длины, букв. «шаг».

Гулямы – малолетние пленники (часто из тюркских племен), которых специально обучали, чтобы затем формировать из них дворцовую гвардию. Гулямом называли также мальчика-слугу вроде пажа.

Гуль – оборотень, злой дух, враждебный человеку. По преданиям, гули в образе женщин сбивали с пути странников, а затем пожирали их.

Гурии – по коранической легенде, прекрасные черноокие девы, которые будут в раю ублажать праведников.

Гяз – иранская мера длины, около метра.

Дабир – писец, письмоводитель, зачастую исполнявший обязанности советника-секретаря при важных особах.

Дайрэ – бубен, распространенный музыкальный инструмент.

Даник – 1/4 часть дирхема, мелкая монета.

Дей – название зимнего месяца (22 декабря – 20 января) по иранскому календарю.

Джабраил – архангел Гавриил, в мусульманских преданиях – добрый вестник.

Джамшид – легендарный царь иранского эпоса, в его правление на земле царило благоденствие, золотой век.

Джиббе – просторная верхняя одежда.

Джинн – в арабской демонологии дух, который может быть как злым, так и добрым.

Див – злой дух в персидской демонологии страшной и отвратительной наружности.

Динар – старинная золотая монета, около 4,25 г.

Дирхем – старинная серебряная монета, около 3 г.

Дихкан – представитель полупатриархальной-полуфеодальной домусульманской знати в Иране и Средней Азии.

Закария – библейский персонаж, перешедший в коранические предания, олицетворение мудрости.

Зелиха – по Корану, имя жены египетского вельможи, пытавшейся соблазнить Юсуфа (Иосифа Прекрасного); в мусульманской литературной традиции символизирует женскую красоту и неудержимую любовь.

Зохаль – арабское название Сатурна, планеты, которая, по мнению средневековых астрологов, приносит беду.

Зохра – арабское название планеты Венеры. По преданию, Зохра была прекрасной земной женщиной, пленившей двух ангелов небесных, Харута и Марута. Влюбленные ангелы открыли красавице магическое тайное имя бога, а она, произнеся это имя, тут же вознеслась на небо, где была причислена к бессмертным и стала небесным музыкантом, аккомпанирующим хору светил.

Зуннар – пояс из цветной шерсти, которым в мусульманских странах должны были подвязываться иноверцы.

Иклим – географический пояс; по представлениям средневековых географов, к северу от экватора земля делится на семь таких поясов.

Исфахсалар – крупный военачальник, главнокомандующий.

Ифрит – в арабской демонологии безобразный злой дух

Кааба – мечеть в Мекке, где находится священный Черный камень, главная мусульманская святыня.

Кадий – мусульманский судья, который судит по шариату.

Кайсар – арабизованная форма от Цезарь (Кесарь). В мусульманской литературной традиции это слово превратилось в обозначение римских и византийских императоров.

Калам – тростниковая палочка с заостренным концом, которой писали на мусульманском Востоке.

Кебаб – крупные куски мяса, жаренные на вертеле.

Колах – высокая войлочная шапка, средневековый головной убор в Иране.

Кусаййир – герой любовно-романтической истории.

Кутваль – начальник гарнизона, комендант крепости.

Кыбла – направление на Мекку, куда мусульманам следует обращаться лицом во время молитвы.

Лак – мера исчисления, сто тысяч.

Магриб – букв, «запад» (араб.), средневековое название стран Северной Африки (совр. Марокко, Алжир, Тунис).

Маджнун – юноша из арабского племени Бану Амир, которого звали Кайс. Еще в детстве он влюбился в девочку Лейли, затем любовь полностью захватила его и он прослыл одержимым (по-арабски – «маджнун»). История несчастной любви Маджнуна и Лейли приобрела широкую популярность в литературе и фольклоре, а их имена превратились в символы любви и верности.

Мадир – имя араба-бедуина, вошедшего в предание своей скупостью и своекорыстием: напоив своего верблюда из колодца в пустыне, он затем осквернил его испражнениями, дабы никто другой не смог воспользоваться водой.

Мамдух – букв, «восхваляемый», объект панегирика.

Ман – мера веса в средние века около 6 кг.

Ман ибн Заида – арабский полководец VII в., знаменитый храбрец, известный также благородством и щедростью.

Машатэ – профессия женщины, наряжающей и украшающей невесту перед свадьбой.

Мей дан – ристалище, городская площадь, где происходили состязания, воинские смотры, народные собрания.

Миррих – арабское название планеты Марс; по представлениям средневековых астрологов, Марс приносит несчастье.

Мискаль – малая мера веса в средневековом Иране около 4,6 г.

Миср – арабское название Египта, букв, «город», «страна».

Михраб – ниша в стене мечети, обозначающая Кыблу, т. е. направление на Мекку.

Моштари – арабское название планеты Юпитер, которая, по утверждениям средневековых астрологов, предвещала счастливую

судьбу.

Муса – библейский Моисей, играющий большую роль в мусульманских преданиях.

Муфтий – мусульманское духовное лицо, выносящее решения в соответствии с религиозным правом.

Мухалаб – крупный полководец, руководивший арабскими войсками при завоевании Ирана и Средней Азии (ум. в 702 г.)

Надим – «собеседник», приближенный шаха или вельможи, помогающий ему коротать свободное время.

Намаз – мусульманский молитвенный обряд, который надлежит совершать пять раз в сутки в соответствии с религиозными правилами.

Нат – кожаная подстилка, которую расстилали при совершении казни, если она происходила прямо во дворце, чтобы кровь не пачкала паласов и ковров.

Небат – вид кристаллического сахара.

Ноуруз – иранский Новый год, древний праздник, приходящийся ' на весеннее равноденствие.

Парвиз – сасанидский шах Хосров Парвиз (590 – 628); в литературу вошел и как олицетворение царской власти, и как романтический герой, влюбленный в красавицу Ширин.

Пахлаван – богатырь, витязь.

Пери – в персидской демонологии дух, который может быть и добрым, и враждебным человеку; в литературе – олицетворение прекрасной женщины.

Раджаб – название седьмого месяца мусульманского лунного календаря. Пословица «Проживи раджаб и увидишь диво» примерно соответствует русскому «Поживем – увидим».

Ребаб (рубаб) – старинный смычковый инструмент с одной или двумя струнами.

Рейхани – сорт белого вина.

Рузбех – букв, «счастливый».

Руд – (также аджаброуд) струнный музыкальный инструмент.

Рум – арабо-мусульманское название Рима и Византии, а впоследствии и Малой Азии.

Рустам сын Заля – главный герой «Шах-наме», иранского национального эпоса.

Сарханг – средневековое воинское звание, младший офицер.

Сабур – лекарственное растение, идущее на приготовление горького на вкус слабительного.

Сальма – героиня арабских любовных сказаний, красавица.

Сальсабиль – по Корану, название райского источника.

Сахбан Ваиль – знаменитый арабский оратор, образец красноречия (ум. в 684 г.).

Систан – древняя иранская область на границе с Афганистаном.

Солейман – библейский царь Соломон, широко известный в мусульманской литературе и фольклоре, где он показан могущественным властелином, повелевающим людьми и духами, понимающим язык зверей и птиц.

Сохейль – звезда Канопус (главная звезда созвездия Корабль Арго), хорошо видная в южных странах, в частности в Йемене, символ блеска.

Суфа – род лежанки (но без печки), глинобитное или каменное возвышение, на котором сидят или лежат.

Суфий – последователь религиозно-мистического направления, возникшего в средневековом исламе.

Табаристан – прикаспийская провинция Ирана, в средние века пользовавшаяся относительной независимостью.

Таммуз – название первого летнего месяца (21 июня – 21 июля) по сирийскому календарю, имевшему распространение и в Иране.

Тарабруд – старинный музыкальный инструмент, род лютни.

Тасу – очень мелкая мера веса (2 – 4 ячменных зерна), которая в старину служила также денежной единицей.

Тахт – возвышение (большей частью деревянное), на котором сидят, род невысокого помоста с резными спинками-загородками с трех сторон.

Терьяк – наркотик, одна из модификаций опиума; известен в Иране очень давно.

Фагфур – букв, «сын бога», персидское название титула китайского императора; в фольклоре часто персонифицировано и приобрело значение собственного имени.

Фараон – титул правителей Древнего Египта; в Коране употребляется как собственное имя царя, правившего в Египте во время жизни Мусы.

Фарр – по древним иранским поверьям, таинственный знак царского происхождения и власти, чаще всего принимающий вид ореола, но иногда являющийся и в других формах.

Фарсанг – мера длины, около 6 км.

Фархад – герой романтических легенд, влюбленный в красавицу Ширин, жену Хосрова Парвиза; символ самозабвенной любви.

Фуркан – одно из названий Корана.

Хаджиб – церемониймейстер при шахском дворце.

Харадж – подушная подать, налог, дань.

Харвар – старинная иранская мера веса, около 300 кг.

Хатем Таи – арабский князь и поэт (ум. в 605 г.), вошедший в легенду своей щедростью и великодушием.

Хашар – букв, «сбор» (араб.), обозначение коллективного участия населения в каких-нибудь общественных или государственных мероприятиях в мусульманских странах.

Хотан – древний город и область в Синьцзяне; в литературной традиции известен красавицами и добычей мускуса.

Хомай – мифическая вещая птица, приносящая счастье:по иранскому преданию, тот, на кого упадет тень птицы Хомай, станет царем.

Хумаира – ласкательное прозвище Аиши, с которым к ней обращался Мохаммад.

Хутба – проповедь, которую читают в пятницу в мечети, содержащая упоминание имени правящего государя.

Чанг – струнный музыкальный инструмент.

Чароки – обувь из сыромятной кожи с длинными завязками вокруг голени.

Чин – средневековое название Китая в мусульманских странах.

Чоуган – поло, конная игра в мяч клюшками, распространенная в средневековом Иране, а также сама клюшка. В литературе с клюшкой-чоуганом часто сравнивают изогнутые локоны красавицы.

Шам – арабское название Сирии.

Шариат – совокупность мусульманских религиозных и правовых норм.

Шахзаде – царевич, сын шаха.

Шахид – воин, погибший в войне «за веру»; по мусульманским верованиям, шахиды после смерти попадают прямо в рай.

Ширин – красавица-царевна, героиня романтических преданий, верная возлюбленная Хосрова Парвиза.

Эйван – крытая терраса с поддерживающими кровлю колоннами, обычно прилегает к дому или к дворцу.

Эльборз – горная.цепь на севере Ирана.

Эсфандияр – один из центральных персонажей «Шах-наме», богатырь, соперничающий с Рустамом.

Юсуф – библейский Иосиф Прекрасный, легенда о котором вошла в Коран и получила широкую известность в фольклоре и литературе Ближнего Востока.

Якуб – библейский Иаков, отец Юсуфа. По преданию, лишившись любимого сына (проданного коварными братьями в Египет), он ослеп с горя. Но зрение вернулось к нему, едва он коснулся рубашки Юсуфа, доставленной из Египта.

Ятриб – старое название Медины.

---

notes

Примечания

1

Намек на распространенный среди доисламских бедуинов обычай закапывать новорожденных дочерей.

2

Одно из названий созвездия Медведицы в арабском и персидском языках – *банат ат-на'ш*, в переводе значит «дочери катафалка».

3

Мученической смертью за веру у мусульман считается гибель на поле сражения в религиозной войне за ислам. Однако роженица, умершая от родов, также включается в число погибших мученической смертью за веру. Здесь – поэтическая гипербола.

4

Ишк и *ашака* – арабские однокоренные слова, вошедшие в персидский язык.

5

Хододад дословно означает «данный богом». Главарь выбирает это имя, чтобы подчеркнуть обстоятельства находки ребенка.

6

Бахтияр дословно означает «счастливый», «тот, к кому благоволит счастье».

7

«Когда войско Рума удалилось на запад» – т. е. на закате солнца, поскольку слова «румиец», «румийский» в персидской поэзии символизируют нечто белое, светлое, в том числе и солнце.

8

«…полк занзибарцев тьмы» – занзибарцами в персидской поэзии часто именуют представителей черной расы. Здесь метафора для изображения ночи.

9

т. е. был последний месяц зимы, поскольку солнце находится в созвездии Рыбы с 21 февраля по 21 марта.

10

Т. е. был разгар лета. Месяц Рака приходится на 22 июня – 21 августа.

11

Мусульманин, приступая к какому-либо делу, прежде всего должен произнести формулу «Во имя Аллаха». Автор хочет здесь сказать, что герой только приступил к еде.

12

Т. е. Юсуфа (Иосифа). По преданию, Юсуф был родом из Ханаана.

13

Т. е. день. В персидской литературе румийцы (византийцы), как представители белой расы, символизируют белизну, день и т. д.

14

Т. е. ночь. В персидской литературе эфиопы, негры символизируют черноту, ночь и т. д.

15

Имя Бу-Сабир дословно значит «терпеливый».

16

Имеется в виду женская рука.

17

Намек на библейско-кораническую легенду о Якубе и Юсуфе. Согласно этой легенде, ослепший от горя Якуб издали почувствовал запах рубашки Юсуфа. Здесь автор хочет сказать, что настанет время, когда томящиеся в разлуке услышат весть о свидании.

18

Имеются в виду два халифа, носивших это имя и прославившихся своей справедливостью: Омар ибн ал-Хаттаб (634 – 644), второй из халифов «правого пути», и Омар Абд ал-Азиз Омейяд (717 – 720).

19

«Ханаанский луноликий красавец» – Юсуф.

20

Имеется в виду один из видов состязаний в воинском искусстве; в переносном смысле – высшая степень воинского мастерства.

21

Согласно мусульманской традиции, рука Мусы обладала способностью вершить чудеса и называлась «белой рукой». Это преломленное отражение библейского сказания, которое в Коране выглядит так: «И сказал Муса: О Фараон! Воистину я действительный посланник от Господа обоих миров, истинный, так как говорю о Боге только истину. Я явился с ясным доказательством к вам от вашего Господа. Так пошли же со мной сынов Израиля. Ответил: если ты явился с чудом, так яви же его, если ты из правдивых. Тогда он бросил свой жезл, и вот он – явный змей. И вынул свою руку, и она – белая для смотрящих» (Коран, VII, 104 – 108). Исходя из этого места в восточных литературах «рука Мусы», или «белая рука», стала символизировать нечто чудодейственное, сверхъестественную силу.

22

Четыре первоосновы – в средневековой мусульманской науке считалось, что весь материальный мир состоит из соединения четырех основных стихий-первоэлементов: огня, воды, земли и воздуха.

23

Семь светил – Солнце, Луна и пять известных в то время планет: Марс, Венера, Сатурн, Юпитер, Меркурий.

24

Господин пророков – т. е. Мохаммад

25

Гураб – по-арабски означает «ворон».

26

Типичное обращение к женщине на мусульманском Востоке.

27

Т. е. ненадежное, незащищенное положение.

28

См. выше, примеч. 26.

29

Т. е. словно Марс вокруг Юпитера. Миррих – небесный воин, олицетворение жестокого человека. Муштари, по средневековым мусульманским представлениям, приносит людям счастье.

составлен Н Б. Кондыпевой.